

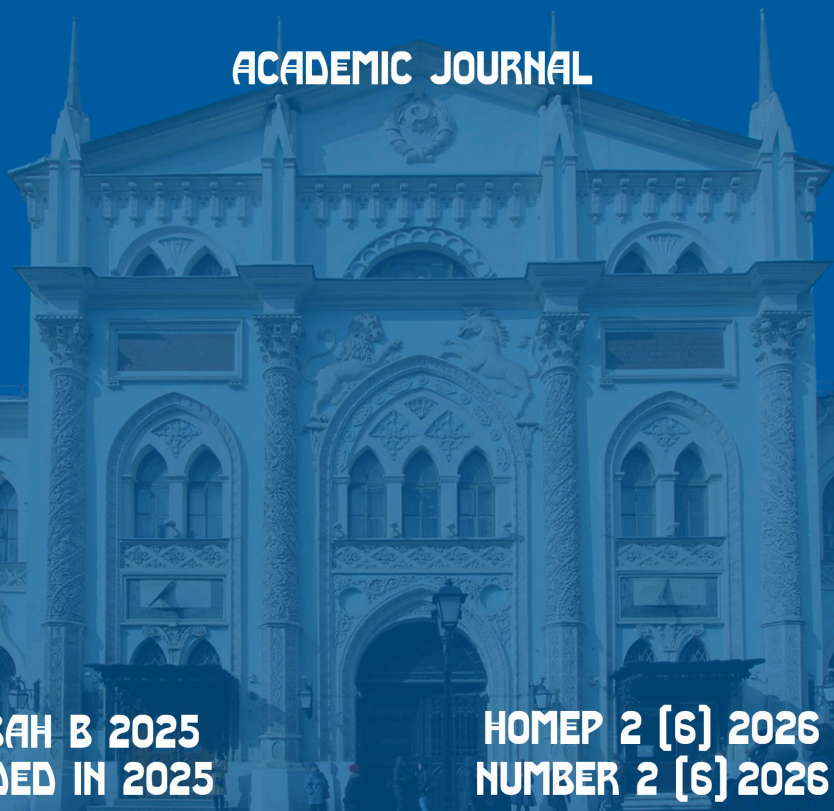
МОЛОДОЙ ИСТОРИК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

YOUNG HISTORIAN

ACADEMIC JOURNAL

ОСНОВАН В 2025
FOUNDED IN 2025

НОМЕР 2 [6] 2026 ИЮНЬ
NUMBER 2 [6] 2026 JUNE

МОЛОДОЙ ИСТОРИК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

YOUNG HISTORIAN

ACADEMIC JOURNAL

ОСНОВАН В 2025

FOUNDED IN 2025

NO.2 [6]

2026

MOLODOI ISTORIK
YOUNG HISTORIAN

Academic Journal

There are 4 issues of the journal a year.

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

The main content of the YOUNG HISTORIAN consists of scientific articles, scientific abstracts, scientific reviews, the subject of which corresponds to the group of scientific specialties 5.6 “Historical Sciences” according to the nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded, approved by Order № 118 of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated February 24, 2021:

5.6. Historical sciences:

- 5.6.1. Russian history
- 5.6.2. World history
- 5.6.3. Archaeology
- 5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography
- 5.6.5. Historiography, source study, methods of historical research
- 5.6.6. History of science and technology
- 5.6.7. History of international relations and foreign policy
- 5.6.8. Records management, document science, archival science

The purpose and scope: THE “YOUNG HISTORIAN” is an academic, peer-reviewed journal aimed at promoting the scientific research of young scholars in the field of history. The journal is a platform for the exchange of opinions and discussions between young historians and the publication of scientific and historical researches and materials of theoretical and (or) practical significance.

Journal objectives:

- Selection and publication of original and high-quality scientific materials by young historians;
- Involvement of young scholars, students, postgraduates, applicants for academic degrees in publishing and activities of the journal;
- Ensuring objective and independent review of published articles by domestic and foreign historians;
- Promotion of international cooperation in the field of historical science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Editorial staff office: 6, Miuskaya Square, Moscow, 125047

E-mail: molodoi.istorik@rggu.ru

МОЛОДОЙ ИСТОРИК

Научный журнал

Выходит 4 номера электронной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГУ)

Основное содержание МОЛОДОЙ ИСТОРИК состоит из научных статей, научных обзоров, научных рецензий, тематика которых соответствует группе научных специальностей 5.6 «Исторические науки» согласно номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются учёные степени, утверждённой приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118:

5.6. Исторические науки:

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

5.6.3. Археология

5.6.4. Этнология, антропология и этнография

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.6. История науки и техники

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

5.6.8. Документалистика, документоведение, архивоведение

Цели и область: МОЛОДОЙ ИСТОРИК – академический, рецензируемый журнал, нацеленный на продвижение научных исследований молодых учёных в области истории. Журнал является платформой для обмена мнениями и дискуссий между молодыми историками и публикации научно-исторических исследований и материалов, имеющих теоретическую и (или) практическую значимость.

Задачи журнала:

- отбор и публикация оригинальных и качественных научных материалов молодых историков;
- привлечение молодых научных сотрудников, студентов, аспирантов, соискателей учёных степеней к публикационной активности и деятельности журнала;
- обеспечение объективного и независимого рецензирования публикуемых статей отечественными и зарубежными историками;
- содействие развитию международного сотрудничества в области исторической науки. Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

Электронный адрес: molodoi.istorik@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive secretary

S.A. Tagiltseva, master's student, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

P.A. Alipov, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

M.M. Chernigovskiy, Cand. of Sci. (History), Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I.B. Antonova, Cand. of Sci. (Pedagogy), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*editor of English text*)

D.A. Baklanov, graduate student, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*editor*)

Executive editors:

D.A. Baklanov, graduate student, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*editor*)

S.A. Tagiltseva, master's student, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный секретарь

С.А. Тагильцева, студент магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

П.А. Алипов, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

М.М. Черниговский, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И.Б. Антонова, кандидат педагогических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*выпускающий редактор английского текста*)

Д.А. Бакланов, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*редактор*)

Ответственные за выпуск:

Д.А. Бакланов, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*редактор*)

С.А. Тагильцева, студент магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история

Полина А. Баландина

«Наполеоновская легенда» как часть официальной идеологии Июльской монархии (по произведениям В. Гюго и А. Дюма)

10

История Российской империи

Ангелина А. Зуева

Политическое vs административное в географии польской ссылки 1863 г.

26

Егор И. Штанько

Польское восстание и политический национализм М.Н. Каткова

40

Михаил А. Овчинников

«На этой почве возникло единение»: образование союза адвокатов в ноябре 1904 – марте 1905 гг.

56

Искусство и фотография в историческом измерении

Наталья Д. Кохович

Фоторепортаж в Российской империи конца XIX – начала XX вв.: становление жанра и практика публикации

75

Софья В. Буслаева

Н.М. Тарабукин и производственное искусство в историко-культурном контексте 1920-х гг.

86

Советское общество: образы и репрезентации

Дарья С. Вельмушкина

Визуальные репрезентации моды и культуры потребления в СССР 1920–1930-х гг. на примере произведений М.А. Булгакова: «Зойкина квартира» и «Мастер и Маргарита»

97

CONTENTS

World history

Polina A. Balandina

“The Napoleonic Legend” in the Official Ideology of the July Monarchy (Based on the Works of V. Hugo and A. Dumas)

History of the Russian Empire

Angelina A. Zueva

The Political vs administrative dimension in the geography of the Polish exile (1863)

Egor I. Shtanko

Polish uprising and M.N. Katkov's political nationalism

Mikhail A. Ovchinnikov

“This brought them together”: the formation of Bar Association in November 1904 – March 1905

Art and photography in historical dimension

Natalya D. Kokhovich

Photo report in the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries: the emergence of genre and publication practice

Sofya V. Buslaeva

N.M. Tarabukin and production art in the historical and cultural context of the 1920s

Soviet society: images and representations

Daria S. Velmushkina

Visual representations of fashion and consumer culture in the USSR in the 1920s–1930s: a case study of Mikhail Bulgakov's “Zoyka's Apartment” and “The Master and Margarita”

Дарья К. Сидорова

Репрезентация советской идентичности
в учебной литературе для детей
и подростков в 1918–1929 гг.

109

Историография и интеллектуальная история

Юлиана Н. Ершова

К вопросу об эволюции советской
критики буржуазной историографии
в годы перестройки

141

Daria K. Sidorova

Representation of Soviet Identity in
educational Literature
for Children and Teenagers in 1918–1929

Historiography and intellectual history

Juliana N. Yershova

How Soviet criticism of bourgeois
historiography transformed
during the Perestroika period

УДК 94(44)“1830/1848” + 821.133.1

«Наполеоновская легенда» как часть официальной идеологии
Июльской монархии (по произведениям В. Гюго и А. Дюма)

Полина А. Баландина

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия, pol-bal.balandina@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации «наполеоновской легенды» в культурном пространстве Франции в годы Июльской монархии (1830–1840 гг.). «Наполеоновская легенда» понимается как динамический комплекс представлений и стереотипов, существующий в сфере коллективной памяти. В контексте правления Луи-Филиппа Орлеанского рассматривается процесс интеграции образа Наполеона Бонапарта в официальную идеологию Франции. Особое внимание уделяется средствам идеологической адаптации фигуры императора к новым политическим реалиям, в том числе политическая нейтрализация образа Бонапарта, его сакрализация и интеграция эпохи Империи в единый нарратив французской истории. Исследование основано на анализе литературных произведений В. Гюго и А. Дюма, которые рассматриваются как значимые агенты формирования коллективного исторического воображения. Художественные произведения авторов изучаются как средство культурной легитимации власти короля. В ходе исследования показано, каким образом новая интерпретация образа Наполеона способствовала превращению императора из потенциально опасного политического символа в фигуру общего для всех французов героического прошлого. Автор приходит к выводу о том, что «возрождение» «наполеоновской легенды» в рассматриваемый период становится частью стратегии преодоления «кризиса памяти» и конструирования исторической преемственности.

© Баландина П.А., 2026

Ключевые слова: наполеоновская легенда, Июльская монархия, историческая память, политика памяти, Виктор Гюго, Александр Дюма

Для цитирования: Баландина П.А. «Наполеоновская легенда» как часть официальной идеологии Июльской монархии (по произведениям В. Гюго и А. Дюма) // Молодой историк. 2026. № 2(6). С. 10-25.

“The Napoleonic Legend” in the Official Ideology
of the July Monarchy
(Based on the Works of V. Hugo and A. Dumas)

Polina A. Balandina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, pol-bal.balandina@yandex.ru

Abstract. This article examines the transformation of the “Napoleonic legend” within the cultural environment of France during the July Monarchy (1830–1840). “The Napoleonic legend” is interpreted as a dynamic constellation of representations and stereotypes functioning within the collective memory. The author considers the process through which the image of Napoleon Bonaparte was incorporated into the ideology of France during the reign of Louis-Philippe d’Orleans. Particular attention is paid to the mechanisms of the ideological adaptation of the emperor’s figure to new political realities, including the political neutralisation of Bonaparte’s image, its sacralization, and the integration of the Imperial era into a unified narrative of French history. The research is based on V. Hugo’s and A. Dumas’ works. Both authors are treated as significant agents in the creation of collective historical imagination and their writings are examined as means of cultural legitimation of the king’s authority. The study demonstrates how new interpretations of Napoleon’s image contributed to the semantic transformation of the emperor from a potentially destabilizing political symbol into a figure of a shared heroic past. It is concluded that the revival of the “Napoleonic legend” during the examined period became a part of a broader strategy aimed at

overcoming the memory crisis and constituting continuity of the national history.

Keywords: Napoleonic legend, July Monarchy, collective memory, memory policy, Victor Hugo, Alexandre Dumas

For citation: Balandina, P.A. (2026), “‘The Napoleonic Legend’ in the Official Ideology of the July Monarchy (Based on the Works of Victor Hugo and Alexandre Dumas)”, *Young Historian*, no. 2, pp. 10-25.

Фигура Наполеона Бонапарта занимает уникальное место в истории Франции: сложно представить себе персонажа, в отношении которого грань между реальным историческим деятелем и продуктом культурного мифа была бы настолько же неуловима. Формирование «наполеоновской легенды» – системы устойчивых представлений о Бонапарте – началось еще при его жизни, а после падения Империи и смерти Наполеона миф о нем продолжил развиваться в двух вариациях: «золотой», восхваляющей, и «черной», демонизирующей. В условиях политической нестабильности и частой смены режимов во Франции обращение к фигуре Наполеона стало инструментом идеологической борьбы: высказывание об императоре в рамках логики одной из версий «легенды» зачастую превращалось и в высказывание о свободе, Революции, идеальном политическом устройстве... Другими словами, Наполеон Бонапарт может рассматриваться историками не только как человек и политик, но и как символ, который постоянно подвергается переосмыслению. В этом смысле «наполеоновская легенда» – не просто культ личности, а важнейший элемент культурной памяти и яркий пример политической инструментализации истории.

С точки зрения изучения истории наполеоновской легенды особенно значимым представляется период Июльской монархии (1830–1848 гг.), когда предпринимаются первые масштабные попытки интеграции наследия Бонапарта в официальную идеологию, а значит, и институционализации памяти об императоре. Режим короля Луи-Филиппа Орлеанского, сочетавший революционное и монархическое начала, нуждался, с одной стороны, в обоснованиях своей легитимности, а с другой – в

символах, способных обеспечить национальную консолидацию. Образ Наполеона, обладавший огромным авторитетом в сознании широких слоев населения, в особенности среди многочисленных ветеранов Великой армии, оказался важным, но потенциально опасным с политической точки зрения ресурсом. Таким образом, одна из задач власти заключалась в том, чтобы преобразовать этот образ в символ общенационального единства и гордости, совместимый с ценностями нового порядка.

Однако этого нельзя было достичь исключительно средствами официальной пропаганды и государственной культурно-исторической политики. Культурная легитимация Июльской монархии посредством апелляции к образу Наполеона Бонапарта происходила не только «сверху», в залах музеев и на церемониях открытия памятников, но и через интерпретацию и переработку исторического материала в произведениях искусства, прежде всего в художественной литературе. Попытка проследить трансформацию «наполеоновской легенды» в первой половине 1830-х гг., опираясь на анализ репрезентаций Наполеона в литературных текстах, согласующихся с официальным дискурсом, предпринимается в рамках этой статьи на примере произведений двух самых популярных авторов эпохи [Робб 2016, с. 202] – Виктора Гюго и Александра Дюма.

Разумеется, ни Гюго, ни Дюма нельзя однозначно назвать «рупорами» режима Июльской монархии – их политические взгляды были подвижны. По отдельным вопросам, таким как цензура, писатели даже высказывали оппозиционные точки зрения, как в случае с выступлением Гюго против цензурной политики государства после запрета его пьесы «Король забавляется» [Робб 2016, с. 166–168]. Вместе с этим отношения обоих авторов с властями можно охарактеризовать как взаимовыгодное сотрудничество. Виктор Гюго, к 1830 г. окончательно отказавшийся от своих ультрароялистских взглядов, был близко знаком с членами королевской семьи, принимал участие в разработке исторической политики и являлся членом Академии наук, а к концу десятилетия получил титул пэра Франции благодаря личному ходатайству Луи-Филиппа [Робб 2016, с. 168–185]. Александр Дюма, в свою очередь, активно сотрудничал

с государственными культурными учреждениями. В частности, рассматриваемая в этой статье пьеса «Наполеон Бонапарт, или Тридцать лет французской истории»¹ была написана специально для сцены «Одеона», который считался королевским театром и получал субсидии из казны [Мильчина 2013, с. 664], и стала одним из самых масштабных проектов не только в рамках театрального сезона 1830–1831 гг., но и в истории театра в целом. Соответственно, представляется правомерным рассматривать творчество Гюго и Дюма с точки зрения формирования образа прошлого, приемлемого для новой власти и созвучного официальному историческому дискурсу эпохи.

В качестве источниковой базы для данного исследования были отобраны два произведения Гюго: ода «К июлю 1830 г.», написанная в ответ на события Трех славных дней и позже опубликованная в составе сборника «Песни сумерек»², и поэма «Возвращение императора»³, посвященная церемонии перезахоронения праха Наполеона в 1840 г., а также упомянутая выше пьеса Дюма, премьера которой состоялась зимой 1830–1831 гг.

Как показывает анализ предлагаемых Гюго и Дюма интерпретаций образа Наполеона, попытка реинтеграции фигуры императора в культурное пространство 1830-х гг. потребовала не просто реабилитации его образа и символического «очищения» от навязываемой режимом Реставрации «черной» легенды о «корсиканском чудовище», но и идеологической адаптации наполеоновского наследия, в первую очередь – за счет «политической нейтрализации» Бонапарта. Можно выделить несколько ключевых механизмов превращения Наполеона из политического символа в объект героического прошлого, достойный всеобщего почитания.

Наиболее очевидной стратегией политической нейтрализации становится символическое расщепление образа

¹ Dumas A. Napoléon Bonaparte, ou, Trente ans de l'histoire de France: drame en six actes. Paris, 1831.

² Hugo V. Les Chants du Crépuscule // V. Hugo. Poésie: Les Chants du Crépuscule, Les Voix Intérieures, Les Rayons et les Ombres. Paris, 1885. P. 11–187.

³ Hugo V. Le Retour de l'Empereur. Paris, 1840.

Наполеона на две сущности – военного и политика. В пьесе Дюма можно найти немало сцен, где эти две ипостаси главного героя осознаются как вполне самостоятельные. Так, в момент своей коронации Наполеон Бонапарт символически «разделяется» на две сущности, «консул Бонапарт» становится «императором Наполеоном»⁴.

При этом Бонапарт – в первую очередь генерал, а не консул. Разделение военной и политической идентичностей особенно ярко прослеживается в диалоге между Наполеоном и Жозефиной перед коронацией. Будущая императрица выражает опасение, что фортуна может не узнать ее мужа в новом статусе: «Она будет искать тебя в палатке, а ты будешь на троне»⁵. В этой сцене персонаж Дюма полон надежд и убежден в том, что счастливая звезда генерала Бонапарта будет сиять и для императора Наполеона; однако безвыходное положение, в котором в конечном итоге оказался император, означает символическую победу «военной» составляющей его образа. Неслучайно в сцене, где Наполеон пытается найти способ сохранить власть и одержать победу над союзниками, он обращается за помощью к прошлой версии себя: «Давай, давай, Бонапарт, спаси Наполеона!»⁶.

Стоит также отметить, что доминирование военной составляющей образа главного героя прослеживается и в выборе эпизодов из жизни императора, включенных в пьесу: почти все действия построены вокруг самых ярких моментов карьеры Наполеона-полководца: представлены сражения Итальянской кампании, переход через Березину, триумфальные Сто дней и неизбежное сражение при Ватерлоо, в то время как путь Наполеона-политика почти не репрезентован, за исключением эпизодов коронации и отречения от престола. Подобное смещение акцентов в биографии Бонапарта способствует превращению фигуры бывшего императора из потенциального инструмента политической борьбы в символ героического прошлого и объект национальной гордости, создание ассоциаций с которым позволяло укрепить позитивный образ действующей власти.

⁴ Dumas A. Op. cit. P. 50.

⁵ Ibid. P. 51.

⁶ Ibid. P. 108.

Свидетельства превращения Наполеона Бонапарта в политически нейтральный исторический символ можно найти и в поэме Виктора Гюго «Возвращение императора». Под «возвращением» автор понимает не восстановление Империи как формы правления, а скорее символическое воссоединение духа императора с духом французов: «... О, я вернусь, все тот же я // Один, без пурпура и венца»⁷. Образ Наполеона становится сакральным, на что указывают многочисленные небесные метафоры, такие как молнии или буря. Вместе с этим в интерпретации Гюго вернувшийся император лишен политической субъектности – он окружен всеобщим восторгом, но никак не может на него «ответить»: «Ведь, о, гигант, лежа в глубокой тени, // В то время, как вокруг Вас // Будут пробуждаться Париж, Франция, весь мир! // Вы будете спать»⁸. В этом сне Наполеон уподобляется другим великим героям истории и становится «немым богом»⁹.

Таким образом, сакрализация, подчеркнутая высокой лексикой и религиозными образами, становится еще одним способом нейтрализации образа Наполеона Бонапарта: в лирике Гюго император возвеличен настолько, что оказывается за пределами политической борьбы.

Еще один механизм идеологической адаптации «наполеоновской легенды» в культурной системе Июльской монархии – включение Бонапарта и его эпохи в единый нарратив истории Франции – имеет особую значимость, поскольку в последовавшие за Революцией десятилетия, французское общество столкнулось с таким явлением как «кризис памяти» [Terdiman 1993, p. 3]: в условиях постоянной смены политических режимов, каждый из которых стремился стереть любые напоминания о своем предшественнике, ощущение общей национальной истории было утрачено. Коллективная память оказалась фрагментирована; можно сказать, что каждый француз в зависимости от политических симпатий, возраста и социального положения имел свое собственное представление о прошлом

⁷ Hugo V. *Le Retour de l'Empereur*. P. 8.

⁸ *Ibid.* P. 12.

⁹ *Ibid.* P. 13.

страны. Для Июльской монархии, возникшей в результате свержения Бурбонов, этот кризис стал вызовом: в условиях необходимости легитимации власти Луи-Филиппа была предпринята попытка формирования единого нарратива французской истории, сочетающего революционное наследие, величие Империи и либеральные идеалы нового правительства.

В оде «К Июлю 1830 г.» Виктор Гюго предпринимает попытку создания новой модели исторического прошлого, интегрирующей все эти эпохи – «истории без лагун». Поэт прямо указывает на преемственность между Империей и Июльской монархией. Он обращается к участникам революции 1830 г. как к сынам героев Наполеоновских войн и провозглашает: «Это их кровь, их душа // В вашей твердой руке, в вашем пламенном взгляде // С них все началось. Сейчас же – ваш черед...»¹⁰. Гюго развивает идею преемственности между Империей и событиями 1830 г. посредством использования «родительских метафор», рисуя образ Наполеона как гордого отца нового поколения революционеров: «Орел нашей армии, // Чье кровавое перо посеяно в сотне мест, // Чей гром затих в ночном приливе, // Ты, вырастивший их на отчем поле, // Смотри, и радуйся, и кричи, и бей крыльями! // Твои орлята выдупились!»¹¹.

В лирике Гюго две эпохи связаны, в первую очередь, общей целью – привести Францию к величию и процветанию, однако их методы различаются. Главный вклад Империи в достижение этой цели – победоносные войны. Именно успехи Великой армии заложили основу международного авторитета Франции. При этом войны значимы не с точки зрения территорий, богатств или славы, а как способ принести открытые Революцией права и свободы другим народам: «Запуганные нации // Были усыновлены ими»¹². Примечательно, что Дюма приводит схожее обоснование активной внешней политики Наполеона – в его пьесе император видит свою задачу в «обновлении» «старой Европы»¹³.

¹⁰ Hugo V. Les Chants du Crépuscule. P. 12.

¹¹ Ibid. P. 13.

¹² Ibid. P. 20.

¹³ Dumas A. Op. cit. P. 51.

Гюго не отказывается от идеи «экспорта» революционных ценностей, несмотря на общие выражения надежды на мирное будущее; однако основное достижение нового режима на пути к процветанию Франции он видит в курсе на укрепление и развитие гражданских институтов, провозглашенном Луи-Филиппом: «Права народа, завоеванные в стольких войнах, // Вы вытащили из савана»¹⁴.

Кроме того, поэт развивает идею особого исторического пути Франции. Направление этого пути заложено Революцией, развито Наполеоном, но было почти утеряно в годы Реставрации. Июльская революция, таким образом, представляется как акт восстановления справедливости, не просто возвращение на истинный путь, но и его логическое завершение. Гюго выражает надежду на то, что наконец-то получится построить справедливое государство, в котором будут высоко цениться права человека и народ не будет угнетен элитами. Соответственно, истинная Революция, начавшаяся в 1789 г., завершилась только с приходом к власти Луи-Филиппа.

Из идеи исторического пути Франции следует идея обусловленности всех событий некоторой исторической необходимостью. Попытки «раскрытия» этой необходимости прослеживаются и в пьесе Дюма. Так, Наполеон приходит к власти в тот момент, когда становится ясно, что «с Франции достаточно республики»¹⁵, и выполняет «миссию» по консолидации страны перед лицом внешних угроз и внутренних беспорядков: «Я не хочу быть императором просто потому, что народ решил вознести меня на трон. Я хочу быть императором, потому что, точно так же, как только я мог спасти Францию, только я смогу ее укрепить»¹⁶. Таким образом, Наполеон стал той «сильной рукой», которая помогла потрясенной Революцией стране сохранить независимость и территориальную целостность, и с этой точки зрения он, несомненно, является «спасителем Франции». И именно действия Наполеона позволили сохранить Францию для завершения Революции и установления по-настоящему демократического

¹⁴ Hugo V. *Les Chants du Crépuscule*. P. 12.

¹⁵ Dumas A. *Op. cit.* P. 46.

¹⁶ *Ibid.* P. 51.

режима, каким позиционировало себя правительство Луи-Филиппа в начале 1830-х гг.

В своей «легитимисткой» оде Гюго не просто связывает Июльскую монархию с революционным и имперским прошлым, но и активно эксплицирует идею ликвидации лакун в историческом нарративе: «Ничего не стирайте: Удар меча // Украшает лоб солдата // Оставим разбитому городу // Его боевые шрамы // Наполним этими великими мертвецами // Гробницы Пантеона // Вернем Людовiku XVI его могилу, // а Наполеону – его колонну»¹⁷. Стоит отметить, что для поэта крайне важно восстановление исторических памятников, так как они превращаются в своеобразный «алтарь» своей эпохи. Неслучайно в поэме «Возвращение императора» дух Наполеона может попасть во Францию только через Триумфальную арку¹⁸.

Даже эпоха Реставрации не может быть стерта из истории: эти «мрачные листы, полные смутной анафемы»¹⁹ необходимы как напоминание о том, что движение Франции вперед, к свободе, могло быть повернуто вспять. В оде «К июлю 1830» Гюго задается вопросом: «... достаточно ли одной позорной руки, // чтобы сменить дорожные таблички?»²⁰. События Трех славных дней показали, что недостаточно, а значит, французы могут забыть о политических разногласиях и смириться со сложным прошлым. Гюго призывает «вернуть старых королей нашим отцам»²¹ и перестать осуждать правителей прошлого.

В целом Гюго рассматривает историю как нечто превосходящее частные политические убеждения и возвышающееся над ними. История не должна быть «полем битвы», наоборот, осознание и принятие общего прошлого – первый шаг к объединению нации и формированию общей идентичности. Именно поэтому лирический герой поэмы «Возвращение императора» предсказывает Наполеону, что он вернется «без боя,

¹⁷ Hugo V. Les Chants du Crépuscule. P. 17–18.

¹⁸ Hugo V. Le Retour de l'Empereur. P. 9.

¹⁹ Ibid. P. 15.

²⁰ Hugo V. Les Chants du Crépuscule. P. 14.

²¹ Ibid. P. 18.

без суеты и без ярости»²². А лучший способ обращаться с историей, согласно Гюго, – знать ее и беречь: «Это благочестие – щадить руины»²³.

Забвение, в свою очередь, ведет к утрате величия страны. Эта мысль считывается и в пьесе Дюма: в сцене, высмеивающей Реставрацию показана огромная очередь на прием к военному министру. Соискатели пенсий обсуждают полк охотников Ла Фейада, а ветеран Великой армии замечает, что «при императоре этот полк назывался бесстрашным»²⁴. Таким образом, единственный способ сохранить подлинную французскую честь – помнить и с почтением относится к боевой славе прошлого. Именно поэтому восстановление исторического нарратива и «возвращение» в него наполеоновской эпохи представляется как восстановление справедливости, «алтаря незаслуженно оскверненной памяти»²⁵.

Итак, в условиях «разорванной памяти», характерной для французского сознания в первой половине XIX в., искусственное конструирование связей с прошлым становится инструментом стабилизации общества и обоснованием легитимности действующей власти. Наполеон Бонапарт вновь выступает не как политическая фигура, а как сакральный герой, воплощение «старых добрых времен», превращаясь в символ национального примирения. Поэзия Гюго демонстрирует, что только избавившись от лакун в собственной истории и признав все ее элементы, французы смогут преодолеть свои политические разногласия и двинуться навстречу общему будущему, свободному и счастливому.

Наконец, еще один способ переосмысления образа Наполеона в культурном дискурсе Июльской монархии, также связанный с идеей исторической преемственности, – обоснование легитимности власти императора – был особенно актуален в первые месяцы после революции 1830 г., когда существовала необходимость преодоления идеологических установок свергнутых Бурбонов, в том числе тех, которые были основаны на

²² Hugo V. *Le Retour de l'Empereur*. P. 9.

²³ Hugo V. *Les Chants du Crépuscule*. P. 18.

²⁴ Dumas A. *Op. cit.* P. 143.

²⁵ Hugo V. *Les Chants du Crépuscule*. P. 14.

представлении о любой власти, имеющей революционную природу, как о насильственной и незаконной.

Очень показательна трактовка приобретения Наполеоном императорского титула, предлагаемая Александром Дюма. Автор рассматривает Революцию как поворотный момент в истории Франции: рассуждая о судьбе своей страны, Наполеон отмечает, что «Революция приучила народ к тому, что с ним считаются. Они больше не будут терпеть от церкви и аристократов»²⁶. Поэтому вполне закономерно, что источником легитимной власти может быть только народ, и император в интерпретации Дюма прекрасно это осознает: «... если настанет день, когда меня назовут узурпатором, мне понадобится голос моей совести, который прокричит: «Единственный законный правитель – избранник народа; и кто, кроме тебя является таковым?»»²⁷.

Дюма, описывая провозглашение императором как «всеобщее желание» («vœu général»²⁸), показывает, что власть Наполеона легитимна. Это позволяет Наполеону символически отказаться от своего вклада в провозглашение империи – главным инициатором этого события оказывается французский народ, а первый консул всего лишь подчиняется его воле: «Итак, вы прекрасно видите, что именно Франция дает мне титул императора, а не я его беру»²⁹. Более того, власть для «сценического» Наполеона – не самоцель, а бремя, которое будет «пожизненно лежать на его плечах»³⁰.

Интерпретация акта передачи власти как исполнения всенародной воли характерна и для представления, формируемого в отношении вступления на трон Луи-Филиппа. Как отмечает Н.П. Танышина, «король-гражданин», не принимавший непосредственного участия в Июльской революции, также всего лишь «согласился» [Танышина 2018, с. 36] принять корону, предложенную ему народом Франции. Таким образом, легитимация власти Наполеона Бонапарта, революционной по

²⁶ Dumas A. Op. cit. P. 158.

²⁷ Ibid. P. 37.

²⁸ Ibid. P. 44.

²⁹ Ibid. P. 46.

³⁰ Ibid. P. 51.

своей природе и исходящей от народа, оказывается и легитимацией власти Луи-Филиппа, первого короля французов, а не Франции.

Приводя аргументы в пользу легитимности власти Наполеона Бонапарта, Дюма как бы вступает в полемику с представителями «черной» легенды об императоре, которые рассматривали действия «корсиканского огра» как узурпацию власти. Другим способом демонизации Наполеона Бонапарта было изображение его как тирана и «душителя свобод»; однако в пьесе Дюма можно найти «ответ» и на это обвинение.

Отношение Наполеона в пьесе к свободе неоднозначно. С одной стороны, Дюма демонстрирует контроль над прессой: за правдивой информацией император обращается к иностранным газетам, поскольку, по его словам, «... в них пишут только то, что я хочу. Я заранее знаю, что там прочту»³¹. Таким образом, автор признает справедливость указаний на отсутствие в наполеоновской Франции свободы слова – основного компонента нарратива «душителя свобод» [Tulard 1965, p. 77].

Тем не менее контроль над прессой вовсе не означает отсутствие «истинной свободы», сформулировать которую Дюма позволяет «народу». В действии, которое посвящено коронации Наполеона, есть сцена, описывающая разговор простых французов, наблюдающих за большим событием. В ходе дискуссии о переменах в политическом устройстве страны один из зевак произносит: «Видите ли, гражданин, свобода – это хлеб по два су за ливр. Свобода – это когда есть работа и за нее платят деньги. Да здравствует свобода! Да здравствует император Наполеон! Никакой другой свободы я не знаю»³². Следовательно, Дюма показывает, что в восприятии народа Наполеон не только не был захватчиком власти, но и не лишил населения каких-либо свобод. Напротив, именно политическая стабильность, которой удалось достичь благодаря «сильной руке» Бонапарта, позволила Франции выбраться из хаоса, неизбежно последовавшего за Революцией, и обеспечила достойный уровень жизни для ее граждан.

Нельзя не отметить, что подобное «экономическое» понимание свободы отсылает зрителя скорее к эпохе Июльской

³¹ Ibid. P. 43.

³² Ibid. P. 33.

монархии со свойственной ей ориентацией на рост благосостояния граждан [Ганьшина 2019, с. 162], чем к Империи. Таким образом, за счет переноса, современных автору, ценностей политического режима на героизированное прошлое, Дюма осуществляет нормализацию новой ценностной системы, что позволяет еще раз подтвердить законность власти Луи-Филиппа.

Итак, за счет создания параллелей между эпохой Империи и Францией начала 1830-х гг. Александр Дюма обосновывает легитимность режима Июльской монархии.

Кратко обобщая сказанное выше, можно еще раз отметить, что творчество Гюго и Дюма представляет собой важное свидетельство того, каким образом во Франции эпохи Луи-Филиппа происходила переработка исторической памяти. Фигура Наполеона Бонапарта, чей вклад в развитие французской истории намеренно замалчивался режимом Реставрации, триумфально возвращается в культурное поле; теперь император – не просто объект сентиментальной ностальгии старых солдат и даже не самый популярный герой парижской театральной сцены, для Июльской монархии он – еще и идеологически важный символ, способный связать французов с их собственным прошлым и обеспечить власть короля прочными «корнями». При этом, будучи модифицированной в инструмент легитимации, наполеоновская легенда теряет политическую остроту: разделение «императора» и «генерала», сакрализация образа Наполеона и включение связанных с ним событий в единый нарратив французской истории позволяют использовать образ императора как элемент общенационального «славного прошлого», не рискуя начать новый идеологический конфликт.

ЛИТЕРАТУРА

-
- Мильчина 2013 – Мильчина В.А. Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 944 с.
- Робб 2016 – Робб Г. Жизнь Гюго. М: Центрполиграф, 2016. 606 с.

- Таньшина 2018 – *Таньшина Н.П.* Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи Филиппа Орлеанского. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 334 с.
- Таньшина 2019 – *Таньшина Н.П.* “Забытая” Июльская монархия: к вопросу о “модных тенденциях” в историографии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2019. № 19. С. 155–173.
- Terdiman 1993 – *Terdiman R.* Present Past: Modernity and the Memory Crisis. Ithaca: Cornell University Press, 1993. 389 p.
- Tulard 1965 – *Tulard J.* L’Anti-Napoléon: La Légende noire de l’empereur. Paris: Julliard, 1965. 262 p.

REFERENCES

- Milchina, V.A. (2013), *Parizh v 1814–1848 godax: povsednevnyaya zhizn`* [Paris in 1814–1848: everyday life], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Robb, G. (2016), *Zhizn` Gyugo* [Victor Hugo], Centrpoligraf, Moscow, Russia.
- Tan'shina, N.P. (2018), *Samoderzhavie i liberalizm: epokha Nikolaya I i Lui-Filippa Orleanskogo* [Autocracy and liberalism: the era of Nicholas II and Louis-Philippe d'Orléans], Politicheskaya ehntsiklopediya, Moscow, Russia.
- Tan'shina, N.P. (2019), “The ‘Forgotten’ July Monarchy: On the Question of ‘Fashion Trends’ in Historiography”, *Trudy kafedry istorii Novogo i noveishego vremeni*, vol. 1, no. 19, pp. 155–173.
- Terdiman, R. (1993), *Present Past: Modernity and the Memory Crisis*, Cornell University Press, Ithaca, USA.
- Tulard, J. (1965), *L’Anti-Napoléon: La Légende noire de l’empereur* [The Anti-Napoleon: The Black Legend of the Emperor], Julliard, Paris, France.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Полина А. Баландина, студентка магистратуры, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр-кт. Вернадского, д. 82, стр. 1, pol-bal.balandina@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Polina A. Balandina, master's student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bld. 1, 82 Vernadsky prospect, Moscow, Russia, 119571, pol-bal.balandina@yandex.ru

УДК 94(47).081

Политическое vs административное в географии польской ссылки 1863 г.

Ангелина А. Зуева

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Институт региональных исторических исследований,
Москва, Россия, aa.zueva@hse.ru*

Аннотация. В статье проанализирован ход бюрократической дискуссии о расселении польских ссыльных после восстания 1863 г. Несмотря на устойчивые топосы Сибири и Севера как ссыльных мест, география ссылки зависела от статуса ссыльных, политических обстоятельств и инфраструктурных возможностей империи. Выбор мест поселения зависел также от целей различных институций, принимавших участие в организации ссылки. В их число в случае польской ссылки относились Западный комитет, Министерство внутренних дел и Министерство государственных имуществ с региональными отделениями. Западный комитет и виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев видели в срочной и массовой ссылке инструмент решения своих политических задач – подавления восстания и «умиротворения» Западных окраин. Перед ссылкой он ставил задачи изоляции восставших, что определило его взгляд на географию поселений, игнорирующий и обобщающий региональные особенности. При исполнении планов высылки Министерство внутренних дел и Министерство государственных имуществ, помимо требований Муравьева, вынуждены были учитывать реалии губерний, совершенно различных по своему хозяйственному укладу. Региональные администрации пытались уклониться от принятия поляков и в соответствии с этим описывали местные условия. Сделан вывод о том, как разные институциональные точки зрения определяли разные видения российской территории.

© Зуева А.А., 2026

Ключевые слова: польская ссылка, география ссылки, бюрократия Российской империи

Для цитирования: Зуева А.А. Политическое vs административное в географии польской ссылки 1863 г. // Молодой историк. 2026. № 2(6). С. 26-39.

The Political vs administrative dimension in the geography of the Polish exile (1863)

Angelina A. Zueva
National Research University "Higher school of economics",
Research Institute of Regional History,
Moscow, Russia, aa.zueva@hse.ru

Abstract. The article examines the bureaucratic debates over the settlement of Polish exiles after the uprising of 1863. Although Siberia and the North were stably perceived as exiled settlements, the geography of exile depended on the status of exiles, political contexts and infrastructural resources of the empire. The selection of settlements was also shaped by the conflicting goals of various institutions involved in the organization of the exile. The Western Committee, the Ministry of the Interior, and the Ministry of State Property with regional offices were responsible for planning the exile of 1863. The Western Committee and the Governor-General of Vilna, M.N. Muravyov, used urgent and mass exile as a tool for solving current political issues of suppressing the uprising in the Western borders. Complete isolation of the Poles in the remote areas was his ultimate goal, which determined his generalizing view on the geography of exile. In contrast, the Ministry of the Interior and the Ministry of State Property had to take into account provincial conditions and contexts, varying from region to region. Regional administrations tried to avoid accepting Poles and described local conditions as unacceptable for the settlements. The conclusion is drawn about how different institutional points of view determined different visions of the Russian territory.

Keywords: Polish exile, geography of exile, bureaucracy of the Russian Empire

For citation: Zueva, A.A. (2026), “The Political vs administrative dimension in the geography of the Polish exile (1863)”, *Young Historian*, no. 2(6), pp. 26-39.

После польского восстания 1863 г. перед властями Российской империи встала задача распределения огромного потока польских ссыльных. Несмотря на репутацию Сибири и Севера как ссыльного края, места ссылки не были predetermined. География ссылки стала результатом бюрократической дискуссии, в которой столкнулись различные институциональные цели, видения и методы. Основными центрами принятия решений стали комитет по делам Западных губерний, задавший вместе с виленским генерал-губернатором М.Н. Муравьевым курс на подавление восстания, Министерство внутренних дел и Министерство государственных имуществ с региональными отделениями, отвечавшее за хозяйственную инфраструктуру. При выборе мест поселений вступили в противоречие разные представления о пространстве империи. С одной стороны, высшая бюрократия в лице Муравьева в первую очередь выполняла свои политические задачи, не вдаваясь в региональные различия и административные перипетии. С другой стороны, Министерство внутренних дел координировало пересылку и водворение поляков между губерниями, учитывая контекст политического кризиса и ресурсные возможности провинций. Те, в свою очередь, также представляли центру свое видение расселения поляков, используя доступные аргументы, приближенные к местным реалиям.

В историография вопроса разрабатывались несколько основных сюжетов. Во-первых, традиция изучения ссылки как правового института берет свое начало в конце XIX в., оставаясь востребованной и в дальнейшем¹]. Во-вторых, сибирская ссылка в силу ее масштабности привлекала больше всего внимания и давала исследователям возможность рассуждать об особенностях управления зауральской периферией, о динамике интеграции этого

¹ Никитин В.Н. Тюрма и ссылка. СПб., 1880; Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб., 1889.

региона в составе империи² [Кузнецов, 1972; Ремнев, 2007; Badcock, 2016]. В-третьих, отдельную проблему составляет «польская Сибирь» и ссылка участников польских восстаний. Многочисленные исследования, основанные на использовании местных архивов, посвящены жизни польских ссыльных в российских провинциях, их коммуникации между собой, отношениям с местным обществом и местной властью [Кодан, Шостакович, 1992; Подлевских, 2004; Конова, 2004; Мулина, 2012; Gentes, 2017]. Отдельно стоит отметить польскую исследовательницу В. Слиховскую, внесшую значительный вклад в изучение польской ссылки и реконструкцию биографий ссыльных [Sliwowska, 1998].

Важной проблемой оставались повседневные реалии ссылки, которые в большей мере отражали точку зрения самих поселенцев. Все эти исследования предлагают ответы на вопросы о том, что из себя представляла ссылка как правовая практика, как жили ссыльные в Сибири и в провинциях, и каким образом ссылка являлась инструментом окраинного управления. Почему география ссылки оказалась именно такой?

Настоящее исследование предлагает поставить несколько новых вопросов. Видится важным проблематизировать саму географию расселения и предположить, что выбор поселений был определен подходами и видением разных министерств и инстанций, которым иногда приходилось конкурировать между собой, а иногда искать компромиссы. Следует проанализировать географию ссылки как поле бюрократических дискуссий, где сама территория стала предметом споров, а не фоном принятия решений.

В отличие от существующей научной литературы, эта статья сфокусирована на институциональной логике принятия решений, стратегиях различных ведомств к управлению территорией и институциональных видений пространства. К противоречиям между Муравьевым и МВД относительно высылки поляков обращался Л.Е. Горизонтов. В частности, он писал, что поток ссыльных лег тяжелым бременем на центральные ведомства, что в

² Саломон А.П. Ссылка в Сибирь. Очерки ее истории и современного положения. СПб., 1900.

тех обстоятельствах мало беспокоило виленское начальство [Горизонтов 1999, с. 51–54]. Однако «ссылные» губернии, которые не собирались становиться таковыми, пытались избежать планов, сформулированных в столичных кабинетах. Таким образом, география ссылки складывалась не только под влиянием межведомственных противоречий, но и в условиях, когда потенциальные места ссылки представляли свое видение пространства.

Инициативы по расселению восставших во внутренние губернии принадлежали виленскому генерал-губернатору Муравьеву. Было предложено организовать массовое переселение во внутренние губернии, «совершенно чуждые польской жизни»³ и обладающие обширным фондом казенных земель с редким населением. Считалось необходимым полностью изолировать польских ссыльных от контактов с великорусским населением и найти для этого соответствующие малообжитые территории.

Важно отметить, что в Российской империи ссылка на поселение наделялась колонизационным потенциалом, а ссыльные, несмотря на свой маргинальный статус, воспринимались как агенты этой колонизации на окраинах. Перед ссылкой 1863 г. вовсе не ставились задачи освоения: она проектировалась как сугубо карательный проект. Соответственно, члены Западного комитета не связывали места будущих поселений с какими-либо хозяйственными перспективами, но рассматривали территории как своеобразный резервуар для массы восставших, которых нужно было сепарировать от внешних контактов. Чтобы выполнить означенные условия – найти обширные и свободные земли под поселение – МВД и МГИ просили назначить сроки высылки и сообщить точное количество ссыльных. Ведомства подчеркивали, что все будет зависеть от количества и качества земельных участков.

В свою очередь, и Муравьев просил «скорейшего и точнейшего получения просимых сведений»⁴ о состоянии территорий. Незнание относительно имевшихся ресурсов и конкретных условий усугубляли взаимную неопределенность. Кроме того, количество высылаемых постоянно увеличивалось.

³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 24. Д. 879. Л. 8-8 об.

⁴ Там же. Л. 66 об.

Виленский генерал-губернатор рекомендовал избегать скопления поляков в городах и размещать их в волости государственных крестьян небольшими группами, что облегчало бы надзор сельских начальников, а большие селения организовывать на свободных удаленных пространствах. Предварительно М.Н. Муравьев предлагал Вологодскую, Самарскую и Астраханскую губернии «местности со сплошным пространством казенных земель», на которых возможно разместить ссыльных⁵. Также речь шла о Тобольской и Томской губерниях где считались свободными «почти все казенные земли <...> хотя положительно сказать какие именно участки весьма затруднительно»⁶. Из имеющейся в министерствах сведений в качестве мест поселений МВД первоначально рассматривали Вятскую, Новгородскую, Оренбургскую губернии. Прежде всего, в каждой губернии смотрели на количество незаселенной земли. Так, предполагалось, что в Олонецкой губернии могут найтись «небольшие» участки, однако точная оценка оброчных статей на тот момент не была произведена.

Оценка же новгородских оброчных статей показала наличие свободных, но покрытых лесом мест, а потому для их расчистки требовались дополнительные расходы. Именно из-за леса крестьяне отказывались от этих участков, после чего те поступали в оброчные статьи. По той же причине свободные пространства Вологодской губернии МГИ оценивало как «места неудобные». В то же время М.Н. Муравьев отмечал, что лесные угодья вокруг поселений – «условие важное» для изоляции поляков⁷. Пермское отделение МГИ сообщало, что имевшиеся свободные земли необходимы для местных крестьян. Показательно и то, как в экстренных обстоятельствах обозначились пределы административного знания. Отзыв МГИ о том, что «неизвестно с достоверностию ни количество оных <свободных земель>, ни то в какой степени оне удобны под поселение»⁸, явственно характеризует состояние механизмов контроля и учета, при

⁵ Там же. Д. 146. Л. 10.

⁶ Там же. Л. 15.

⁷ Там же. Л. 8 об.

⁸ Там же. Л. 37.

котором часть пространств губерний оставалась вне досягаемости не только столичной, но и региональной бюрократии.

После обращения центральных ведомств к региональным отделениям МГИ с целью обследовать состояние земельных участков выяснялось, что качество имевшихся карт и планов отставало от физических реалий территории. Руководство МГИ оставалось недовольным результатами оценки угодий. Отмечалось, что выводы о пригодности земли для поселения делались на основе одних планов или окладных книг, «а не по осмотру в натуре земли, как бы следовало»⁹.

Центральные ведомства строили свои планы, не обладая знанием о реальном статусе рассматриваемых земель. Участки, которые в столице рассматривали как места для поселений, в губерниях уже были отведены «для облегчения выпедших из крепостной зависимости крестьян приискания селений в кои они могут быть причислены без согласия обществ»¹⁰. Региональные инстанции представляли местные условия как можно более неподходящими для принятия массы ссыльных. Например, представители Новгородской палаты резюмировали, что обозначенные столицей земли либо уже заняты, либо требовали долгой и трудоемкой хозяйственной обработки, а также добавляли, отводя от региона планы столичных ведомств, что эти обстоятельства не отвечали немедленным целям высылки, в отличие от «излишних земель в степных губерниях, где земля ожидает только плуга, чтобы дать обильные урожаи»¹¹.

Альтернативный колонизационный проект представляли собой планы по выселению поляков в астраханские степи. С 1840-х гг. власть поддерживала переселение крестьян из внутренних губерний в совместные с калмыками поселения «в видах сближения Калмыцкого народа с Русским населением»¹². Качество предоставляемых участков было разным: где-то материальной и технической помощи в виде пособий, топографов и землемеров оказалась недостаточной для обустройства быта в степи из-за

⁹ Там же. Л. 76.

¹⁰ Там же. Л. 51 об.

¹¹ Там же. Л. 52.

¹² Там же. Л. 19.

нехватки пресной воды и недостатка земледельческой инфраструктуры. На некоторых участках степи уже не оставалось свободных мест из-за большого количества крестьян из внутренних губерний, готовых воспользоваться возможностью переселения.

Правительство обратило внимание именно на не востребуемые крестьянами участки. Было намечено, что поляков можно водворить вдоль тракта и куда больше «внутри самой степи»¹³. Однако в Западном комитете было поставлено условие, согласно которому в астраханские степи могли ссылаться только лица, «не принадлежащие к крестьянскому сословию»¹⁴. Это порождало принципиальное противоречие в юрисдикции, в ведение которой попадали поселенцы. Степные участки, отведенные для поселения, составляли казенный земельный фонд и находились в ведомстве МГИ и волостных правлений – сельских администраций, которые не имели полномочий контролировать дворянские поселения. Данное обстоятельство озадачило местные власти и те просили от министерства указаний о том, как поступать с поселенцами привилегированных сословий¹⁵. В губернию был командирован специальный чиновник «для наблюдения за водворением на казенных землях переселенцев»¹⁶. Он также сообщал, что за отсутствием инструкций о водворении поселенцев, они остаются «расквартированными в казенных селениях»¹⁷. Астраханское начальство констатировало, что приток поселенцев ложится бременем на местных крестьян, содержащих ссыльных, пока столичные министерства не сформулировали конкретных распоряжений.

Выявленная проблема не ограничивалась астраханскими реалиями, но была симптоматичной лакуной при организации водворения. Определяя для польских дворян свободные казенные земли, МВД не обозначало, какие именно условия должны соблюдаться в территориях, населенных по большей части государственными крестьянами. Хотя МГИ и отмечало, что «права

¹³ Там же. Л. 89–89 об.

¹⁴ Там же. Д. 154. Л. 5 об.

¹⁵ Там же. Д. 146. Л. 3.

¹⁶ Там же. Л. 12.

¹⁷ Там же.

дворян составляют предмет особых обсуждений»¹⁸, план высылки на обособленных участках противоречил социальным и инфраструктурным реалиям территорий казенного фонда, ведь дворянские права не могли быть в полной мере соблюдены в таких условиях. В то же время часть ссыльных представляло собой настолько обедневшее дворянство, что местные администрации не могли признать в них лиц привилегированных сословий, а документальные подтверждения их статуса зачастую были утеряны из-за спешки, на фоне которой происходило выселение.

Как и новгородские власти, приводившие аргументы о нецелесообразности отправки поселенцев в новгородскую губернию, астраханская администрация пыталась довести до МВД, что местные условия не отвечают целям, стоящим перед ссылкой. Сообщалось, что польские дворяне не смогут обеспечивать свое существование на территориях, отведенных им в степи: «...по несуществующему здесь промышленности сельской – заводской и фабричной. Существующие же в Астраханской губернии промыслы требуют тяжелого труда...»¹⁹.

На географию влияла и категоризация самих поселенцев: форма участия в восстании, наличие семьи, возраст и физические возможности депортируемых. «Способных к поселению» в первую очередь определяли на земли Пермской и Астраханской губернии. Непривилегированных ссыльных, чье состояние после медицинских освидетельствований оценивалось как достаточное для физического труда, планировалось устроить в рабочие роты, преимущественно на железнодорожные работы²⁰. Кроме того, отмечалось, что в степные районы отправляются только «положительные преступники», как и в Томскую губернию назначали «более виновную шляхту»²¹. Отправлять же сосланных только за «неблагонадежность», например, на Север, признавалось несоответствующим степени виновности²². Так как степи Астраханской губернии были оценены как области с обширными

¹⁸ Там же. Д. 165.

¹⁹ Там же. Д. 146. Л. 55.

²⁰ Там же. Д. 879. Л. 13.

²¹ Там же. Д. 146. Л. 57 об.

²² Там же. Д. 879. Л. 33.

свободными пространствами, эту территорию отводили для поселения семьями. Для семейных поселений признали подходящим Челябинский уезд Оренбургской губернии с «равномерными местами достаточно удобными для поселенцев» и Олонецкую и Вологодскую губернии²³.

Таким образом, сами выбранные пространства становились формой наказания: при этом, Томская губерния, северные земли, астраханские степи наделялись карательным значением более, чем, например, поволжские участки. Игнорируя и обобщая местные реалии, столичные инстанции создавали упрощенный, абстрагированный от окружающей жизни образ территорий. Их главной социальной функцией становились наказание и изоляция. Будучи в прошлом министром государственных имуществ, М.Н. Муравьев, разрабатывая варианты освобождения крестьян, хорошо понимал роль нюансов в вопросах инфраструктуры [Долбилов 2002]. Его взгляд на места ссылки как на изолированные пустоты был предопределен его новой политической ролью в Северо-Западном крае. Нужды местных администраций – хотя их знание территории тоже было ограничено – противопоставляли этой довольно абстрактной модели конкретные сведения о ландшафте и инфраструктуре.

Эта же удаленность создавала для местных властей проблему надзора, которую также не успевали учитывать при высылке. Астраханское правление сообщало, что не может обеспечить надзор над ссыльными поселениями, расположенными в степи. Так, 165 польских семей были размещены небольшими группами отдельно друг от друга. Офицеры же уездных команд «за дальностью нахождения поселенцев» не имели возможности посещать все села и деревни для «наблюдения за их образом действий»²⁴. Власти сообщали, что губерния не сталкивалась с необходимостью надзора за массой политических преступников, поэтому служащие имели представление только об «исправлении обыкновенных судебных обязанностей»²⁵. В ответ на рапорт астраханского губернатора начальник казанского военного округа

²³ Там же. Л. 35.

²⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 38 Д. 23 ч. 176. Л. 26.

²⁵ Там же.

заклучил, что региональная администрация не осознавала важность возложенных на нее поручений. Освобождение же уездных команд по малому числу содержащихся поляков «ни в коем случае не могло быть признано рациональным»²⁶. В личной переписке М.Н. Муравьева с шефом жандармов В.А. Долгоруковым было отмечено, что «прочное устройство» ссыльных поселений затруднялось от отсутствий «положительных и точных указаний» от высшего начальства, без которых служащие не могли «успешно действовать»²⁷. Губернские власти так и не получили инструкций о том, как совместить имевшиеся логистические и кадровые возможности провинции со сформулированной в столичных кабинетах необходимостью изолировать поляков на далеких участках и при этом обеспечить регулярный надзор.

В результате генерал-губернатор М.Н. Муравьев совместно с МГИ выбрал Олонецкую, Вологодскую, Вятскую, Пермскую, Новгородскую, Костромскую, Пензенскую, Тамбовскую, Саратовскую, Оренбургскую, Самарскую, Астраханскую, Тобольскую и Томскую губернии для поселения ссыльных²⁸. Этот эпизод демонстрирует пример того, как по-разному мыслилось пространство империи. Бюрократические инстанции разного уровня предъявляли к пространству свои требования, исходили из собственных его характеристик, что фактически создавало несколько вариантов «ссыльной» географии. Виленский генерал-губернатор, задавший политический курс на Западных окраинах после восстания, видел территорию как пространство с разбросанными на нем незаселенными, удаленными землями, лишенными административных, социальных, инфраструктурных особенностей ландшафта.

Разные географические широты – будь то Новгород или Астрахань – были наделены одной, нивелирующей различия, функцией изоляции. Ввиду того, что политическая ссылка не являлась частью колонизационного проекта, то и статус поселений как удаленных и безлюдных мыслился как закрепленный за ними, исключенный из хозяйственной жизни окружающих земель.

²⁶ Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1. Л. 29 об.

²⁷ Там же. Ф. 811. Оп. 1. Д. 45. Л. 2.

²⁸ РГИА Ф. 1286. Оп. 24. Л. 35 об.

Центральные ведомства Министерства внутренних дел и Министерства государственных имуществ играли посредническую, координирующую роль между начальством Западных окраин, отправлявших ссыльных, и российскими губерниями, чьи реалии оказались подчинены поставленной задаче изоляции ссыльных. Провинции описывали территории таким образом, чтобы уклониться от устройства ссылки. Их знание опиралось на правовые несостыковки, кадровые возможности и на материальность самой местности, где леса и степи становились ключевым аргументом в попытке оспорить предписываемую этим землям роль ссыльных колоний.

Таким образом, статус ссыльных поселений не был предопределен самой природой этих территорий или управленческим консенсусом, а география ссылки складывалась в результате столкновений разных способов видеть, категоризировать и определять пространство. Высшая бюрократия, преследуя свои цели, рассматривала территорию абстрактно, лишая ее конкретных физических характеристик. Региональные власти, доказывая уникальную непригодность своих земель для ссыльных поселений, апеллировали к местным реалиям.

ЛИТЕРАТУРА

- Горизонтов 1999 – *Горизонтов А.Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М.: Индрик, 1999. 272 с.
- Долбилов 2002 – *Долбилов М.Д.* М.Н. Муравьев и освобождение крестьян: проблема консервативно-бюрократического реформаторства // Отечественная история. 2002. № 6. С. 67–90.
- Кодан, Шостакович 1992 – *Кодан С.В., Шостакович В.С.* Польская ссылка в Сибирь во внутренней политике самодержавия (1830–1850-е годы) // Славяноведение. 1992. № 6. С. 3–15.
- Кононова 2004 – *Кононова А.П.* Ссылка участников польского восстания 1863–1864 гг. (по материалам Архангельской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2004. 338 с.

- Мулина 2012 – *Мулина С.А.* Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников польского восстания 1863 года в Западной Сибири. СПб.: Алетейя, 2012. 199 с.
- Подлевских 2004 – *Подлевских А.Г.* Польская политическая ссылка в российской провинции в 1860 – начале 1880-х годов (на материалах Вятской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2004. 261 с.
- Ремнев, Дамешек 2007 – *Сибирь в составе Российской империи / под ред. А.В. Ремнева, Л.М. Дамешака.* М.: НЛО, 2007. 362 с.
- Badcock 2016 – *Badcock S.* A Prison without Walls: Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism. Oxford: Oxford University Press, 2016. 195 p.
- Gentes 2017 – *Gentes A.* The Mass Deportation of Poles to Siberia, 1863–1880. London: Palgrave Macmillan, 2017. 262 p.
- Śliwowska – *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku: słownik biograficzny. Warszawa: Wydawn. DiG, 1998. 835 str.

REFERENCES

- Badcock, S. (2016), *A Prison without Walls: Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Dolbilov, M.D. (2002), “M.N. Muravyov and the liberation of the peasants: the problem of conservative bureaucratic reform”, *Otechestvennaya istoriya*, no. 6, pp. 67–90.
- Gentes, A. (2017), *The Mass Deportation of Poles to Siberia, 1863–1880*, Palgrave Macmillan, London, UK.
- Gorizontov, L.E. (1999), *Paradoksy imperskoj politiki: poljaki v Rossii i russkie v Pol'she (XIX – nachalo XX v.)* [Paradoxes of Imperial Politics: Poles in Russia and Russians in Poland (19th – early 20th centuries)], Indrik, Moscow, Russia.
- Kodan, S.V. and Shostakovich, V.S. (1992), “Polish exile to Siberia in the domestic policy of autocracy (1830s–1850s)”, *Slavyanovedenie*, no. 6, pp. 3–15.
- Kononova, L.P. (2004), *Sylka uchastnikov pol'skogo vosstaniya 1863–1864 gg. (po materialam Arkhangel'skoj gubernii)* [Exile of

- participants of the Polish uprising of 1863–1864 (based on materials of the Arkhangelsk province)], Ph.D. Thesis (History), Arkhangelsk, Russia.
- Mulina, S.A. (2012), *Migranty po nevole: adaptatsiya ssyl'nykh uchastnikov pol'skogo vosstaniya 1863 goda v Zapadnoy Sibiri* [Involuntary Migrants: Adaptation of Exiled Participants of the Polish Uprising of 1863 in Western Siberia], Aleteyya, St. Petersburg, Russia.
- Podlevskikh, L.G. (2004), *Pol'skaya politicheskaya ssylka v rossiyskoy provintsii v 1860 – nachale 1880-kh godov (na materialakh Vyatskoy gubernii)* [Polish Political Exile in the Russian Province in the 1860s – early 1880s (based on materials of Vyatka province)], Ph.D. Thesis (History), Kirov, Russia.
- Remnev, A.V. and Dameshek, L.M. (eds.) (2007), *Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia within the Russian Empire], NLO, Moscow, Russia.
- Śliwowska, W. (1998), *Polish Exiles in the Russian Empire in the First Half of the 19th Century: A Biographical Dictionary*, Wydawn. DiG, Warsaw, Poland.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ангелина А. Зуева, студентка бакалавриата, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; стажер-исследователь Института региональных исторических исследований, Москва, Россия; 105066, Россия, Москва, ул. Старая Басманная 21/4, стр. 1; aa.zueva@hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Angelina A. Zueva, bachelor student, National Research University “Higher school of economics”; research assistant of the Research Institute of Regional History, Moscow, Russia; 105066, Russia, Moscow, Staraya Basmannaya 21\4, bld. 1; aa.zueva@hse.ru

Польское восстание и политический национализм
М.Н. Каткова

Егор И. Штанько

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, egor2001s@yandex.ru*

Аннотация. В статье поднята проблема воззрений главного редактора газеты «Московские ведомости» на польское восстание 1863 г. М.Н. Катков с самого начала мятежа занял жесткую и уверенную позицию, что придало его статьям по польскому вопросу невероятный успех. В кратчайшие сроки он сумел стать настоящей звездой русской журналистики, заняв одно из наиболее влиятельных мест в «русской партии». Позиция редактора включала в себя полноценную программу переустройства Западного края и собственное, оригинальное прочтение понятия «нация». Взгляды М.Н. Каткова наиболее точно можно охарактеризовать как политический национализм, где нация приравнивается к политической лояльности тому или иному государству. Этатистские идеи редактора «Московских ведомостей» сумели преодолеть противоречие между этническим и государственным национализмом, которое особенно обострилось в связи с польским восстанием. Воззрения славянофилов, идеи национализма которых упирались в этнолингвистические аспекты, ощутили серьезный удар после января 1863 г., потому концепция М.Н. Каткова возымела серьезный шанс на успех. Помимо этого, программа переустройства западных губерний, предлагаемая М.Н. Катковым, достаточно точно совпадала с действиями правительства и планами М.Н. Муравьева и К.П. Кауфмана, что сделало газету «Московские ведомости» самым влиятельным консервативным органом печати внутри дискуссии по польскому вопросу.

Ключевые слова: польское восстание, М.Н. Катков, польский вопрос, «Московские ведомости», национализм, «русская партия», русский консерватизм, бюрократический национализм, Западный край, Царство Польское

Для цитирования: Штанько Е.И. Польское восстание и политический национализм М.Н. Каткова // Молодой историк. 2026. № 2(6). С. 40-55.

Polish uprising and M.N. Katkov's political nationalism

Egor I. Shtanko

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, egor2001s@yandex.ru*

Abstract. The article examines the views of M.N. Katkov, editor-in-chief of the *Moskovskie Vedomosti* newspaper, on the Polish uprising of 1863. From the very beginning of the uprising, he adopted a firm and confident position, which made his articles on the Polish question incredibly successful. In a short time, he became a true star of Russian journalism, occupying one of the most influential positions in the "Russian Party." The editor's position included a comprehensive program for the reorganization of the Western Territory and his own original interpretation of the concept of "nation." Katkov's views can most accurately be characterized as political nationalism, where nation is equated with political loyalty to a particular state. The statist ideas of the *Moskovskie Vedomosti* editor managed to overcome the contradiction between ethnic and state nationalism, which had become particularly acute because of the Polish uprising. The Slavophile views, whose nationalist ideas rested on ethnolinguistic aspects, suffered a serious blow after January 1863, so M.N. Katkov's concept had a serious chance of success. Furthermore, the program proposed by Katkov for reorganizing western provinces coincided quite closely with the government actions and the plans of M.N. Muravyov and K.P. Kaufman, making *Moskovskie Vedomosti* the most influential conservative press outlet within the debate on the Polish question.

Keywords: Polish uprising, M.N. Katkov, Polish question, “Moskovskie Vedomosti”, nationalism, “Russian party”, Russian conservatism, bureaucratic nationalism, Western Region, Kingdom of Poland

For citation: Shtanko, E.I. (2026), “Polish uprising and M.N. Katkov's political nationalism”, *Young Historian*, no. 2(6), pp. 40-55.

«Московские ведомости» изначально были газетой, принадлежащей Московскому университету. Содержание этого печатного издания было слишком затратным, потому посредством торгов его сумели арендовать П.М. Леонтьев и М.Н. Катков, «став фактически хозяевами издания» [Перевалова 2015, с. 164]. М.Н. Катков подошел к издательству «Московских ведомостей» крайне амбициозно. «Он был настроен преобразовать ее по образцу английских общеполитических газет, образцом среди которых была Times (многочисленные ссылки и перепечатки, из которой содержатся с первых номеров нового издания)» [Тесля 2011, с. 87]. Такая возможность была предоставлена ему достаточно скоро. Тема польского вопроса стала важнейшей частью ежедневного издания.

События января 1863 г. подарили амбициозному М.Н. Каткову возможность в мгновение ока стать звездой русской журналистики и лидером мнений. Поэт Н.Ф. Щербина отмечал, что «публика прежде всего с жадностью читает публицистические и полемические статьи вашего журнала»¹, подчеркивая популярность М.Н. Каткова. Уровень влияния «Московских ведомостей» крайне сложно переоценить. Политический вес личности М.Н. Каткова, начав стремительно расти с 1863 г., достигнет в итоге невообразимых масштабов. Впоследствии главный редактор газеты сможет добиваться личных аудиенций у императора, с его мнением будут считаться многие высочайшие сановники, а с помощью «Московских ведомостей» будут разворачиваться целые кампании по поддержке или же, наоборот, дискриминации важнейших государственных лиц империи

¹ ОР РГБ. Ф. 120. Кн. 41. Ед. хр. 4. Л. 3.

[Соловьев 2018, с. 286]. Исследователь А.Э. Котов отмечает: «М.Н. Катков, являясь, безусловно, одной из центральных фигур в консервативно-монархической журналистике того времени. Редактор “Московских ведомостей” и “Русского вестника” вошел в историю как самый влиятельный русский публицист XIX столетия» [Котов 2016, с. 11].

Одним из наиболее известных сторонников М.Н. Каткова внутри русской консервативной общественности станет К.П. Победоносцев, восхищавшийся текстами главного редактора: «А здесь я, вместе со многими друзьями вашими, часто вспоминаю и благодарю вас мысленно за прекрасные статьи, которыми нас радуют Московские ведомости»². Близким другом М.Н. Каткову также был Ф.И. Тютчев, не скрывавший своего восхищения талантом журналиста: «Желаю очень чтобы вы в этом водовороте всевозможных и невозможных сплетней и толков... Вы как лучший представитель русской гласности – знали самым достоверным, самым положительным образом о настоящем ходе и состоянии дел»³. Помимо этого, тексты М.Н. Каткова, сумеют ощутимо трансформировать русский язык, привнеся изменения в понятия «нация и национальность». Его размышления о польском восстании создадут новую веху в языке поиска национальной идентичности.

В начале XIX в. понятие «нация» могло активно использоваться Александром I и в целом русской общественностью. Во многом это было связано с распространенной в высших кругах франкоманией, а также, несмотря на события 1789 г., отсутствием ощущения опасности этого термина. Изменение отношения к слову «нация» в России в первую очередь связано с Ноябрьским восстанием и событиями 1825 г., а точнее использованием П.И. Пестелем этого понятия в его «Русской правде». Слабо говоривший по-русски Пестель решил перевести «русскую нацию» как «русский народ», однако этого было достаточно, чтобы ассоциировать «нацию» с чем-то враждебным русскому государству [Миллер 2010, с. 90]. Триада С.С. Уварова, где вместо понятия «нация» было использовано слово «народность»,

² ОР РГБ. Ф. 120. Кн. 41. Ед. хр. 3. Л. 4.

³ ОР РГБ. Ф. 120. Кн. 41. Ед. хр. 4. Л. 19.

создала двойственность в русском лексиконе. С одной стороны, «нация» оставалась понятием менее популярным и одобряемым, с другой – истинное значение «народности» объяснить в нужном для эпохи контексте было затруднительно. Известна попытка литературного критика В.Г. Белинского объяснить разницу между «народностью» и «национальностью». Публицист пришел к выводу, что различия не заканчиваются в области происхождения слова, национальность является следующей ступенью народности, она обладает уже не только видовой семантикой, а подразумевает наличие субъектности [Миллер 2010, с. 100]. «Слово народность создало определенный понятийный зазор между термином нация и было полезно Уварову именно как не вполне точный перевод» [Миллер 2010, с. 98].

Этот лексический зазор был устранен стараниями М.Н. Каткова, который активно использовал оба понятия на страницах «Московских ведомостей». Он употребляет в контексте национальной политики империи несколько схожих терминов: нация, национальность, народ, народность и племя. Под племенем М.Н. Катков понимает этническую группу, объединенную языком, культурой, религией и т.д. Именно это слово обозначает группу людей, связанных определенными признаками, но не имеющих суверенитета или политической субъектности. «Однако есть в России и множество племен, говорящих каждое своим языком и имеющее каждое свой обычай; есть целые страны со своим особенным характером и преданиями»⁴. В каком-то смысле понятие «племя» для М.Н. Каткова этнографическое, не несущее за собой никакого политического контекста. В схожей манере он употребляет и термин «народонаселение», когда размышляет и финской этничности. «Вот, например, почтенная цифра 3 700 000, полагаемая на так называемую чудскую, или финскую национальность. Она представляет собой не что-либо действительное, а этнографическую отвлеченность»⁵. В этом отрывке отчетливо становится видно, что описываемые им этнические группы хоть и являются «племенем» или

⁴ Катков М.Н. О Самодержавии и Конституции. М., 1905. С. 34.

⁵ Он же. Цельность и однородность русского государства // Идеология охранительства. М., 2009. С. 80.

«народонаселением», но лишены национальности. Таким образом, национальность в риторике М.Н. Каткова скорее является неким свойством этнической группы, а не объектом. Племенами он называет и этнические группы во Франции: басков, бретонцев, эльзасских немцев, фламандцев, которые в итоге оказались объединены во французскую нацию⁶.

Нация у М.Н. Каткова представляет собой объединение племен под одним государством. Необходимо заметить, что это объединение не несет за собой культурную или религиозную гомогенность, т.е. обычаи и традиции племени могут оставаться неизменными внутри нации. Эта позиция преодолевает существовавшее смущение перед понятием «нация», так как элемент «опасности» в лице ее политической субъектности направляется М.Н. Катковым не в сторону революций и восстаний, что вызывало сразу ассоциации с событиями 1789 г., а в подчинение государству, в случае же России – подчинение самодержцу. «Весь смысл русской истории и вся государственная мудрость в том состоят, чтобы верховная власть нашего народа была неразрывно связана с ним, и чтобы управление им было живым и ясным выражением этого единства»⁷. Именно единство пусть даже совсем не похожих друг на друга племен создает нацию. В итоге, стараниями М.Н. Каткова понятие «нация» было реабилитировано и приравнено к термину «народ». Размышляя о французской нации, как об эталоне, он легко употребляет термин «французский народ», подразумевая под ним именно объединенные государственной властью французские «племена». «Действительно, французская нация может гордиться своей однородностью <...> Скажем более: весь французский народ под тем могущественным единством, которое действительно должно быть за ним признано и которое связывает его неразрывно...»⁸.

Национальность – это свойство, которое присуще только нации. Она имеет возможность усиливаться или ослабевать. Для М.Н. Каткова национальность синонимична народности. Слабая национальность может содержать в себе неоднородность, сильная

⁶ Там же. С. 77.

⁷ Он же. О Самодержавии и Конституции. М., 1905. С. 30.

⁸ Он же. Цельность и однородность... С. 76.

же является сплоченной. Выходит, что национальность или же народность является главной силой объединения племен в нацию. М.Н. Катков признает племенное многообразие в России, однако отрицает национальное многообразие. Племен много, а нация одна. Во главе же находится царь, к которому направлена политическая субъектность нации, а самый весомый центр притяжения племен – это русское племя. Как раз именно русское племя уже стало нацией и должно заниматься тем, чтобы усиливать свою национальность, т.е. притягивать к себе остальные племена. «Эта национальность одарена большой расширительной силой; она захватывает и уподобляет себе мало-помалу чуждые ей элементы, из которых только польский имеет еще некоторое значение»⁹.

М.Н. Катков, безусловно, был националистом, однако его способ понимания нации скорее схож с понятием «политического» или «государственного» национализма, где на первый план выходит непосредственно гражданская принадлежность к государству, а не этничность или религия. Отсюда становится легко понять восхищение журналистом Францией, которая и по сей день остается эталоном политического национализма. В этих размышлениях М.Н. Каткова кроется его главная претензия к полякам – желание отделить свое племя от растущей нации. Главный редактор «Московских Ведомостей» – убежденный этатист, полагающий, что именно государство является единственным источником сплочения людей, а следовательно и основой существования нации, «...поэтому катковскую идеологию целесообразно охарактеризовать как “бюрократический национализм” – в том смысле, что при ее практическом применении государственная бюрократия становилась единственной свободной в своих действиях национальной силой» [Котов 2016, с. 56]. Сопротивление объединяющей силе государства антинационально по своей природе: «Все, что колеблет начало верховной власти, что направлено к тому, чтобы нарушить единодушие между государем и народом – все это преступно»¹⁰.

⁹ Там же. С. 79.

¹⁰ РГИА. Ф. 908. О. 1. Д. 282. Л. 2.

В таком случае можно справедливо заметить, что взгляды М.Н. Каткова вполне схожи со многими русскими либеральными мыслителями, отдельные представители которых даже были убеждены в необходимости временного существования самодержавия, и рассуждая в гегельянской парадигме мысли, признавали государство высшим способом организации жизни людей. До аренды «Московских ведомостей» М.Н. Катков как раз пользовался репутацией либерала. В этой связи некоторые исследователи связывают трансформацию его взглядов и сдвиг в сторону консерватизма именно с польским восстанием. «Поэтому националистам сила самодержавия для “русского дела” стала казаться важнее его ограничения. В этом настроении одна из важнейших причин перехода признанного лидера русского национализма М.Н. Каткова с либеральных на охранительные позиции» [Сергеев 2011, с. 67]. Редактор «Московских ведомостей» после 1863 г. пришел к строгому убеждению, что единственной возможной формой государства для построения русской нации может быть лишь самодержавие. Эта позиция в тогдашних условиях развития русской общественной мысли объективно ставила М.Н. Каткова в лагерь консерваторов.

Как уже было обозначено выше, главная заслуга М.Н. Каткова – четкая и крайне оперативно сформулированная позиция относительно польского восстания. Решительные тезисы, озвученные им на страницах «Московских ведомостей», сделали его одной из главных звезд русской журналистики той эпохи. Важнейший вопрос – «что же делать с Польшей?» не был оставлен М.Н. Катковым без внимания. В отличие от многих других крупных публицистов, он предлагал понятную программу, состоящую из целого ряда административных мер. Фактически возможных решений проблемы могло быть только три: автономия, русификация и полное отмежевание. Проекты по отделению Царства Польского в силу контекста эпохи и имперской экспансии Великих держав XIX в. были заранее обречены на крайнюю непопулярность и маргинализацию, поэтому главная дискуссия разворачивалась именно вокруг проектов автономии и русификации.

Учитывая особенности понимания «нации» и «национализма» М.Н. Катковым, широкая автономия Царства Польского не рассматривалась им вовсе. Жесткий характер репрессивных мер М.Н. Муравьева очень нравился М.Н. Каткову. В 1863 г. он писал графу: «Вы не можете сомневаться в моей живейшей готовности оказать всякую по моим силам услугу делу, которому я служу до упада сил. Вы не можете также сомневаться в моем глубочайшем уважении лично к вашему сиятельству и желании исполнить всякое ваше поручение»¹¹. Открытая и публичная поддержка М.Н. Муравьева, которая нередко фигурировала на страницах «Московских ведомостей», носила ещё более демонстративный характер. Связано это в первую очередь с неоднозначным отношением к генералу-губернатору в верхних эшелонах власти. Все это свидетельствовало о принципиальности главного редактора: его позиция относительно Польши была решительной, однозначной и совпадала с воззрениями графа. «От графа Муравьева, незадолго до его смерти, получили мы письмо, в котором он отзывался о нашей деятельности в выражениях, которые чувство скромности не позволяет нам принимать во всей силе их значения»¹², – признавался М.Н. Катков в 1867 г. Впоследствии, дружеские отношения М.Н. Каткова с М.Н. Муравьевым будут становиться только крепче. Иногда они будут встречаться в Петербурге, где граф будет передавать материалы редактору «Московских ведомостей» для написания новых статей по польскому вопросу. «Пишу вам, почтеннейший М.Н., по особенному поручению графа М.Н. Муравьева <...> Он считает необходимым для пользы общего дела передать вам многие данные, добытые следственной комиссией», – писал Ф.И. Тютчев М.Н. Каткову в 1863 г.¹³ Такие встречи в столице империи не были редки и происходили в основном на квартире поэта¹⁴.

В первую очередь ареной для реализации административных мер должен был стать Западный край. Главной опасностью, исходящей от польской шляхты, представлялась

¹¹ ГА РФ. Ф. 811. О. 1. Д. 97. Л. 5.

¹² РГИА. Ф. 908. О. 1. Д. 282. Л. 4.

¹³ ОР РГБ. Ф. 120. Кн. 21. Ед. хр. 8. Л. 35.

¹⁴ ОР РГБ. Ф. 120. Кн. 21. Ед. хр. 8. Л. 36.

не вооруженная борьба, а возможность скорого «ополячивания» крестьянства Западного края. Необходимость не дать полякам культурно «захватить» население близлежащих территорий становилась задачей номер один. Концепция М.Н. Каткова могла под собой подразумевать исключительно решительные действия государства, так как «для него государство было единственным субъектом истории» [Котов 2016, с. 55]. М.Н. Катков убежден, что «польские крестьяне, польские хлопцы – поляки только по имени, да впрочем они и не называют себя поляками»¹⁵. Это дает основание полагать, что польское влияние будет достаточно легко остановить. Крестьянин Западного края представляется редактору «Московских ведомостей» совершенно инертным элементом, которому чужды идеи восстановления польской государственности. Выражаясь в терминологии М.Н. Каткова, эти крестьяне еще находятся на стадии племенного существования и, следовательно, не имеют национальности. «Поставьте их на какую угодно почву, и они примутся ко всякой. Под русским же правительством они еще легче могли бы сделаться русскими благодаря близкому сродству своего языка с русским»¹⁶.

Полное очищение края от польского влияния и освобождение крестьян от гнета шляхтичей было признано важнейшей задачей и на официальном уровне [Долбилов, Миллер 2007, с. 210]. Именно этого и добивался М.Н. Муравьев с К.П. Кауфманом. Так, например, последний писал М.Н. Каткову: «Мне особенно приятно встречать в суждениях ваших подтверждение собственных мыслей»¹⁷. Таким образом, эта позиция «Московских ведомостей» полностью смыкалась с действиями правительства, а передовицы газеты транслировали публике логику административных мер Петербурга. Позднее М.Н. Катков напишет: «Другие губернаторы Западного края, где дело управления окружено столькими трудностями, изустно и письменно также свидетельствовали о полезном для них действии нашей газеты»¹⁸.

¹⁵ Московские ведомости. 1863. № 147. 6 июля.

¹⁶ Там же.

¹⁷ ОР РГБ. Ф. 120. Кн. 21. Ед. хр. 8. Л. 101.

¹⁸ РГИА. Ф. 908. О. 1. Д. 282. Л. 4.

Главный тезис М.Н. Каткова заключается в том, что русификация Западного края – это прямое восстановление исторической справедливости. «Западный край быть издревле край русский. В этих местах была колыбель русского государства, здесь впервые началось самосознание русского народа»¹⁹. Польское влияние называется им «пришлым», фальшивым, несправедливым и противоречащим историческому процессу²⁰. В противовес этому предлагается «русскость, понятая в категориях середины XIX в., которая преподносилась как неизменная, имманентная, уходящая корнями вглубь веков сущность» [Долбилов, Миллер 2007, с. 210]. Тем самым М.Н. Катков утверждает, что русификация Западного края – это прямое и «органическое» слияние, которое является важной ступенью для построения русской нации и великого русского государства²¹.

Он предлагает действия, которые, по его мнению, необходимы для совершения этого слияния. Все эти меры, направленные на то, чтобы «прекратить панско-ксендзовские козни» и «отнять у панов феодальные права»²², практически полностью совпадают с официальной позицией Петербурга. Туда входили как языковые, образовательные и культурные ограничения, так и физическое сокращение количества польских землевладельцев и замена их на русских помещиков. Подобные санкции в отношении польских дворян, которые одобрял главный редактор «Московских ведомостей», ставили перед бюрократией достаточно сложные задачи. Риторика М.Н. Каткова о польской национальности и непринадлежности к ней крестьян Западного края имела право на жизнь лишь в контексте незавершенных этнических процессов в империи. Из-за отсутствия четкого юридического определения, кто является поляком, и польская, и русская национальность, а также сама принадлежность к ним становились предметом риторических манипуляций. Так, например, в указе Александра II от 10-го декабря 1865 г., где запреты были направлены против лиц польского происхождения,

¹⁹ Московские ведомости. 1865. № 262. 27 ноября.

²⁰ Московские ведомости. 1863. № 85. 21 апреля.

²¹ Московские ведомости. 1863. № 262. 27 ноября.

²² Московские ведомости. 1863. № 204. 19 сентября.

оставалось совершенно неясно по каким критериям можно было определить лицо польского происхождения [Горизонтов 1999, с. 101].

Обрусение Западного края понимается М.Н. Катковым как установление контроля администрации империи. Он остается последователен своему пониманию национализма. Русификация подразумевает под собой образование русской нации, то есть достижения единства в политическом смысле. Религия, внешний облик и прочие составляющие не должны подвергаться насильственному изменению. «Задача, висящая над Западным краем, состоит не в том, чтобы сделать его похожим снаружи на подмосковные губернии, а в том, чтобы он, при всех особенностях своих, стал по праву русским краем. Единство национальное есть по преимуществу единство политическое»²³.

Будучи этатистом, М.Н. Катков видит польское восстание не только как вооруженный мятеж, но и как образование иного государства внутри России. В западных губерниях, выражаясь условно, находится все еще не освоенное русским национализмом пространство. Люди на этой территории пребывают в племенном состоянии, не имея над собой национального и политического единства. Безусловно, западные окраины России обязаны стать русскими, но польское дворянство, обладая собственными политическими амбициями, увидело возможность в том, чтобы оторвать у России ее исконные территории, желая установить непосредственно польское политическое единство. «Истинная задача состоит в том, чтобы искоренить семена политики, и уничтожить то, в чем заключается не мнимое, а действительное зло. Здесь не должно быть призрака какого-либо иного государства»²⁴. Уничтожение «польского элемента» в западных губерниях для М.Н. Каткова в первую очередь важно не для усмирения Царства Польского и его устремлений, а для установления русской национальности над ее необъединенными крестьянами. «Нравы и обычаи, социальные формы, физиономия городов и сел, могут различаться, но тем несомненное должно быть единство

²³ Московские ведомости. 1863. № 262. 27 ноября.

²⁴ Там же.

политической национальности»²⁵. Польское восстание в итоге явилось лишь призывом для русских закончить начатый процесс. Оно продемонстрировало империи, что ее замедление в этом вопросе может привести к тому, что значительные территории России могут быть потеряны в национальном и политическом смыслах.

Политический национализм М.Н. Каткова предлагает проект империи как гомогенного современного государства, где «границы политические тождественны границам национальным» [Тесля 2011, с. 98]. «Государь император дал нашей политике национальное направление, как внутри, так и вне, и положил тем эпоху в истории нашего отечества. Слово об обрусении западных окраин империи было торжественно сказано с высоты трона»²⁶. Этот проект, помимо того, что преодолевал известное противостояние политического и этнического национализма, который явно вызывал ощутимые противоречия в риторике русских националистов XIX в., имел возможность обрести широкую популярность, так как напрямую во многих аспектах совпадал с воззрениями некоторых влиятельных членов высшей петербургской бюрократии. Это позволяло высказываниям М.Н. Каткова сохранять влиятельность и не становиться маргинальными, к чему зачастую приводила позиция, прямо противоречившая действиям администрации. Воззрения М.Н. Каткова удачно вписывались в нарастающий тренд отхода от сословного восприятия российского общества, параллельно снимая проблему детерминации «русского» исключительно через этническую принадлежность или приверженность православной вере. Его концепция позволяла большому количеству иноверцев и инородцев, населявших Российскую империю, стать полноценными «русскими», не внося изменения в свой внешний облик, вероисповедание, традиции и обычаи.

²⁵ Там же.

²⁶ РГИА. Ф. 908. О. 1. Д. 282. Л. 6.

ЛИТЕРАТУРА

- Горизонтов 1999 – Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.) М.: Индрик, 1999. 270 с.
- Долбилов, Миллер 2007 – Долбилов М.Д., Миллер А.И. Политика «русского дела» в западных губерниях в 1863–1869 гг. // Западные окраины Российской империи. Коллективная монография / под ред. М.Д. Добилова, А.И. Миллера. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 207–259.
- Котов 2016 – Котов А.Э. «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб.: Владимир Даль, 2016. 487 с.
- Миллер 2010 – Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 320 с.
- Перевалова 2015 – Перевалова Е.В. «Московские Ведомости» М.Н. Каткова в 1863–1864 гг. – политический официоз или орган независимого общественного мнения? // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 4. С. 163–179.
- Сергеев 2011 – Сергеев С.М. Столетняя война с «воскресающими мертвецами». Польский вопрос и русский национализм в XIX – нач. XX в. // Вопросы национализма. 2011. № 2. С. 39–67.
- Соловьев 2018 – Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. М.: РОССПЭН, 2018. 350 с.
- Тесля 2011 – Тесля А.А. «Польский вопрос» в передовицах М.Н. Каткова в «Московских Ведомостях» в 1863 г. // Ученые заметки ТОГУ. 2011. Т 2. № 2. С. 86–97.

REFERENCES

- Gorizontov, L.E. (1999), *Paradoksy imperskoy politiki: Polyaki v Rossii i russkiye v Polshe (XIX – nachalo XX v.)* [Paradoxes of Imperial Policy: Poles in Russia and Russians in Poland (19th – early 20th centuries)], Indrik, Moscow, Russia.

- Dolbilov, M.D. and Miller, A.I. (2007), “The Politics of the ‘Russian Cause’ in the Western Provinces”, in A.I. Miller, M.D. Dolbilov (eds.), *Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii* [Western Borderlands of the Russian Empire], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia, pp. 207–259.
- Kotov, A.E., (2016), “Tsarskiy put” Mikhaila Katkova: Ideologiya byurokraticheskogo natsionalizma v politicheskoy publitsistike 1860–1890-kh godov [Mikhail Katkov’s “The Tsar’s Path”: The Ideology of Bureaucratic Nationalism in Political Journalism of the 1860s–1890s], Vladimir Dal, Saint Petersburg, Russia.
- Miller, A.I. (2010), *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism: An Essay on the Methodology of Historical Research], *Novoye literaturnoye obozreniye*, Moscow, Russia.
- Perevalova, E.V. (2015), “M.N. Katkov’s ‘Moscow News’ in 1863–1864: political officialdom or an organ of independent public opinion?”, *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, no. 4, pp. 163–179.
- Sergeev, S.M. (2011), “The Hundred Years’ War with the ‘Resurrecting Dead’. The Polish Question and Russian Nationalism in the 19th and Early 20th Centuries”, *Voprosy natsionalizma*, no. 2, pp. 39–67.
- Solovyev, K.A. (2018), *Politicheskaya sistema Rossiyskoy imperii v 1881–1905 gg.: problema zakonotvorchestva*. [The political system of the Russian Empire in 1881–1905: the problem of lawmaking], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Teslya, A.A. (2011), “‘The Polish Question’ in the editorials of M.N. Katkov in *Moskovskiye Vedomosti* in 1863”, *Uchenyye zametki TOGU*, no. 2, pp. 86–97.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Егор И. Штанько, студент магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; egor2001s@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Egor I. Shtanko, master's student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; egor2001s@yandex.ru

УДК 94(47)“1904/1905”

«На этой почве возникло единение»: образование союза адвокатов в ноябре 1904 – марте 1905 гг.

Михаил А. Овчинников

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, mikle.ovchinnikov.2002@mail.ru*

Аннотация. В работе рассматривается процесс оформления профессионально-политического союза адвокатов в период Первой русской революции. События 1905-1907 гг. стали результатом общественно-политического и экономического кризиса, назревающего в Российской империи с конца XIX в. В конце 1904 г. «Союзом освобождения» была проведена т.н. «банкетная кампания» в честь 40-летия Судебных уставов 1864 г., в рамках которой были намечены общие очертания будущих профессионально-политических союзов: врачей, фармацевтов, журналистов, учителей, деятелей высшей школы и т.п. К числу таких организаций относится союз адвокатов, сформировавшийся в конце марта 1905 г. на I всероссийском съезде присяжных поверенных в Санкт-Петербурге. Автор обращает внимание на генезис первой всероссийской организации адвокатов, который базируется на специфике социальной базы профессионального сословия и на влиянии общественных настроений в конце 1904 – начале 1905 гг. Процесс зарождения объединения изучается на основе делопроизводственных документов Департамента полиции, историко-правовых трудов о дореволюционной адвокатуре и мемуаров участников I всероссийского съезда присяжных поверенных в марте 1905 г. Намечается вывод о том, что оппозиционные настроения, имевшие место в корпорации адвокатов, проявлялись в первую очередь в профессиональном поле. Ограниченность в Российской империи публичной политики и особое понимание природы права стало почвой для развития в корпорации движения "молодой адвокатуры", которая сыграла роль главного организатора союза и, в последствии, составила основу бюро объединения.

© Овчинников М.А., 2026

Ключевые слова: адвокаты, банкетная кампания, Первая русская революция 1905–1907 гг., общественное движение, профессионально-политический союз

Для цитирования: Овчинников М.А. «На этой почве возникло единение»: образование союза адвокатов в ноябре 1904 – марте 1905 гг. // Молодой историк. 2026. № 2(6). С. 56-74.

“This brought them together”: the formation of Bar Association
in November 1904 – March 1905

Mikhail A. Ovchinnikov
Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, mikle.ovchinnikov.2002@mail.ru

Abstract. The paper examines the formation of the professional and political union of lawyers during the First Russian Revolution. The events of 1905-1907 were the result of the socio-political and economic crisis that had been brewing in the Russian Empire since the late 19th century. At the end of 1904, the "Union of Liberation" held the so-called "banquet campaign" in honor of the 40th anniversary of the Judicial Statutes of 1864, within the framework of which there were fixed the general outlines for future professional and political unions of doctors, pharmacists, journalists, teachers, higher education figures, etc. Among such unions there was Bar Association founded at the end of March 1905 at the First All-Russian Congress of Sworn Attorneys in St. Petersburg. The author draws attention to the genesis of the first all-Russian organization of lawyers, which is based on the social basis of the professional class and on the influence of public sentiments in late 1904 – early 1905. The process of the association's formation is studied based on the records of the Police Department, historical and legal works on the pre-revolutionary bar, and the memoirs of participants in the First All-Russian Congress of Attorneys in March 1905. It is concluded the oppositional moods within the bar association were primarily expressed in the professional field. The limited scope of public policy in the Russian Empire and the specific nature of Law became the basis for the development of the "young advocacy" movement in the corporation,

which played the role of the union organizer and, subsequently, formed the basis of the bureau of the association.

Keywords: lawyers, banquet campaign, the First Russian Revolution of 1905–1907, *obshchestvennoe dvizhenie*, professional and political union

For citation: Ovchinnikov, M.A. (2026), “ ‘This brought them together’: the formation of Bar Association in November 1904 – March 1905”, *Young Historian*, no. 2(6). pp. 56-74.

Формирование публичной сферы в России охватывает долгий период конца XVIII – начала XX вв. Этот период отмечается установлением автономной от сферы государственного управления площадки, на которой обсуждались проблемы, представляющие общественный интерес [Малинова 2011, с. 433]. На этой почве складывается особое *общественное движение*, специфика которого во многом определялась существующими общественно-политическими реалиями.

Различные этапы развития этого явления становились объектом исследований историков. Данная научная проблема разрабатывается сравнительно давно – еще в дореволюционных работах различными авторами предпринимались попытки осмысления очерченной социально-интеллектуальной среды. Несмотря на это, едва ли можно говорить об избыточности научных трудов по этой проблеме. Говоря об историографии общественного движения начала XX в., можно судить о том, что в центре внимания исследователей оказывались преимущественно политические партии позднеимперской России, в то время как иные формы общественной самоорганизации рассматривались весьма поверхностно [Шелохаев, Соловьев 2018, с. 159].

Возникающие в период Первой русской революции (далее – ПРР) профессионально-политические организации стали отличительной чертой эпохи [Кураев 2016, с. 20]. Союзы врачей, фармацевтов, инженеров, литераторов и др. в 1905 г. сформировали общероссийское политизированное объединение интеллигенции – Союз союзов, представляющий собой широкий демократический фронт в условиях разворачивающегося

внутреннего кризиса. Каждый подобный профессионально-политический союз в отдельности можно рассматривать как результат внутрикорпоративных тенденций, которые зачастую развиваются в логике маятника общественного настроения. Ярким примером подобных процессов является союз адвокатов, объединивший в себе значительную часть корпорации присяжных поверенных.

На рубеже XIX–XX вв. корпорация присяжной адвокатуры стремительно обновлялась. На смену корифеям «адвокатуры первого призыва» приходило новое поколение, которому «предстояло продолжить традиции предшественников и поддерживать завоеванный статус адвокатской деятельности» [Троицкий 2000, с. 113]. Среди них выделялась небольшая по численности, но заметная группа «молодой адвокатуры». Как правило, это были присяжные поверенные нового (по сравнению с «первым призывом») поколения, хотя и не всегда молодые в строгом смысле этого слова. «Молодыми, очевидно, мы считались не по годам, а по направлению», – заметил М.Л. Мандельштам, примкнувший к московскому кружку политзащиты уже 37-летним и достаточно опытным адвокатом [Троицкий 2000, с. 113].

Молодежи был свойственен интерес к развитию отечественной и зарубежной юридической мысли. В 1897 г. в Брюсселе состоялся первый всемирный конгресс адвокатов, на котором в том числе приняла участие русская делегация. В качестве «организаторов» съезда выступала бельгийская «молодая адвокатура», в речах которой провозглашалось новое понимание роли защитника¹. Адвокат предстал в роли «естественного объяснителя права», «его бойцом» и «жрецом». Такое видение шло вразрез с привычным старшему поколению российской присяжной адвокатуры пониманием своей роли, однако было тепло воспринято поколением «детей»².

Деятельность младоадвокатов несла на себе печать своего времени. Речь идет о лицах, чья профессиональная деятельность выпала на период преддверия ПРР. Это обстоятельство во многом

¹ Винавер М.М. Очерки об адвокатуре. СПб, 1902. С. 97, 113.

² Гессен И.В. История русской адвокатуры. Т. 1. Адвокатура, общество и государство. М. 1914. С. 394.

определило их уклон в русло общественного движения со свойственными ему тогда настроениями³. Деятельность молодой адвокатуры вызывала к себе подозрительное отношение со стороны старших членов сословия. «Стариков» беспокоила тенденция проецирования политических лозунгов на профессиональную деятельность «молодежи». «В сословии нарождалась группа уже явных политических агитаторов, пользующихся при всяком, удобном и неудобном, случае адвокатской трибуной исключительно в видах революционных», – вспоминал Н.П. Карабчевский⁴.

С начала 1890-х гг. активность младоадвокатов проявлялась в организации кружков политических защитников. Первым таким кружком стал так называемый «Бродячий клуб» (названный так, «потому что он не имел постоянного помещения»). Объединение создали в 1895 г. в Москве представители «молодой адвокатуры» В.А. Маклаков, П.Н. Малянтович, Н.К. Муравьев и Н.В. Тесленко. Клуб не имел определенной программы, но ставил своей задачей поднять профессиональный уровень адвокатуры, а также наметил своей целью расширить возможности юридической защиты «коснеещему в безысходном невежестве и неграмотности рабочему и крестьянскому населению»⁵.

Московские младоадвокаты на безвозмездной основе оказывали юридические консультации и за пределами Московской губернии. В Петербурге в конце 1890-х гг. возникла местная выездная консультация, деятельность которой довольно скоро затронула коллективные защиты по политическим делам. В это объединение вошли братья В.В. и М.В. Беренштамы, Н.Д. Соколов, А.С. Зарудный [Троицкий 2000, с. 116].

В начале XX в. аналогичные объединения возникли в Киеве, в Харькове, в Одессе, в Саратове и других городах. На фоне активизации общественно-политической деятельности молодой адвокатуры в начале 1900-х гг., выраженной в том числе в виде выездных мероприятий, возникла консолидация представителей адвокатского сословия всех судебных округов [Варфоломеев 2023,

³ Там же.

⁴ Карабчевский Н.П. Что глаза мои видели: в 2 т. Берлин, 1921. Т. 2. С. 18.

⁵ Гессен И.В. Указ соч. С. 383.

с. 8]. На громких процессах с большим количеством подсудимых и свидетелей встречались присяжные поверенные, договаривались о тактике защиты, обсуждали другие дела. Фактически деятельность отдельных групп адвокатов непрерывно сталкивала эти кружки в разных частях страны, чем самым укрепляя связи между активными представителями сословия. В конечном итоге, это сближение привело к мысли о необходимости создания такой организации, которая могла бы объединить сословие на общеперском уровне.

15 февраля 1903 г. в Петербурге прошел съезд, на котором, как вспоминал Н.К. Муравьев, «политическое настроение объединенной адвокатуры выразилось настолько ярко, что съезд признал принцип общественно-политической деятельности адвокатуры твердо установленным, не нуждающимся в подробной формулировке» [Варфоломеев 2023, с. 8–9]. На этом съезде делегатами было принято решение вести систематическую борьбу с произволом администрации и суда, обсуждать проекты законодательных реформ, а также выступать за расширение гражданских прав. В октябре 1904 г. в Москве состоялся новый съезд представителей разных адвокатских кружков, на котором главным предметом обсуждения был вопрос о выступлении адвокатов с конституционным заявлением. В ходе нарастания социально-политического кризиса Советом «Союза освобождения» была выдвинута инициатива массового объединения оппозиционной интеллигенции в профессиональные организации. И.В. Гессен, а вслед за ним и Ю.В. Варфоломеев, находят, что устройство политических банкетов в ноябре 1904 г. принадлежит «молодой адвокатуре» [Варфоломеев 2023, с. 9]. С ноября 1904 г. на организованных банкетных кампаниях озвучивались идеи создания союзов врачей, учителей, преподавателей высшей школы и многих других профессий. 21 ноября 1904 г. планировалось общее собрание петербургских присяжных поверенных и их помощников по случаю 40-летия судебных уставов. Обычно такие заседания происходили в здании судебных установлений, однако в тот раз смотритель заявил, что общее собрание состояться не может, так как «цели собрания не соответствуют зданию судебных

установлений»⁶. Собравшиеся адвокаты перешли в здание городской думы, где была составлена резолюция о том, что «правильная организация отправления правосудия невозможна без коренной реформы государственного строя». Тогда в Петербурге документ был принят большинством голосов, в Москве – единогласно. Между советами присяжных поверенных всех судебных палат шел обмен телеграммами, в которых отдельные группы адвокатов присоединялись к выдвинутым положениям⁷.

События января-февраля 1905 г. определили характер последующих собраний, как и порядок формирования всероссийской профессионально-политической организации. 26 февраля 1905 г. в Петербурге прошел третий съезд адвокатов, на котором обсуждались положения высочайшего рескрипта от 18 февраля об учреждении комиссии Булыгина. Большинство голосов против трех была принята следующая резолюция:

а) чтобы задача ее ограничивалась выработкой закона о созыве учредительного собрания на началах всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов;

б) чтобы к участию в её работах были привлечены свободно избранные представители от всего населения России;

в) чтобы предварительно и немедленно было уничтожено положение об усиленной охране, даны свобода печати, слова и собраний, гарантированы неприкосновенность личности и жилищ, освобождены и возвращены сосланные и заключенные за политические и религиозные преступления⁸.

В тот же день на указанном собрании было положено начало оформлению союза. На вечернем заседании было постановлено созвать в марте 1905 г. в Санкт-Петербурге съезд выборных депутатов от всероссийской адвокатуры для объединения сословия и, как указывалось, «для обсуждения вопросов, вытекающих из Именного Указа и Рескрипта от 18 февраля сего года». Устанавливался порядок выборов представителей от всех территориальных групп сословия. Делегаты на местах должны были быть выбраны не позже 15 марта через

⁶ Гессен И.В. Указ соч. С. 402.

⁷ Гессен И.В. Указ. соч. С. 416.

⁸ ГА РФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

общие собрания всех без исключения присяжных поверенных и их помощников: от каждого города с окружным судом – по одному депутату, а из городов, в которых числилось более 30 адвокатов, – еще по одному на каждые 30 избирателей⁹. Допускалось избрание одного представителя от нескольких городов. Помощники присяжных поверенных должны были избираться преимущественно в общих избирательных куриях с присяжными поверенными и только при особых условиях – в отдельных куриях. Выборы организовывались по судебным округам.

На местах выборы были проведены в довольно короткие сроки. По материалам съезда адвокатов от 28 марта следует, что в Петербурге собралось 178 депутатов от 11 судебных палат: Санкт-Петербургской (44 депутата), Московской (38 депутатов), Киевской (25 депутатов), Харьковской (15 депутатов), Одесской (11 депутатов), Казанской (4 депутата), Саратовской (6 депутатов), Новочеркасской (5 депутатов), Варшавской (12 депутатов), Виленской (6 депутатов), Тифлисской (4 депутата)¹⁰. В выборах делегатов принимало участие 2238 присяжных поверенных и помощников в 64 городах империи¹¹. На мартовском съезде не принимали участие присяжные поверенные Иркутской, Омской и Ташкентской судебных палат. Разной была численность избирателей по судебным округам. Наибольшее количество избирателей приходится на Санкт-Петербург (300) и Москву (611). Следом идут Киевский (287), Варшавский (267), Одесский (221) и Харьковский (187) судебные округа¹². По наличным данным можно рассчитать процентное соотношение избирателей к общей численности сословия по судебным округам. При сопоставлении со статистическими данными Министерства юстиции выходит, что наибольшее относительное число избирателей было представлено в Одесском (52 %), Саратовском (50 %), Харьковском (47%), Киевском (46%) и Московском (46%) судебных округах. Далее идут Виленский (38%), Новочеркасский (35 %), Казанский (30%), Варшавский (28%) и Тифлисский (26%) судебные округа. Меньше

⁹ ГА РФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 28. Л. 1 об.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 814. Л. 57.

¹¹ Там же.

¹² ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 814. Л. 57.

всего избирателей наблюдается в Санкт-Петербургском судебном округе (24%). Эти показатели не свидетельствуют о настроениях в среде адвокатуры. Вполне возможно, что многие избиратели попросту не имели возможности принять участие в выборах. По оценке Б.Л. Гершуна, адвокатская работа требовала слишком много времени, чтобы оставить часы на общественное и политическое служение [Соловьев 2024, с. 244]. Тем не менее, указанные показатели могут свидетельствовать о наличии этой самой возможности у адвокатов по судебным округам.

Немного известно о ходе выборов по судебным округам. В газете «Сыны отечества» вышла заметка, согласно которой выборы делегатов на съезд присяжной адвокатуры от Санкт-Петербургского судебного округа состоятся 19 марта¹³. Примечательно то обстоятельство, что никаких предварительных повесток на голосование не было. Кроме того, неизвестно было и место проведения выборов. Обычно члены корпорации каждую субботу собирались в здании судебных установлений на третьем этаже, где для проведения тех или иных мероприятий выделялась комната. Это пространство было предоставлено в исключительное распоряжение совета присяжных поверенных, однако, вопреки ожиданиям полиции, выборы прошли в другом помещении¹⁴. В качестве делегатов от петербургской адвокатуры были выбраны Бубнов, Базунов, Винавер, Грузенберг, Гольдштейн, Гессен, Корсаков, Олышамовский, Пласон, Родичев, Слонимский, Шнитников и кн. Эристов и кандидатам и к ним – Добровольский, Годлевский, Каминка. В состав делегации также были назначены члены совета – «старики» Турчанинов и Люстих¹⁵.

Следующим шагом в организации всероссийского съезда стал выбор места проведения. Очевидно, для проведения сравнительно многолюдного собрания требовалось помещение больше, чем то, что было в распоряжении совета. Площадка была найдена в одном из зданий Вольного Экономического Общества (далее – ВЭО). В период ПРР ВЭО сохраняло репутацию чуткого барометра общественных настроений, проявив по ключевым

¹³ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 43. Д. 3648. Л. 2.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 43. Д. 3648. Л. 4.

¹⁵ Там же.

направлениям своей деятельности оппозиционность самодержавию [Туманова 2016, с. 121]. В стенах ВЭО проходили собрания оппозиционных самодержавию сил, в том числе после 9 января 1905 г. Пристав I участка Нарвской части случайно узнал от смотрителя дома ВЭО, что помещение общества по Забалканскому проспекту, 33, сдано 28 марта «под непубличное собрание присяжных поверенных вследствие просьбы о том одного из членов названного Общества – присяжного поверенного Д.А. Демьянова»¹⁶. Пристав позвонил адвокату, который на его расспросы сообщил ему, что помещение сдано совету присяжных поверенных Петербургской судебной палаты ввиду тесноты в здании судебных установлений. Тогда же Демьянов объяснил, что собрание присяжных поверенных будет не публичное, «что характер его будет, так сказать, домашний или семейный и что на этом собрании будет обсуждаться юридический вопрос о правах петиций, предоставленном лицам и учреждениям по закону 18 февраля сего года»¹⁷. Сказанное Демьяновым, по всей видимости, создало у полицейского ощущение, что собрание носит законный характер. Только на следующий день из газеты «Русь» приставу стало известно, что в помещении ВЭО пройдет всероссийский съезд адвокатуры¹⁸.

Около часа дня 28 марта стали собираться присяжные поверенные. Почетным председателем съезда был провозглашен один из членов Совета А.Н Турчанинов. Тот, однако, ссылаясь на плохое самочувствие, передал этот пост Ф.И. Родичеву. Вскоре после начала заседания в здание явилась полиция, которая требовала предъявить разрешение на собрание. В тот день полицейские несколько раз возвращались с требованием разойтись (повиновались «старикам» Турчанинов, Стасов и еще несколько человек), однако значительное большинство остались, обещая не уходить, пока полиция не применит насилие¹⁹. После недолгой перепалки собравшиеся вернулись к вопросу об организации союза. Присяжный поверенный варшавского судебного округа

¹⁶ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 43. Д. 3648. Л. 7.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 43. Д. 3648. Л. 7.

¹⁸ Там же. Л. 7. Об.

¹⁹ Там же. Л. 8.

А.С. Лапевский заявил, что польская адвокатура не будет примыкать к проектируемой организации. Причиной этого ему виделись «многолетние притеснения в отношении польской национальности, выраженной в закрытии национальных школ, судов, администрации» и пр. Польская адвокатура воспринималась как отдельное целое, и сотрудничество с русской адвокатурой, по мнению А.С. Лапевского, было возможно исключительно на равных правах только в том случае, если будет признана полная законодательно-административная автономия Царства Польского²⁰. Собравшихся депутатов высказанное заявление застало врасплох. По воспоминаниям В.А. Маклакова, требования поляков были встречены собранием холодно. Ультимативная риторика поляков задела многих депутатов, никто не был готов к такому повороту событий. Собрание погрузилось в обсуждение предъявленных требований²¹. В.А. Маклаков предложил другим «товарищам из провинции» высказаться по обозначенному вопросу. В.П. Куликов возражал ему, находя необходимым высказаться по этому поводу всему съезду²². С.Е. Кальманович указывал, что «они (поляки) в праве просить автономию, но не вправе отказываться от союза, от совместного действия с нами». От дальнейшего раскола ситуацию спас Ф.И. Родичев. Им была произнесена речь, суть которой сводилась к предложению пойти на встречу польским представителям. Условия были приняты – адвокатский союз признал равенство российской и польской адвокатуры, тем самым «экспромтом одобрил польскую автономию»²³.

Следующим постановлением было объявлено о создании союза адвокатов и предложены члены бюро. Заседание было еще не окончено, когда в очередной раз прибыл полицмейстер с нарядом городничих. Он потребовал закончить собрание, ссылаясь на его незаконный характер²⁴. Несмотря на общее нежелание

²⁰ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 814. Л. 54.

²¹ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России. Париж, 1936. С. 363.

²² ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 814. Л. 57.

²³ Маклаков В.А. Указ. Соч. С. 363.

²⁴ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 814. Л. 58.

делегатов, собравшиеся адвокаты уступили. «Не желая подводить ВЭО и «подчинясь насильно», очистили адвокаты зал»²⁵. Полицией было зафиксировано 186 лиц, 49 из которых относились к Петербургской судебной палате (т.е. больше, чем ранее выбранных делегатов от петербургской адвокатуры).

Вечером того же дня в квартире М.М. Винавера в доме 25 по Захарьевской улице состоялось вторичное собрание. В 11 часов вечера туда вошла полиция и обнаружила 150 человек, из которых многие быстро удалились, так что было записано 93 человека²⁶. Несмотря на противодействие полиции, собрания продолжились. Уже на следующий день, 29 марта, состоялось две встречи – одна утром и одна вечером. Место проведения утренней сессии полицией установлено не было. Однако в 10 часов вечера того же дня в департаменте стало известно, что в квартире кн. Сидамонова-Эристова происходит заседание, на котором, как тогда полагали, находятся 70 человек²⁷. Через час в квартире полиция обнаружила до 150 человек, причем многие из них «были накануне в квартире М.М. Винавера, и между прочим – присяжный поверенный А.Н. Турчанинов»²⁸. К часу ночи адвокаты разошлись под присмотром полиции. Сам кн. Сидамонов-Эристов сказал, что сожалеет о случившемся. По его словам, он не имел возможности отказать товарищам по профессии в устройстве у себя заседания, так как располагал довольно обширным помещением.

Пятая, последняя попытка устроить съезд была сделана в квартире присяжного поверенного Добровольского в доме 15 по Сергиевской улице. Чтобы обезопасить себя от визитов полицмейстеров, адвокатами был пущен слух, что собрание состоится вечером, но на деле открылось в час дня. Спустя несколько часов в ведомстве все же стало известно о том, что съезд адвокатуры продолжается на новом месте. Туда был направлен отряд во главе с полицмейстером Палибиным, который, прибыв, заявил, что «через четверть часа сборище будет рассеяно при

²⁵ Маклаков В.А. Указ. Соч. С. 364.

²⁶ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 43. Д. 3648. Л. 8.

²⁷ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 43. Д. 3648. Л. 8 об.

²⁸ Там же. Л. 9.

помощи полицейского наряда»²⁹. В квартире присутствовало 129 присяжных поверенных, которые были переписаны. После описанной сходки, в тот же день, к Санкт-Петербургскому градоначальнику Д.Ф. Трепову явился А.Н. Турчанинов, который заверил генерал-майора, что всероссийский съезд завершен³⁰. Властями было выдвинуто требование всем иногородним присяжным поверенным покинуть столицу в срок в 24 часа. При этом градоначальник дал отсрочку тем, кто смог доказать, что приехал по делам, а на сходку попал случайно³¹.

Спустя две недели после завершения всероссийского съезда адвокатуры по всем судебным округам последовали аресты. 15 апреля был произведен обыск у присяжного поверенного М.В. Беренштама и затем его арест. У адвоката полицией были найдены и изъяты материалы съезда, в том числе протоколы заседаний³². В тот же день были обысканы А.Н. Андроников и Ф.И. Родичев. У первого нашли рукописи и прокламации о январских событиях в Петербурге и Баку, а у второго отобраны несколько документов, относящихся к петициям и резолюциям, выработанным на некоторых земских собраниях и различных банкетах³³. 22 апреля по требованию Петербургского охранного отделения обысканы и арестованы Стааль, Перес, сестра Тесленко Елизавета. Жданов и сам Тесленко арестованы не были, так как отсутствовали в Москве³⁴. Вскоре все арестованные лица были освобождены по требованию того же Петербургского охранного отделения. В то же время в Киеве был проведен обыск у Куперника. Нашли 40 подпольных сочинений, а также материалы съезда адвокатов. В Саратове полицией был произведен обыск у присяжных поверенных Кальмановича и Токарского, однако, как отмечалось в документации, мера не была выполнена вследствие встреченных местным начальником охранного отделения

²⁹ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 43. Д. 3648. Л. 9.

³⁰ Там же. Л. 8 об.

³¹ Там же. Л. 10.

³² Там же. Л.14.

³³ Там же. Л. 20.

³⁴ Там же. Л. 13.

препятствий³⁵. Аресты и обыски должны были затронуть многих других адвокатов, принимавших участие в съезде. Однако некоторые из них оказались вне досягаемости. Так, например, незадолго до прихода полиции петербургские присяжные поверенные Соколов и Моисеев уехали за границу³⁶.

Одной из центральных тем обсуждения съезда был вопрос об организации союза. Важным шагом для его формирования стало определение структуры и характера взаимодействия между различными элементами. Ядром объединения признавалось центральное бюро, в состав которого должны были войти адвокаты от каждого судебного округа³⁷. 28 марта было сформировано временное бюро. В его состав вошли Родичев, Винавер, Бернштам, Тесленко, Стааль, Жданов, Перес, Куперник, Вакарь, Куликов, Гальперин, Кальманович, Токарский, Козловский, Нейфах, Андроников, Иоаннияснц, Нелидов, Пергамент, Сахневич, Городницкий, Невзоров³⁸. Временное бюро было наделено широкими полномочиями для формирования организации союза, а также для выбора делегации, которая должна была представлять интересы объединения адвокатов в Союзе союзов³⁹. Многие оставались несогласованным: выборы членов бюро, дислокация, представительство от судебных округов. Вокруг этих вопросов 28 марта начались прения. Главной темой споров стала перспектива создания постоянного центрального бюро союза вместо временного сразу на текущем собрании. После продолжительных споров председатель собрания О.Я. Пергамент предложил поставить этот вопрос на голосование. Большинство делегатов проголосовало за проведение выборов в центральное бюро незамедлительно⁴⁰. Тогда же приступили к утверждению порядка избирательного процесса и его принципов. Была предложена формула, согласно которой в бюро предлагалось набрать 10 делегатов от Петербурга, 6 из Москвы и по 2 делегата от каждого из

³⁵ Там же. Л. 20.

³⁶ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 43. Д. 3648. Л. 21.

³⁷ ГА РФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

³⁸ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 814. Л. 57.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Л. 64.

остальных округов⁴¹. Позже дополнительным голосованием число членов бюро от Москвы увеличилось до 10, а Харьковский и Киевский судебные округа получили дополнительные места в бюро (3 и 4 соответственно вместо изначальных 2)⁴². Собрание большинством против одного решило, что выборы представителей Петербурга и Москвы проводились всем собранием депутатов, в то время как выборы представителей от провинциальных групп адвокатов должны были проводиться делегатами от соответствующего судебного округа⁴³.

Таким образом, центральное бюро союза было сформировано к 29 марта 1905 г. Полного списка членов нет, однако по разным данным можно предположить, кто входил в состав центра союза. Так, от Санкт-Петербурга в бюро вошли Андроников, Родичев, Соколов, Винавер, кн. Эристов; от Москвы: Жданов, Перес, Стааль, Тесленко, Мандельштам, Сахаров, Рязанов, Серебрянников; от Харькова: Куликов, Каринский, Александров; от Киева: Куперник, Вакарь, Ратнер; от Одесской: Богомолец, Сахневич, Пергамент; от Новочеркасского: Неврозов; от Тифлисского: Хоментовский, Арутюнов, Иоаннисянц; от Саратова: Кальманович, Чумаевский, Токарский; от Виленского: Нейфах, Майер⁴⁴. Собранием было решено, что оно должно находиться в Петербурге, так как в те месяцы столица была центром событий⁴⁵. Устав, определяющий деятельность бюро союза, решили не писать⁴⁶. По сути, центральное бюро должно было стать объединяющим звеном для всех местных адвокатских организаций. На него ложились функции информирования всех групп союза о происходящих политических событиях и выступления от имени союза адвокатов в прочих собраниях самоорганизующихся союзов и объединений⁴⁷. Во время мартовского съезда адвокатуры была установлена сумма взносов в кассу союза, которая тоже находилась

⁴¹ Там же.

⁴² ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 814. Л. 64.

⁴³ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 814. Л. 64.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 233а 1905 г. Д. 999 ч. 11. Л. 12.; ГА РФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 15. Л. 52–55.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 814. Л. 63.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 233а 1905 г. Д. 999 ч. 11. Л. 12.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.

в ведении бюро. Присяжные поверенные должны были ежегодно вносить 5 рублей, а помощники – 2 рубля⁴⁸. Помимо этого, как будет видно далее, ядро союза должно было рассматривать предлагаемые положения будущего избирательного закона, конституционного акта и прочих проектов.

Создание союза адвокатов является прецедентом в истории сословия. Однако нельзя сказать, что объединение на общеимперском уровне определило дальнейший ход развития профессиональной корпорации. В этом ключе есть смысл рассматривать союз адвокатов как результат определенных внутрисословных тенденций, набирающих обороты в начале XX в. В этой связи возникает вопрос о соотношении числа членов союза относительно общей численности российской адвокатуры. В начале 1906 г. в союзе состояли примерно 2500 адвокатов и помощников присяжных поверенных [Соловьев 2024, с. 401]. К концу 1905 г. по статистическим данным Министерства юстиции во всех судебных округах империи числилось 3709 присяжных поверенных и 2550 помощников⁴⁹. Таким образом, выходит, что к началу 1906 г. участниками союза было примерно 40 % сословия. В сравнении с другими союзами интеллигенции данные показатели представляются весьма средними. Так, например, к октябрю 1905 г. Академический союз объединял в себе приблизительно 1800 человек (то есть $\frac{3}{4}$ деятелей высшей школы) [Иванов 2011, с. 502]. В то же время, к концу 1905 г. во Всероссийском союзе учителей и деятелей по народному образованию насчитывалось до 10 тыс. человек, что составляло приблизительно $\frac{1}{10}$ часть от числа преподавателей начальной школы [Зубков 2011, с. 685]. В мае-июне 1905 г. всероссийский железнодорожный союз объединял 6 тысяч человек (примерно 15% всех штатных служащих) [Розенталь 2016, с. 135].

В условиях отсутствия в стране политической сферы настроения значительной части корпорации присяжных поверенных формировались в профессиональной области.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 28. Л. 3-3 об.

⁴⁹ Берман Я.А. Статистика адвокатуры // История русской адвокатуры. 1864–1914: Т. 2. Сословная организация адвокатуры / Под ред. М.Н. Гернета. М., 1916. С. 24.

Генезис всероссийского союза адвокатов следует рассматривать в деятельности «молодой адвокатуры», которая, с одной стороны, определялась развитием настроений в общественном поле, а с другой, стала консолидирующей силой всеобщего объединения. Обретение внешней формы и структурного наполнения стало возможным на фоне внутреннего социально-политического взрыва, наступившего империи после 9 января 1905 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Варфоломеев 2023 – *Варфоломеев Ю.В.* «Серебряный век» русской адвокатуры: в 4 ч. // Ч. 3: «Молодая адвокатура» в общественно-политической и культурной жизни позднеимперской России и русского зарубежья. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2023. 264 с.
- Зубков 2011 – *Зубков И.В.* Всероссийский союз учителей и деятелей по народному образованию (1905–1908) // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX вв. / Отв. ред. А.С. Туманова. М.: РОССПЭН, 2011. 886 с.
- Иванов 2011 – *Иванов А.Е.* Академический союз деятелей науки и высшей школы // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX вв. / Отв. ред. А.С. Туманова. М.: РОССПЭН, 2011. 886 с.
- Кураев 2016 – *Кураев А.Н.* Интеллигентские союзы в России в 1905–1907 годах // Интеллигенция и мир. 2016. № 1. С. 9–22.
- Малинова 2012 – *Малинова О.Ю.* Общество, публика, общественность в России середины XIX – начала XX века: Отражения в понятиях практик публичной коммуникации и общественной самодеятельности // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода: В 2 т. М., 2012. Т. 1. С. 428–463.
- Розенталь 2016 – *Розенталь И.С.* Всероссийский железнодорожный союз // Россия в 1905–1907 гг.: энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 1196 с.

- Соловьев 2024 – *Соловьев К.А.* Общественное движение в России. 1891–1905 гг. М.: Центр «Наследие», 2024. 519 с.
- Троицкий 2000 – *Троицкий Н.А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула: Автограф, 2000. 456 с.
- Туманова 2016 – *Туманова А.С.* Вольное экономическое общество // Россия в 1905–1907 гг.: энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 1196 с.
- Шелухаев, Соловьев 2018 – *Шелухаев В.В., Соловьев К.А.* Общественное движение в России (методологические и историографические проблемы) // Россия XXI. 2018. № 4. С. 144–167.

REFERENCES

-
- Ivanov, A.E. (2011), “Academic Union of Science Figures and Higher School”, in Tumanova, A.S. (ed.), *Samoorganizaciya rossijskoj obshchestvennosti v poslednej treti XVIII – nachale XX v.* [Self-organization of the Russian public in the last third of the XVIII – early XX centuries], ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 493–520.
- Kuraev, A.N. (2016), “Intelligentsia Unions in Russia in 1905-1907”, *Intelligentsia I mir*, no. 1, pp. 9–22.
- Malinova, O.Y. (2011), “Society, public, public in Russia in the middle of the XIX – beginning of the XX century: Reflections in the concepts of practices of public communication and public amateur activity”, *‘Ponyatiya o Rossii’: k istoricheskoi semantike imperskogo perioda* [Concepts of Russia: To the historical semantics of the imperial period], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia, pp. 428–463.
- Rozental, I.S. (2016), “All-Russian Railway Union”, in Zhuravlev, V.V. (ed.), *Rossija v 1905–1907 gg.: Enciklopediya* [Russia in 1905–1907: Encyclopedia], Political Encyclopedia, Moscow, Russia, pp. 133–137.
- Shelokhaev, V.V., Soloviev, K.A. (2018), “Obshchestvennoe dvizhenie in Russia (methodological and historiographical problems)”, *Russia XXI*, no. 4, pp. 144–167.

- Solovyov, K.A. (2024), *Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii. 1891–1905 gg.* [A social movement in Russia. 1891–1905], “Heritage” Center, Moscow, Russia.
- Troitsky, N.A. (2000), *Advokatura v Rossii i politicheskie processy v 1866–1904 gg.* [Advocacy in Russia and Political Processes of 1866–1904], Autograph, Tula, Russia.
- Tumanova, A.S. (2016), “Free Economic Society”, in Zhuravlev, V.V. (ed.), *Rossiya v 1905-1907 gg.: Enciklopediya* [Russia in 1905–1907: Encyclopedia], Political Encyclopedia, Moscow, Russia, pp. 121–124.
- Varfolomeev, Y.V. (2023), “ ‘Silver Age’ of the Russian Advocacy: In 4 parts”, *Ch. 3: Molodaya advokatura v obshchestvenno-politicheskoi i kulturnoi zhizni pozdneimperskoi Rossii i russkogo zarubezhya* [Part 3: “Young Bar” in the Socio-Political and Cultural Life of Late Imperial Russia and the Russian Diaspora], Saratov University Press, Saratov, Russia.
- Zubkov, I.V. (2011), “All-Russian Union of Teachers and Figures in people’s Education (1905–1908)”, in Tumanova, A.S. (ed.), *Samoorganizatsiya rossijskoj obshchestvennosti v poslednej treti XVIII – nachale XX v.* [Self-organization of the Russian public in the last third of the XVIII – early XX centuries], ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 679–690.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михаил А. Овчинников, студент магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; mikle.ovchinnikov.2002@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail A. Ovchinnikov, master’s student Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; mikle.ovchinnikov.2002@mail.ru

ИСКУССТВО И ФОТОГРАФИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

УДК 77.04 + 070 + 94(47)“1801/1917”

Фоторепортаж в Российской империи
конца XIX – начала XX вв.:
становление жанра и практика публикации

Наталья Д. Кохович

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, natkokb04@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена становлению и развитию жанра фоторепортажа в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. Автор рассматривает различные предпосылки появления репортажной фотографии в русских периодических изданиях, уделяя внимание таким явлениям второй половины XIX в., как западноевропейские фотографические новшества (желатиносеребряный процесс, моментальная съемка) и их восприятие в среде отечественных профессиональных фотографов, новые тенденции в живописи, в частности, реализм, который повлиял на отказ фотографов от постановочной студийной фотографии в пользу документальной фиксации повседневной жизни горожан и крестьян, уличных событий и социальных проблем. Автор исследует творчество фотографа М.П. Дмитриева, чья серия снимков «Неурожайный 1891–92 год в Нижегородской губернии» положила начало социально ориентированной репортажной съемке. Кроме того, проводится анализ деятельности К. Буллы и других фотографов, сотрудничавших с иллюстрированными журналами, где публиковались снимки парадов, катастроф, повседневной жизни разных сословий. Автор приходит к выводу, что к началу XX в. фоторепортаж оформился как самостоятельный жанр, который не только визуализировал актуальные события, но и заложил основы фотографии как инструмента формирования исторической памяти.

© Кохович Н.Д., 2026

Ключевые слова: репортажная фотография, мгновенные снимки, дореволюционная фотография, иллюстрированные журналы, фотографические выставки.

Для цитирования: Кохович Н.Д. Фоторепортаж в Российской империи конца XIX – начала XX вв.: становление жанра и практика публикации // Молодой историк. 2026. № 2(6). С. 75–85.

Photo report in the Russian Empire
in the late XIX – early XX centuries:
the emergence of genre and publication practice

Natalya D. Kokhovich
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, natkokh04@yandex.ru

Abstract. The article focuses on the formation and development of the photojournalism genre in the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries. The author examines various prerequisites for the emergence of reportage photography in Russian periodicals, focusing on such phenomena of the second half of the XIX century as Western European photographic innovations (gelatin silver process, instant photography) and their perception among Russian professional photographers, as well as new trends in painting, particularly realism, which influenced the decision of the photographers to shift away from staged studio photography in favor of documenting the daily lives of urban and rural residents, street events, and social issues. The author explores the creative output of M.P. Dmitriev, the photographer whose series of photographs "The year of famine 1891–92 in Nizhny Novgorod region" marked the beginning of socially oriented reportage photography. The article also analyzes the work of K. Bulla and other photographers who collaborated with illustrated magazines that published photographs of parades, disasters and everyday life of different social classes. The author concludes that by the beginning of the XX century, photojournalism had become an independent genre that not only visualized current events, but also laid the foundation for photography as a tool for shaping historical memory.

Keywords: photo report, instant photography, prerevolutionary photography, illustrated journals, photographic exhibitions.

For citation: Kokhovich, N.D. (2026), “Photo report in the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries: the emergence of genre and publication practice”, *Young Historian*, no. 2, pp. 75–85.

Фотография, появившаяся в России в 1839 г., к началу XX в. получила всестороннее распространение в различных сферах общественной жизни: научной, коммерческой, судебно-правовой, военной, промышленной, а также признавалась отдельным видом искусства. Фотография служила способом сохранения семейной памяти путем создания снимков в фотоателье и последующего хранения их в альбомах.

Одной из таких областей использования фотографии стал репортаж, зародившийся в 1890–х гг. Ему предшествовали технические усовершенствования в области фотоаппаратостроения в конце 1870 – начале 1880-х гг.: они способствовали облегчению проведения съемок на открытом воздухе. В третьей четверти XIX в. в странах Западной Европы был открыт желатиносеребряный процесс, благодаря которому произошло удешевление материалов и аппаратуры; более того, фотографу не нужно было проявлять фотографии сразу же после создания снимка при работе вне студии. Кроме того, существенно расширился круг сюжетов для фотофиксации [Логинов 2016, с. 68, 124].

В 1860–1870–х гг. происходило зарождение школы реализма в русском искусстве. Реалистические тенденции в живописи предполагали изображение разнообразных сцен городской и сельской жизни простых людей, уличных событий и происшествий. Художники-реалисты стремились привнести повседневность в творчество и отказаться от идеализации жизненных событий [Ховхун 2021, с. 191]. Фотографы обращались к новейшим тенденциям в изобразительном искусстве, перенимая методы работы художников.

В специализированных фотографических журналах, число которых возросло с 1870–х гг., публиковались заметки о

зарубежных новинках в области создания фотографий в различных техниках: например, в журнале «Фотограф» был специальный раздел «Библиография», в котором регулярно приводились обзоры предлагаемых методов европейских, американских коллег-фотографов. В начале 1880–х гг. в этом журнале размещались сведения о достижениях моментальной фотографии за рубежом – новаторские фотографии Э. Мейбриджа «Салли Гарднер в галопе» и его подражателей были оценены редакцией¹. В дальнейших номерах читатели могли ознакомиться с советами по созданию моментальных фотографий².

Первым социальным фотографом-репортером в России считают Максима Петровича Дмитриева. Он получил золотую медаль на Парижской всемирной фотографической выставке в 1892 г. за работу репортажного жанра, снятую двумя годами ранее, «Арестанты на строительных работах» [Громенко 2007, с. 75], однако внутри российского общества фотографов-любителей, сторонников выраженного художественного элемента в фотографии, произошла обратная реакция на фотографию М.П. Дмитриева. Так, граф И.Г. Ностиц написал в журнале: «Меня удивляет, для чего он послал во Францию светопись [произведения фотографии], изображавшую арестантов на постройке... Удивляюсь, как г. Дмитриев не избрал другого сюжета. Не доставало ему ... выставить ссыльнокаторжных на пути в Сибирь. Теперь, увы, на Руси тоже преобладает реальная школа»³. Затем автор заметки подчеркнул схожесть сюжета фотографии М.П. Дмитриева с тематикой полотен художника-реалиста Г. Курбе⁴. Причиной такой оценки послужила смена фотографом жанра и, соответственно, содержания снимков: использование художественных приемов сменилось на обращение к документализму. Однако тема повседневности заключенных заинтересовала других фотографов (А.А. Кузнецов, Л.П. фон Берхгольц), обратившихся к съемке жизни ссыльных Нерчинской каторги и Уфимской тюрьмы [Бархатова 2009, с. 252].

¹ Фотограф. 1882. Т. 3. № 3. С. 84.

² Фотограф. 1883. Т. 4. № 8. С. 202.

³ Ностиц Г. Письмо из Парижа // Фотограф-любитель. 1892. № 9. С. 342.

⁴ Там же. С. 343.

Другая работа М.П. Дмитриева, альбом «Неурожайный 1891–92 год в Нижегородской губернии», посвящена последствиям голода в Поволжье в начале 1890–х гг. Снимки фотографа отличались документальным, натуралистичным и выраженным репортажным характером, обусловленным целью создания альбома. Автор в предисловии определял его содержание так: «Фотографии с натуры; наглядные картины пострадавшего населения губернии и главным образом способов помощи ему оказанной правительством и частными людьми». М.П. Дмитриев создавал снимки по поручению Нижегородского благотворительного комитета и губернской продовольственной комиссии⁵. Фотографии были привлечены к оказанию помощи голодающим [Бархатова 2009, с. 253]. Снимки публиковались в марксистском литературно-политическом журнале «Жизнь» в 1899 г. на фоне актуализации проблемы голода и неурожая в отдельных регионах империи⁶.

Фотоальбом «Неурожайный 1891–92 год...» оценил критик Владимир Васильевич Стасов: он обратил внимание на исключительность сюжета, выбранного автором [Колябин 1996, с. 19], охарактеризовал фотографии «нижегородского голода» как «исторические факты»⁷. В «Фотографическом ежегоднике» отметили актуальность темы отображения исторических событий в снимках: «Изображение таких исторических моментов почему-то не послужило темою ни для одной из картин на бывших в последнее время выставках...»⁸.

Таким образом, опыт М.П. Дмитриева стал образцом в области создания социально ориентированных репортажных фотографий и привлек внимание общественности к публикации снимков подобного жанра.

В 1890–х гг. усовершенствовалась техника моментальной съемки портативными камерами и тиражирования черно-белых фотоотпечатков, что положило начало использованию

⁵ Дмитриев М.П. Неурожайный 1891–1892 год в Нижегородской губернии. Нижний Новгород, 1893.

⁶ Жизнь. 1899. Т. 6. С. 37, 129; Жизнь. 1899. Т. 7. С. 1, 249.

⁷ ИРЛИ РАН. Ф. 294. Оп. 1. № 137.

⁸ Фотографический ежегодник. 1894. С. 267.

фотографий в иллюстрированной прессе [Ньюмейер 2007, с. 46]. Снимки стали помещаться в журналы «Всемирная иллюстрация», «Нива», «Живописное обозрение» без перерисовок [Бархатова 2009, с. 279].

В начале XX в. отмечен рост разнообразия ассортимента импортной фотографической продукции, в том числе различной ценовой категории и доступного формата⁹, что позволяло большему количеству людей приобретать фотоаппарат и запечатлеть окружающую повседневность.

Журнал «Огонек» в 1909 г. разместил объявление о приглашении фотографов-любителей и профессионалов столицы и провинции присылать в редакцию «снимки с событий, являющихся местной злобой дня, каковы: катастрофы, торжества, освящения, маневры, съезды, выдающиеся заседания общественных учреждений, юбилеи, портреты крупнейших деятелей, “героев дня”» за гонорар. При этом уточнялось, что снимки должны представлять общественный интерес, быть удобными для воспроизведения, иметь пояснения к фотографиям¹⁰. Так, фотолюбители участвовали в создании информационных поводов и выстраивали визуальный образ происходящих событий. В свою очередь, редакция могла отклонить предлагаемые фотографии по своему усмотрению: средства печати проходили цензуру.

На рубеже веков в качестве экспонатов на фотографических выставках стало появляться все больше т.н. «мгновенных снимков», сделанных дома, на театральных спектаклях, похоронах, — преимущественно любителями. В их число входили работы придворного фотографа А.К. Ягельского и его партнера В.И. Заельской, запечатлевшие сцены досуга членов императорской семьи и представленные на фотографической

⁹ См.: Краткий иллюстрированный прейскурант склада фотографических принадлежностей Рихард Якоб. М., 1904; Прейскурант фотографических принадлежностей Карл Зейб. М., 1902.

¹⁰ Огонек. 1909. № 51. С. 25.

выставке 1898 г.¹¹ Так, V отдел Императорского русского технического общества, не отстававший от актуальных практик фотолюбителей, учредил в 1899 г. специальный конкурс на «моментальные снимки групп в движении или сцен из жизни»¹². Таким образом, в 1890–е гг. происходит популяризация особого жанра «мгновенной фотографии». Ее созданием занимался фотограф Карл Булла.

С 1892 г. он один из первых начал фотографировать в Санкт-Петербурге для журналов «Петербургская жизнь», «Нива», «Огонек», «Искры», «Столица и усадьба» [Рыхлякова 2017, с. 13–14]. Фотографии получались качественными и регулярно публиковались в иллюстрированной прессе. Петербургские новостные издания с репортажными фотографиями или перерисовками с них составляли приблизительно 3,18 % от общего количества периодических изданий на 1915 г. [Феклистова 2025, с. 146] (тем не менее, например, журнал «Нива» с 1880-х гг. имел самый большой тираж в русской периодике) [Жирков 2015, с. 116].

В мирное время издатели публиковали фотографии различных авторов, запечатлевавших события светской хроники: парады¹³, крестные ходы¹⁴, торжественные приемы, в том числе дипломатические встречи¹⁵, благотворительные мероприятия¹⁶, годовщины и юбилеи общественных организаций¹⁷, похороны известных людей¹⁸. В качестве ознакомления широкой публике демонстрировали аспекты рабочей деятельности представителей различных профессий¹⁹. Немногочисленные публикации

¹¹ Указатель Пятой фотографической выставки, устроенной пятым отделом Императорского русского технического общества в Санкт-Петербурге. СПб., 1898. С. 48.

¹² Фотографическое обозрение. 1899. № 7. С. 271.

¹³ Торжественное празднование 300-летия царствования дома Романовых // Нива. 1913. № 10. С. 10–11.

¹⁴ Их императорские величества следуют в крестном ходе в день освящения храма Воскресения Христова // Огонек. 1907. № 18. С. 4.

¹⁵ Свидание монархов в Балтийском порту // Огонек. 1912. № 27. С. 11.

¹⁶ Праздник «белого цветка» 20 апреля в Петербурге // Нива. 1911. № 18. С. 348.

¹⁷ 30-летие Томского пожарного общества // Огонек. 1912. № 30. С. 17.

¹⁸ Похороны В.Ф. Комиссаржевской в Санкт-Петербурге 20-го февраля // Огонек. 1910. № 9. С. 3.

¹⁹ Русские кустари-ювелиры // Огонек. 1913. № 14. С. 11.

посвящены досугу государственных служащих²⁰, их работе и образу жизни²¹. На страницах журналов встречались и снимки, изображавшие место уже случившегося происшествия: например, прииски Ленского золотопромышленного товарищества в Иркутской губернии после событий «Ленского расстрела»²², ограбленное почтовое отделение в Санкт-Петербурге²³, последствия стихийных катаклизмов²⁴.

Стилистика репортажных снимков неоднородна: часть фотографий создана с опорой на художественные каноны (групповые портреты, характерные ракурсы, присутствие постановочных элементов), тогда как другие кадры характеризуются оригинальным способом фиксации действительности (применение близкого ракурса, запечатление текущего момента).

Одним из популярных типов фоторепортажной съемки стал групповой портрет: заимствованный из практики студийной фотографии, он позволял документировать не только ход события (иногда репортеру не удавалось этого сделать ввиду ряда причин, например, закрытого характера собрания), но сам факт его свершения, продемонстрировав состав его участников, причастных к проведенному мероприятию. Групповой фотопортрет применялся в качестве фиксации памятного события в определенном коллективе, например, среди госслужащих²⁵; подобные снимки часто встречались в памятных альбомах²⁶.

Таким образом, фоторепортаж в Российской империи конца XIX – начала XX вв. сформировался как самостоятельный жанр благодаря техническим инновациям и влиянию школы реализма в живописи, достижениям зарубежной фотографии. Публикация репортажных фотографий в иллюстрированных

²⁰ Наши депутаты, члены 4-й Государственной Думы, на летнем отдыхе // Огонек. 1913. № 36. С. 1.

²¹ Как живет и работает морской министр, генерал-адъютант, адмирал В.И. Григорович // Огонек. 1913. № 14. С. 3.

²² Трагедия на Лене // Огонек. 1912. № 16. С. 12-15.

²³ Ограбленное 23-го мая 34-е почтовое отделение... // Огонек. 1907. № 12. С. 8.

²⁴ К катастрофе на Неве // Огонек. 1907. № 10. С. 5.

²⁵ К 25-летию государственной службы С.Е. Виссарионова, и.о. председателя Петроградского комитета по делам печати // Нива. 1915. № 1. С. 19.

²⁶ ЦГАКФФД СПб. Фотоальбом П. 364. Сн. 5.

журналах способствовала визуализации событий общественной жизни – от торжеств и катастроф до быта и отдыха представителей разных сословий. Опыт первых русских фоторепортеров заложил основы для последующей трансформации фотографии в инструмент формирования визуальной исторической памяти.

ЛИТЕРАТУРА

- Бархатова 2009 – *Бархатова Е.В.* Русская светопись. Первый век фотоискусства. 1839–1914. СПб.: Альянс, 2009. 399 с.
- Громенко 2007 – *Громенко Е.Н.* Максим Петрович Дмитриев (1858–1948 гг.): биографический очерк // Историческое обозрение. 2007. № 8. С. 72–78.
- Жирков 2015 – *Жирков Г.В.* Журналистика России: от золотого века до трагедии, 1900–1918 гг. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2015. 381 с.
- Колябин 1996 – *Колябин В.В.* В фокусе времени. Дмитриев М.П. Нижний Новгород: Арника, 1996. 304 с.
- Логинов 2016 – *Логинов А.* Искусство реальности. Фотография рубежа XIX–XX веков. М.: PhotoHelpers, 2016. 280 с.
- Ньюмейер 2007 – *Ньюмейер Д.* Фотография в России // Купеческая Москва: образы ушедшей российской буржуазии. М.: РОССПЭН, 2007. С. 42–48.
- Рыхлякова 2017 – *Рыхлякова Т.Н.* Буллы. Семья петербургских фотографов. СПб.: б.и., 2017. 320 с.
- Феклистова 2025 – *Феклистова С.Р.* Массовая печать и массовое чтение в Санкт-Петербурге, 1907–1917 гг. // Клио. 2025. № 5. С. 145–149.
- Ховхун 2021 – *Ховхун Е.В.* Русская реалистическая школа живописи как культурное наследие: аспекты региональных исследований // Культура, философия, политика в социальном опыте 20–21 столетия: сборник материалов IX Симпозиума молодых ученых. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2021. С. 190–194.

REFERENCES

- Barkhatova, E.V. (2009), *Russkaya svetopis'. Pervyy vek fotoiskusstva. 1839–1914* [Russian Light Painting. The First Century of Photography, 1839–1914], Alyans, St. Petersburg, Russia.
- Feklistova, S.R. (2025), “Mass Press and Mass Reading in St. Petersburg, 1907–1917”, *Klio*, no. 5, pp. 145–149.
- Gromenko, E.N. (2007), “Maxim Petrovich Dmitriev (1858–1948): A Biographical Sketch”, *Historical Review*, no. 8, pp. 72–78.
- Khovkhun, E.V. (2021), *Russkaya realistscheskaya shkola zhivopisi kak kul'turnoye nasledie : aspekty regional'nykh issledovaniy* [The Russian Realist School of Painting as Cultural Heritage: Aspects of Regional Research], in *Culture, Philosophy, Politics in the Social Experience of the 20th–21st Centuries: Proceedings of the 9th Symposium of Young Scientists*, Belgorod, Belgorod State National Research University, pp. 190–194.
- Kolyabin, V.V. (1996), *V fokuse vremeni. Dmitriyev M.P.* [In Focus of Time. Dmitriev M.P.], Arnika, Nizhny Novgorod, Russia.
- Loginov, A. (2016), *Iskusstvo real'nosti. Fotografiya rubezha XIX–XX vekov* [The Art of Reality. Photography at the Turn of the 19th–20th Centuries], PhotoHelpers, Moscow, Russia.
- Newmeyer, D. (2007), *Fotografiya v Rossii* [Photography in Russia], in *Merchant Moscow: Images of the Lost Russian Bourgeoisie*, Moscow, ROSSPEN, Russia, pp. 42–48.
- Rykhlyakova, T.N. (2017), *Bully. Sem'ya peterburgskikh fotografov* [The Bulla Family. A Family of St. Petersburg Photographers], St. Petersburg, Russia.
- Zhirkov, G.V. (2015), *Zhurnalistika Rossii: ot zolotogo veka do tragedii, 1900–1918 gg.* [Journalism in Russia. From the Golden Age to Tragedy, 1900–1918], Udmurt State University, Izhevsk, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Наталья Д. Кохович, студентка бакалавриата, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; natkokh04@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya D. Kokhovich, bachelor student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; natkokh04@yandex.ru

Н.М. Тарабукин и производственное искусство в историко-культурном контексте 1920-х гг.

Софья В. Буслаева

*Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства»,
Москва, Россия, s.v.buslaeva@mail.ru*

Аннотация. В 1920-е гг. в советском искусстве эстетические ориентиры прошлого постепенно объявлялись устаревшими, а на смену им выдвигались идеи утилитарности, массовости и практической полезности. Искусство включалось в производственные процессы. Одним из наиболее важных в этой связи стало производственное искусство – концепция, содержащая в себе идею провозглашения необходимости «служения» художника задачам механизации и производства. «Производственничество» привлекло внимание многих деятелей культуры и искусства, среди которых были не только искусствоведы, литературные критики, театроведы, поэты, но и художники. Сторонников производственного искусства объединяло стремление переосмыслить роль художника, а также обозначить новые задачи искусства в условиях социально-экономических преобразований. Одним из наиболее важных авторов «производственничества» был Н.М. Тарабукин, считавший, что преодоление кризиса искусства заключалось в смене классических форм искусства на бытовые и утилитарно-значимые.

Ключевые слова: производственное искусство, «производственничество», советский авангард, конструктивизм, Николай Михайлович Тарабукин

Для цитирования: Буслаева С.В. Н.М. Тарабукин и производственное искусство в историко-культурном контексте 1920-х гг. // Молодой историк. 2026. № 2(6). С. 86-96.

© Буслаева С.В., 2026

N.M. Tarabukin and production art
in the historical and cultural context of the 1920s

Sofya V. Buslaeva
*All-Russian Decorative Art Museum,
Moscow, Russia, s.v.buslaeva@mail.ru*

Abstract. In the 1920s, aesthetic landmarks of the past were gradually declared obsolete in Soviet art, and ideas of utilitarianism, mass character, and practical usefulness were put forward to replace them. Art was included in the production processes. One of the most important in this regard was “production art”, a concept that contains the idea of proclaiming the need for the artist to “serve” the tasks of mechanization and production. “Production art” attracted the attention of many cultural and artistic figures, including not only art historians, literary critics, theater critics, poets, but also artists. Supporters of industrial art were united by the desire to both reevaluate the role of the artist and to identify new tasks of art in the context of socio-economic transformations. One of the most important authors of “productionism” was N.M. Tarabukin, who believed that overcoming the crisis of art required changing classical art forms from classical to everyday and utilitarianly significant ones.

Keywords: “production art”, “productionism”, Soviet avant-garde, constructivism, Nikolai Mikhailovich Tarabukin

For citation: Buslaeva, S.V. (2026), “N.M. Tarabukin and production art in the historical and cultural context of the 1920s”, *Young Historian*, no. 2(6), pp. 86-96.

Введение

Период 1920-х гг. в отечественной истории ознаменовался бурными переменами, захватившими и сферу искусства, и художественного образования. Привычно ассоциируемый с советским авангардом, этот временной промежуток содержал в себе различные тенденции, явления и формы, предоставляя многим деятелям культуры широкое пространство для творческой реализации.

Одним из влиятельных художественных течений в 1920-е гг. было производственное искусство, стремившееся к сближению художественных практик с промышленным производством. По определению А.И. Мазаева, это – «концепция 20-х годов – так называемого “производственного искусства”, или “производственничества”, если пользоваться установившейся в нашей критике терминологией» [Мазаев 1975, с. 5–6]. Производственники мыслили искусство как производство материальных вещей, формирующих жизнь, выстраивая теорию по принципу «не... а» (не скульптура – а мебель, не картина – а материальная вещь и т.п.). Тем самым производственники подчеркивали утилитарный характер данной концепции, ориентированный не на эстетические положения, а на социально-бытовые факторы.

«Производственничество» явилось весьма распространенным направлением и привлекло внимание деятелей культуры и искусства, среди которых были: А.А. Богданов, Б.И. Арватов, В.Ф. Плетнев, Н.Ф. Чужак, Н.М. Тарабукин, Д.Е. Аркин, А.К. Гастев, А.М. Ган и др.

Производственное искусство зародилось в художественной среде ранней Советской России, стоявшее в одном ряду с теориями ОПОЯЗа и вульгарной социологией. Сторонники производственного искусства исключали пригодность и актуальность традиционных видов и форм художественного выражения, стремясь найти новое содержание искусства революционной эпохи: «Пафос “производственников” состоял в том, чтобы освободить художественную культуру от всего того, что нельзя ощупать руками, что не исчерпывается своим материально-предметным выражением» [Мазаев 1975, с. 36–37].

Пolemика Н.М. Тарабукина и Б.И. Арватова: социальный вопрос «физиса искусства»

В вопросе изучения производственного искусства нельзя обойти стороной фундаментальный труд Н.М. Тарабукина «От мольберта к машине», вышедший в печать в 1923 г. В эссеистическом стиле повествования автор обозначает основные причины кризиса «чистого искусства» к 1920-м гг., рассматривая их

с точки зрения форм изобразительности недавнего прошлого и социального аспекта, а также проводит анализ пути искусства от «чистой» формы к производственной.

В 1920-е гг., по мнению Н.М. Тарабукина, обострились отношения между искусством дореволюционного периода и восприятием этого искусства обществом. Последнее, в свою очередь, было уже не готово воспринять прошлые формы изобразительности по причине развивавшихся идей бесклассовости и бессловности. В этой связи Тарабукин уделял немало внимания рассмотрению проблемы «кризиса чистого искусства» с социальной стороны, отмечая: «“Картина”, как типическая форма зрительного искусства, утрачивает свой смысл и как явление социального порядка»¹.

Для производственников идея «жизнестроительства» заключала тезис о том, что техническая революция не только создала новые формы искусства (например, кинематограф, фотографию и т.д.), но и предполагала иную функцию искусства в социальном аспекте. Именно социальный фактор в размышлениях Тарабукина становится поводом для критики со стороны другого не менее важного для «производственничества» автора – Б.И. Арватова, в одном из номеров журнала «ЛЕФ».

Б.И. Арватов, как В.Ф. Плетнев, Н.М. Тарабукин, О.М. Брик придерживался идеи всецелого отрицания буржуазного искусства. В работе «Искусство и классы» Арватов пишет: «Пролетарское искусство только в том случае станет классово-самостоятельным, когда оно отбросит все штампованные образцы»².

Арватов считал, что к 1920-м гг. в художественной среде выработывалась новая идеология: «Художники стали себя чувствовать строителями, инженерами, работающими не по вдохновению, а на основе тщательного изучения материалов, элементов своей специальности <...> Художника начали интересоваться поверхность картины, материалы (полотно, краски, ее качества и т.д.), он стал своего рода техник, производственником...»³. Арватов пишет о том, что художники

¹ Тарабукин Н.М. От мольберта к машине. М., 1923. С. 15.

² Арватов Б.И. Искусство и классы. М.–Пг., 1923. С. 86.

³ Там же. С. 82–83.

стали воспринимать картинку не как плоскость для иллюзорной передачи изображаемого, а в качестве навыков конструирования «вещи».

В своем эссе Тарабукин пишет, что исчезновение буржуазии как класса непосредственным образом повлияет на существование искусства как такового, отмечая, что «буржуазия по существу чужда искусству»⁴. В развитие этой мысли Арватов, будучи к тому времени важной фигурой в формировании редакционной политики журнала, предложил критическую ремарку: «Сказать так о классе, прошедшем целые исторически этапы и руководившем многие столетия общественным строительством, значит ничего не понимать ни в социологии вообще, ни в гигантской социально-организующей роли искусства, в частности»⁵. Расхождение Арватова и Тарабукина заключается в том, что последний выдвинул идею отчуждения искусства социальным классом, тогда как Арватов, следуя за идеями Вальтера Беньямина, считал, что эстетическая система отражает запрос определенного класса [Былина 2020, с. 119–135].

Тарабукин немало внимания уделил проблеме социальной функции художников и художественного мастерства в производстве. Автор пишет: «Понятие художник становится синонимом понятия мастер <...> каждый работающий, какие бы формы ни принимала его деятельность... превращается из рабочего-ремесленника в мастер-творца»⁶.

Таким образом, Тарабукин относил каждого мастера вне зависимости от его специализации к художнику и творцу своего дела, подчеркивая, что осуществить такой переход возможно путем введения искусства в труд. Тарабукин пишет: «...не значит, что художник в старом значении этого слова, писавший до сих пор перед мольбертом “картины”, должен взяться за выделку сапог или пойти на ткацкую фабрику, а это значит, что сапожник, никогда не занимавшийся живописью и не имеющий к тому поползновения,

⁴ Там же. С. 36.

⁵ Арватов Б.И. Тарабукин Н. От мольберта к машине. Москва. 1923. [Рецензия] // ЛЕФ: Журнал Левого фронта искусств. 1923. № 4. С. 210.

⁶ Тарабукин Н.М. От мольберта к машине... С. 21.

делал бы мастерские сапоги, был бы художником в своем сапожном ремесле»⁷.

Данный пассаж также фигурирует в критической статье Арватова. Он отмечал, что предложенный Тарабукиным вариант невозможен, характеризуя его так, что это выглядело бы «бессмысленной растратой энергии и породило бы только хаос»⁸.

От «кризиса искусства» к «производственному искусству»

В «От мольберта к машине» автор отмечает, что современные формы «левого» искусства зашли в безвыходный тупик. Критике со стороны Тарабукина подверглись: импрессионисты в стремлении создать с помощью цветовых отношений иллюзию воздуха; футуристы с желанием достичь кинетики и динамики; супрематисты в упрощении форм с опорой на геометрию; фактуристы-беспредметники, проводящие множество, по выражению автора, бесполезных экспериментов. Ранние конструктивисты критиковались в отношении нецелесообразного подражания техническим конструкциям, не имеющим утилитарного свойства. В завершении автор обрушился с критикой на художников, работающих с материалом исключительно ради самого материала, потому что идея такого «нового» творчества исключает «эстетику» как таковую⁹.

Метафорической границей между «старым» и «новым» искусством становится не отрицание эстетики левыми художниками и конструктивистами, а предметность или беспредметность изобразительности. Последняя же, как отмечает Тарабукин на примере произведения А.М. Родченко из триптиха «Чистый красный цвет», представленного на выставке «5x5=25» 1921 г., неизменно остается частью живописи: «Этот же пример с полотном Родченко убеждает нас в том, что живопись была и остается изобразительным искусством»¹⁰. Таким образом, работа Родченко стала для Тарабукина последней точкой в развитии

⁷ Там же. С. 22.

⁸ Арватов Б. Тарабукин Н. От мольберта к машине. М., 1923. [Рецензия]... С. 210.

⁹ Тарабукин Н.М. От мольберта к машине... С. 10.

¹⁰ Тарабукин Н.М. От мольберта к машине... С. 12.

живописи; после данной работы «...речь живописца должна умолкнуть»¹¹.

Наряду с этим автор подвергает критике не только неактуальность предшествующих произведений, но и современные конструкции мастеров. Стремление левых художников уйти в беспредметность и работу над «чистой» формой поставило творчество в содержательный тупик. Переход художников от живописных форм к конструированию материальных вещей ознаменовал выход из плоскости. Однако, как пишет Тарабукин, стремление современных мастеров отречься от эстетической стороны произведения нередко приводит к потере смысла и содержания работы¹².

Очевидно, Тарабукин противоречил сам себе. С одной стороны, живопись, лишаясь изобразительности, теряет внутренний смысл, с другой – лабораторная работа над чистой формой конструкции замыкает искусство, останавливая прогресс. Автор намеренно выстраивает «тупик» для станковизма с целью найти единственный выход для художников – отказ от классических форм выражения [Сидорина 2012, с. 146].

Выходом из кризиса, по утверждению Тарабукина, становится производственное мастерство¹³. Е.В. Сидорина – исследователь конструктивизма, терминологическое предпочтение Тарабукина объясняет следующим образом: «В отличие от других “производственников”, Н. Тарабукин счел целесообразным не пользоваться понятием “производственное искусство”, учел мнение тех, кто считал, что не следует термин искусство использовать в определении феномена, далекого от сложившегося понимания искусства <...> Понятие “производственное искусство” Тарабукин заменил понятием “производственное мастерство”» [Сидорина 2012, с. 144].

Тарабукин утверждает, что в содержательной части производственного мастерства лежат три основополагающих понятия: утилитаризм, целесообразность и «тектонизм» вещи. Понятия определяют не только форму и конструкцию, то есть

¹¹ Там же. С. 10–12.

¹² Там же. С. 8–10.

¹³ Тарабукиным упоминается именно «мастерство», а не «искусство».

внешнее содержание художественно-промышленной вещи, но и обозначают ее социальное назначение и функцию¹⁴.

Переход к производственному мастерству вовсе не наивен. Проблема данного перехода кроется, по мнению ряда производственников, в «прикладничестве»¹⁵, то есть в прикладном характере перехода искусства от станковых форм к производственным. В этой связи стоит обратиться к примеру из эссе Тарабукина: «...ситец расписывается вместо традиционных “цветиков” и “горошков” “супрематическими плоскостями”, и живопись вместо того, чтобы увеличивать количество музейных экспонатов, находит себе жизненное применение. Но такое решение проблемы отдает старой, заскорузлой тенденцией “прикладничества” <...> Если “картина”, как эстетическая концепция в современных условиях культуры потеряла свой жизненный смысл, то она таковой не приобретет, будучи переведена на фарфоровую тарелку или ситец»¹⁶.

Подобный пример можно обнаружить и у О.М. Брика в статье «От картины к ситцу» в 1924 г. в «ЛЕФе»: «Почему выделывание натюрморта “основнее” выделывания ситца?». Однако, как справедливо отметил И.М. Чубаров, прямое сравнение двух составляющих не совсем корректно; в первую очередь речь идет о перенесении форм искусства на материальный носитель – то есть утилитарный предмет [Чубаров 2009]. Стоит отметить, что производственники рассматривали художников как специалистов внутри производственных отношений. Н.М. Тарабукин считал, что производственное мастерство создается именно у машин, и деятелями его являются художники-инженеры и художники-рабочие в самом широком смысле этого слова¹⁷.

Производственники видели предназначение искусства в объединении с бытовой жизнью. Однако для создания такой среды требовалось воспитать определенный тип художника, который смог бы тесно сотрудничать с промышленностью. Художник-инженер должен создавать вещь, которая

¹⁴ Тарабукин Н.М. От мольберта к машине... С. 18.

¹⁵ Там же. С. 20.

¹⁶ Там же. С. 20–21.

¹⁷ Тарабукин Н.М. От мольберта к машине... С. 18.

соответствовала бы канонам современности: утилитарная, социально-полезная и пригодная для быта.

Между тем влияние идей «производственничества» не ограничивалось лишь идейно-теоретическим содержанием, а имело точку практического приложения в области художественного образования. Воплощение ранних идей производственного искусства началось с открытия в 1920 г. принципиально нового типа высшего учебного заведения – Высших художественно-технических мастерских (Вхутемаса).

Еще раньше, в 1918 г., по постановлению Наркомпроса Строгановское художественно-промышленное училище и Училище живописи, ваяния и зодчества были преобразованы в Первые и Вторые Свободные государственные художественные мастерские. Организация высшего образования требовала реформирования и создания новых факультетов и направлений. На производственных факультетах Вхутемаса преподавали сторонники производственного искусства, которые в определенном смысле должны были также привлекать студентов на факультет. Однако стоит отметить, что взгляды теоретиков-производственников в образовательном вопросе виделись как полифонизм, которому был присущ общий проблемный вопрос и неизбежно противоречащие друг другу пути его разрешения.

Заключение

Реализация концепции «производственничества» была неразрывно связана с процессами индустриализации. «Совершенно необходимо вывести производство из состояния застоя, в котором оно находится, а для этого поначалу допустимо использование элементов художественности»¹⁸. Н.М. Тарабукин понимал, что современное состояние промышленности ставит концепцию производственного искусства в положение «желаемого», нежели «реального», принимая в основном форму лабораторных экспериментов.

Основная проблема реализации идей производственного искусства, помимо ее сугубо утопического характера, заключалась в

¹⁸ Тарабукин Н.М. От мольберта к машине... С. 18.

том, что многие из теоретиков данного направления не имели никакого специального художественного образования – будучи критиками, искусствоведами, они не владели художественно-техническими навыками, которые всячески декламировали в своих идеях.

Несмотря на разностороннее видение искусства будущего, производственники были едины в отказе от восприятия искусства как индивидуального эстетического выражения. Они стремились как преобразовать повседневность, так и заложить основы для новой художественной культуры, в которой эстетика могла бы находиться в области индустриального производства.

ЛИТЕРАТУРА

- Былина 2020 – *Былина Е.* Революционизируя технику письма, искусства и медиа. Эстетические теории Вальтера Беньямина и Бориса Арватова // *Неприкосновенный запас*. 2020. № 1. С. 119–135.
- Мазаев 1975 – *Мазаев А.И.* Концепция «производственного искусства» 20-х гг. М.: Наука, 1975. 270 с.
- Сидорина 2012 – *Сидорина Е.В.* Конструктивизм без берегов. М.: Прогресс-Традиция, 2012. 656 с.
- Чубаров 2009 – *Чубаров И.М.* Продукционизм: искусство революции или дизайн для пролетариата // *Что делать*. 2009. № 01–25. URL: <https://clck.ru/3PK8Fv> (дата обращения: 05.02.2026).

REFERENCES

- Bylina, E. (2020), “Revolutionizing the technique of writing, art and media. Aesthetic theories of Walter Benjamin and Boris Arvatov”, *Неприкосновенный запас*, no. 1, pp. 119–135.
- Chubarov, I.M. (2009) *Produktsionizm: iskusstvo revoliutsii ili dizain dlia proletariata* [Productionism: the art of revolution or design for the proletariat], available at: <https://clck.ru/3PK8Fv> (Accessed 02 February 2026).
- Mazaev, A.I. (1975), *Koncepcija “proizvodstvennogo iskusstva” 20-h godov: istoriko-kriticheskie ocherki* [The concept of “industrial art” of the 1920s: historical and critical essays], Nauka, Moscow, Russia.

Sidorina, E.V. (1995), *Russkii konstruktivizm. Idei. Istoki. Praktika* [Russian constructivism. Ideas. Origins. Practice], Progress-Tradition, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Софья В. Буслева, Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства», Москва, Россия; 127473, Россия, Москва, ул. Десятская, д. 3, стр. 1; s.v.buslaeva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sofya V. Buslaeva, All-Russian Decorative Art Museum, Moscow, Russia; bld. 3 Delegatskaya, Moscow, Russia, 127473; s.v.buslaeva@mail.ru

УДК 94(47)“1917/1991” + 316.728

Визуальные репрезентации моды и культуры потребления
в СССР 1920–1930-х гг. на примере произведений
М.А. Булгакова: «Зойкина квартира» и «Мастер и Маргарита»

Дарья С. Вельмушкина

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dashavelm@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению визуальных образов одежды и представлений о моде в советской городской повседневности 1920–1930-х гг. на материале пьесы М.А. Булгакова «Зойкина квартира» и романа «Мастер и Маргарита». Художественные произведения рассматриваются как источник для исследования повседневных практик и культуры потребления в период перехода от эпохи НЭПа к сталинскому времени. Особое внимание уделяется костюму как элементу материальной среды повседневности, отражающему социальные различия, представления о престижности и формы самоидентификации в городской среде. Детали пьесы «Зойкина квартира» позволяют проследить, что демонстрация парижских нарядов и мотив переодевания соотносятся с представлениями о социальной мобильности и стремлением персонажей к иной модели жизни. Одежда выступает маркером статуса и одновременно указывает на ориентацию на западные образцы моды. В романе «Мастер и Маргарита» детали костюма и аксессуары также играют значимую роль в характеристике городской среды, позволяя обозначить социальное положение персонажей и особенности их поведения. Описания одежды в произведениях Булгакова дают возможность реконструировать представления о моде, статусе и культуре потребления в советской городской повседневности 1920–1930-х гг.

© Вельмушкина Д.С., 2026

Художественная литература в данном контексте выступает важным источником для изучения социальных практик и материальной культуры раннесоветского общества.

Ключевые слова: визуальная репрезентация, советская мода, культура потребления, история повседневности, М.А. Булгаков, «Зойкина квартира», «Мастер и Маргарита»

Для цитирования: Вельмушкина Д.С. Визуальные репрезентации моды и культуры потребления в СССР 1920–1930-х гг. на примере произведений М.А. Булгакова: «Зойкина квартира» и «Мастер и Маргарита» // Молодой историк. 2026. № 2(6). С. 97-108.

Visual representations of fashion and consumer culture in the USSR in the 1920s–1930s: a case study of Mikhail Bulgakov’s “Zoyka’s Apartment” and “The Master and Margarita”

Daria S. Velmushkina

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, dashavelm@gmail.com

Abstract. This article examines visual representations of clothing and perceptions of fashion in Soviet urban everyday life of the 1920s–1930s, using Mikhail Bulgakov’s play “Zoyka’s Apartment” and his novel “The Master and Margarita” as case studies. Literary works are considered as a source for studying everyday practices and consumer culture during the transition from the New Economic Policy (NEP) period to the Stalinist era. The study focuses on costume as an element of the material environment of everyday life that reflects social distinctions, notions of prestige, and forms of self-identification in the urban milieu. The material of “Zoyka’s Apartment” shows that the display of Parisian garments and the motif of disguise are associated with the ideas of social mobility and the characters’ aspirations for an alternative model of life. Clothing functions as a marker of status and at the same time indicates an orientation toward Western fashion models. In “The Master and Margarita”, elements of costume and accessories also play an important role in depicting the urban environment, helping to indicate the social position of characters and the features of their

behavior. Descriptions of clothing in Bulgakov's works make it possible to reconstruct perceptions of fashion, status, and consumer culture in Soviet urban everyday life of the 1920s–1930s. In this context, literary works serve as an important source for studying social practices and the material culture of early Soviet society.

Keywords: visual representation, Soviet fashion, consumer culture, Soviet urban everyday life, M.A. Bulgakov, “Zoyka’s Apartment”, “The Master and Margarita”

For citation: Velmushkina, D.S. (2026), “Visual representations of fashion and consumer culture in the USSR in the 1920s–1930s: a case study of Mikhail Bulgakov’s ‘Zoyka’s Apartment’ and ‘The Master and Margarita’”, *Young Historian*, no. 2(6), pp. 97-108.

В современной гуманитарной науке усилился интерес к изучению советской повседневности, ее материальной культуры, в особенности моды и ее потребления. В рамках истории советского общества в период 1920–1930-х гг. исследователи уделяют внимание формированию «нового быта», трансформации повседневных практик и социальным аспектам городской жизни. Данные проблемы рассматриваются в работах, посвященных советской повседневности, где анализируются процессы становления, трансформации социальных норм и культурных моделей поведения, обусловленных идеологическими установками раннесоветского государства.

Существенный вклад в изучение материальной культуры внесли исследования истории костюма, в которых одежда предстает как элемент социальной идентификации и показатель культурных, экономических и идеологических процессов [Стриженова 1972]. В классических трудах по истории костюма подчеркивается, что одежда отражает социальный статус человека и его принадлежность к определенной культурной среде. В работах, посвященных советскому костюму, в частности в исследовании Т. Стриженовой и Н.М. Каменской [Стриженова 1972; Каменская 1977], акцентируется внимание на его связи с особенностями плановой экономики, новаторскими идеями главных культурных деятелей страны и государственной

идеологией. Особое направление исследований связано с анализом моды как социального и культурного феномена. С.В. Журавлев и Ю. Гронов характеризуют моду как комплексное явление, включающее экономические, социальные, культурные и психологические аспекты. Исследователи понимают моду в качестве неотъемлемого элемента повседневной жизни и культуры потребления, подчеркивая ее позднее включение в сферу научного анализа и необходимость современного междисциплинарного подхода к ее изучению [Журавлев, Гронов 2013].

Значительный пласт исследований посвящен анализу произведений М.А. Булгакова: рассматриваются вопросы художественного пространства, в том числе «квартирный вопрос» и концепция «дома-антидома», а также символика костюма и предметного мира как элементы характеристики персонажей [Белогурова 2014]. Однако следует отметить, что в большинстве указанных исследований произведения Булгакова рассматриваются преимущественно с точки зрения поэтики и символики. Вопросы, связанные с материальной культурой, модой и потребительскими практиками, затрагиваются косвенно. В частности, отсутствуют исследования, комплексно соединяющие анализ художественного текста с изучением моды как элемента повседневной жизни и культуры потребления. Настоящее исследование направлено на восполнение данного пробела и предполагает рассмотрение произведений М.А. Булгакова как источника по истории визуальной культуры, моды и потребительских практик советского общества 1920–1930-х гг.

В 1920–1930-е гг. одежда в советском обществе выступала не только элементом материальной культуры, но и частью системы социального регулирования. Культурная революция раннесоветского периода закрепляла представление о внешнем облике как о показателе социальной принадлежности: демонстративная элегантность связывалась с дореволюционным «буржуазным» прошлым, тогда как новый идеал предполагал простоту, функциональность и утилитарность. В публичном пространстве осуждались элементы «избыточного» внешнего вида – галстуки, декоративные аксессуары, косметика, – что закрепляло норму аскетичного костюма [Соболева 2018, с. 21]. На практике эти

установки сочетались с тяжелым экономическим положением. Разрушение хозяйственных связей и слабость легкой промышленности обусловили хронический дефицит тканей и готовой одежды [Зайцева 2023, с. 105]. Производство не удовлетворяло даже базовые потребности, ассортимент оставался ограниченным, а значительная часть населения пользовалась дореволюционными вещами или их переделками. Распространение получили практики самостоятельного пошива и ремонта одежды: один и тот же предмет гардероба мог использоваться в течение многих лет, переходя от одного владельца к другому [Зайцева 2023, с. 109]. В особенно уязвимом положении находились безработные женщины, не имевшие доступа к сырью и возможностям его самостоятельного производства [Фурсова 2016, с. 273].

Городская визуальная среда фиксировала эти процессы предельно наглядно. Повседневный облик Москвы начала 1920-х гг. складывался из однообразных и зачастую изношенных вещей: кожаных курток, кепок, стоптанной обуви [Лебина 1999, с. 214]. Современники отмечали «пестрый маскарад» городского транспорта, где соседствовали остатки дореволюционного гардероба и новые элементы, возникшие в годы революции [Белобровцева 2012, с. 228]. Это сочетание разнородных деталей отражало переходный характер эпохи, в которой старые формы еще сохранялись, а новые только складывались. Несмотря на декларируемое равенство, одежда продолжала выполнять функцию социального различения. В годы НЭПа формируется прослойка, ориентированная на западные образцы: в городской среде появляются модные платья, аксессуары, обувь, воспроизводящие европейские тенденции [Зайцева 2023, с. 106]. Однако в это же время массовый костюм сохраняет черты унификации: кожаная куртка, кепка, красная косынка закрепляются как знаки «правильной» социальной принадлежности [Соболева 2018, с. 21].

Данные противоречия представлены в художественных произведениях М.А. Булгакова, где одежда является индикатором в социальной среде. Так, в романе «Мастер и Маргарита» внешний облик персонажей обозначает их положение в общественной иерархии. Иван Бездомный представлен в «ковбойке и черных

тапочках», что подчеркивает его соответствие идеалам пролетарской культуры; клетчатая кепка становится символом эпохи, закрепленным в массовом сознании¹. Антиподом Бездомного является Берлиоз, который появляется в шляпе и с портфелем – предметами, обозначающими связь с дореволюционной интеллигенцией и административной элитой². Кроме того, городское пространство романа наполнено повторяющимися деталями одежды: «реки кепок» создают визуальный образ толпы, ориентированной на единый идеологический стандарт [Белобровцева 2012, с. 229]. Отдельные элементы: качественная обувь, перчатки, аккуратное пальто – указывают на принадлежность к привилегированным слоям населения. Современники фиксировали аналогичное явление: в середине 1930-х гг. на улицах Москвы появляются люди, резко выделяющиеся своим внешним видом и атрибутами статуса, прежде всего портфелем и аккуратной одеждой [Белобровцева 2012, с. 228–229].

Особую роль играет мотив изменения внешнего облика. В сцене погони Иван Бездомный оказывается в «полосатых кальсонах», что ведет к его символическому выпадению из социальной нормы и последующей изоляции в клинике³. В этом эпизоде одежда выступает границей, нарушение которой влечет за собой утрату социального статуса [Астраханцева 2021, с. 7]. Театрализация внешнего облика усиливает выразительность этих наблюдений. Костюмы персонажей формируют эффект сценичности: каждый герой появляется в пространстве романа как носитель определенной роли. Особенно ярко это проявляется в линии Воланда и его свиты, где одежда приобретает элементы гротеска и теряет нормативную функцию: треснутое пенсне, клетчатый костюм, демонстративная небрежность внешнего вида⁴. Стоит отметить, что проблема потребления одежды отчетливо показана в сцене сеанса черной магии в театре Варьете. Массовая реакция зрителей на появление модных вещей выявляет скрытый

¹ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. М., 1984. С. 9.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 61–62.

⁴ Там же. С. 267.

спрос на дефицитные предметы и стремление к участию в культуре потребления, противоречащее официальной идеологии аскетизма⁵. В этой сцене демонстрация одежды превращается в форму коллективного поведения, близкую к ажиотажу⁶.

В пьесе «Зойкина квартира» тема одежды идет параллельно с квартирным вопросом и жилищными условиями. Политика уплотнения и распространение коммунальных квартир привели к тому, что дом перестал быть местом для частной жизни. На это указывает тот факт, что члены домового комитета могут постоянно проверять жильцов и заходить в их комнаты: председатель домкома Аллилуя свободно вмешивается в личное пространство героев и заявляет о возможности проникновения в любое помещение, включая спальню⁷. В данных условиях квартира Зои Пельц перестает быть домом в традиционном смысле и служит для разных целей. Днем помещение выступает как легальное ателье по пошиву одежды, где создаются модные платья, ориентированные на западные образцы⁸. Ночью это же пространство превращается в подпольный салон, где демонстрация одежды соединяется с коммерческими и полулегальными практиками⁹. Можно сказать, что жилье утрачивает свою исходную функцию и становится частью городской экономики, связанной с потреблением и обменом вещей.

Для персонажей одежда имеет значение, которое связано с их статусом и деньгами. Парижские платья символизируют знаки принадлежности к иному миру, ассоциирующемуся с изобилием и социальной свободой¹⁰. Однако данная связь остается воображаемой: изменение внешнего облика не ведет к реальному изменению положения, а лишь подчеркивает его нестабильность. Переодевание становится устойчивым мотивом, связанным со сменой ролей и размыванием границ между социальными позициями. Вечерние показы строятся по принципу дефиле, где

⁵ Там же. С. 135–266.

⁶ Там же. С. 381.

⁷ Булгаков М.А. Зойкина квартира. СПб., 2018. С. 2.

⁸ Булгаков М.А. Зойкина квартира. СПб., 2018. С. 2–4.

⁹ Там же. С. 11.

¹⁰ Там же. С. 11–14.

модели выступают прежде всего как носители вещей. В этом контексте женщину воспринимают как часть платья, а ее тело включается в процесс демонстрации и продажи¹¹. Возникает связка «тело – одежда – товар», отражающая превращение вещи в ключевой элемент потребления [Иваньшина 2019, с. 608].

Экономическая функция одежды раскрывается в сюжетной линии Аалы. Получение модного платья становится условием включения в систему зависимостей, где вещь выступает инструментом подчинения [Иваньшина 2019, с. 608]. Обмен платья на участие в показах демонстрирует использование одежды как средства контроля и вовлечения в неформальные экономические отношения, а карнавальнй характер происходящего усиливается за счет театрализации. Тем самым демонстрация одежды превращается в спектакль, где зритель одновременно выступает участником действия¹². Это сближает практики потребления с формами городской массовой культуры 1920-х гг. Кроме того, в пьесе сохраняется противоречие между идеологическими установками и реальностью: несмотря на официальное осуждение роскоши, спрос на западные образцы и «красивую жизнь» остается устойчивым. Так, «Зойкина квартира» фиксирует взаимосвязь жилищных условий, практик потребления и символики одежды. Квартира выступает пространством, в котором концентрируются противоречия эпохи – между публичным и частным, нормой и практикой, дефицитом и стремлением к изобилию.

Таким образом, в художественных текстах М.А. Булгакова репрезентация моды становится инструментом фиксации повседневности: через детали костюма выявляются процессы дефицита, социального расслоения, изменения практик потребления и т.д. В первой половине 1920-х гг., в период НЭПа, на фоне относительной либерализации экономики и сохранения частного предпринимательства возникает социальный слой, вкусы и практики потребления которого формируются под влиянием западных модных канонов. Данный аспект зафиксирован в пьесе «Зойкина квартира», где подпольный салон и ателье становятся пространством легальной и полулегальной демонстрации

¹¹ Там же. С. 14.

¹² Там же. С. 2, 16.

«парижских нарядов», а одежда выступает инструментом социальной мобильности и товаром. С конца 1920-х и в 1930-е гг., после сворачивания НЭПа и ужесточения идеологического контроля, публичная политика государства в отношении одежды меняется: роскошь и следование западной моде официально осуждаются, а аскетичный, унифицированный костюм закрепляется как знак «правильной» социальной принадлежности. Однако, как показано в романе «Мастер и Маргарита», на практике дефицит и скрытый спрос на качественные вещи сохраняются, а внешний вид по-прежнему обозначает статус, вступая в символическое противоречие с государственно-идеологическим дискурсом. Фиксируя указанные особенности в деталях костюма и сценах массового потребления, произведения М.А. Булгакова предоставляют эмпирический материал, позволяющий дополнить исторические исследования реконструкцией визуальных и поведенческих аспектов городской повседневности.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья выполнена в рамках проекта РГГУ «История советской повседневности в оптике социального конструирования» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

ACKNOWLEDGEMENTS

This article was carried out within the RSUH project “The History of Soviet Everyday Life in the Lens of Social Construction” (“Student Project Research Teams of the RSUH” contest).

ЛИТЕРАТУРА

Астраханцева 2021 – *Астраханцева А.А.* Символика и функции одежды персонажей романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Общество, педагогика, психология: теория и практика», Анжеро-Судженск: Изд-во Среда, 2021. С. 336–346.

- Белобровцева 2012 – *Белобровцева И.З.* О гардеробе героев московского сюжета // Путеводитель по роману М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». М.: Изд-во Московского университета, 2012. С. 139–142.
- Белогурова 2014 – *Белогурова Е.В.* Комедийно-сатирическая версия «квартирного вопроса» в творчестве М. Булгакова: «Зойкина квартира» // Филология и человек. 2014. № 1. С. 164–171.
- Журавлев 2013 – *Журавлев С.В.* Мода по плану. История моды и моделирования одежды в СССР 1917–1991. М.: ИРИ РАН, 2013. 496 с.
- Зайцева 2023 – *Зайцева Д.С.* Феномен советской моды: столкновение социалистической идеологии и модных желаний потребителей // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. № 3. С. 105–109.
- Иваньшина 2019 – *Иваньшина Е.А.* Как устроена «Зойкина квартира» // М.А. Булгаков: PRO ET CONTRA. СПб.: Изд-во: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, 2019. С. 599–612.
- Каменская 1977 – *Каменская Н.М.* История костюма. М.: Изд-во Легкая индустрия, 1977. 131 с.
- Лебина 1999 – *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920–1930-х годов. СПб.: Летний сад, 1999. 334 с.
- Ли Сын Ок 2008 – *Ли Сын Ок.* Мотив «Дом-антидом» в пьесе М. Булгакова «Зойкина квартира» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 80. С. 214–218.
- Соболева 2018 – *Соболева А.Н.* Бытовая культура советских горожан в 1920–1930-е гг. // Вестник БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2018. № 3. С. 20–25.
- Стриженова 1972 – *Стриженова Т.О.* Из истории советского костюма. М.: Изд-во Советский художник, 1972. 112 с.
- Фурсова 2016 – *Фурсова Е.Ф.* Одежда крестьян Западной Сибири в 1920-е – 1930-е гг.: традиции и мода // Традиционная культура русского народа в период 1920–1930-х годов. М.: Изд-во Индрик, 2016. С. 263–292.

REFERENCES

- Astrakhantseva, A.A. (2021), “Symbolism and Functions of the Characters’ Clothing in M. Bulgakov’s Novel ‘The Master and Margarita’ ”, in *Vserossijskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya s mezhdunarodnym uchastiem “Obshchestvo, pedagogika, psibologiya: teoriya i praktika”* [All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation], Izd-vo Sreda, Anzhero-Sudzhensk, Russia, pp. 336–346.
- Belobrovitseva, I.Z. (2012), “On the wardrobe of characters in the Moscow plot”, in *Putevoditel’ po romanu M.A. Bulgakova “Master i Margarita”* [Guide to Bulgakov’s novel “The Master and Margarita”], Izdatel’stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia, pp. 139–142.
- Belogurova, E.V. (2014), “Comic-satirical version of the ‘housing question’ in Bulgakov’s works: ‘Zoyka’s Apartment’”, *Filologiya i chelovek*, no. 1, pp. 164–171.
- Fursova, E.F. (2016), “Clothing of peasants of Western Siberia in the 1920–1930s: traditions and fashion”, in *Traditsionnaia kul’tura russkogo naroda v period 1920–1930-kh godov* [The traditional culture of the Russian people in the period of the 1920s – 1930s], Indrik, Moscow, Russia, pp. 263–292.
- Ivan’shina, E.A. (2019), “How ‘Zoyka’s Apartment’ is structured”, in *M.A. Bulgakov: PRO ET CONTRA*, Russkaia khristianskaia gumanitarnaia akademiia im. F.M. Dostoevskogo, Saint Petersburg, Russia, pp. 599–612.
- Kamenskaya, N.M. (1977), *Istoriia kostiuma* [History of costume], Legkaia industriia, Moscow, Russia.
- Lebina, N.B. (1999), *Povsednevnaia zhizn’ sovetskogo goroda: normy i anomalii 1920–1930-kh godov* [Everyday life of the Soviet city: norms and anomalies of the 1920–1930s], Letnii sad, Saint Petersburg, Russia.
- Li, Syn Ok (2008), “The motif of ‘home–anti-home’ in Bulgakov’s play ‘Zoyka’s Apartment’ ”, *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, no. 80, pp. 214–218.

- Soboleva, A.N. (2018), “Everyday culture of Soviet citizens in the 1920–1930s”, *Vestnik BGU. Gumanitarnye issledovaniia Vnutrennei Azii*, no. 3, pp. 20–25.
- Strizhenova, T.O. (1972), *Iz istorii sovetskogo kostiuma* [From the history of Soviet costume], Sovetskiy hudozhnik, Moscow, Russia.
- Zaitseva, D.S. (2023), “The phenomenon of Soviet fashion: clash between socialist ideology and consumer desires”, *Nauchnyi rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniia*, no. 3, pp. 105–109.
- Zhuravlev, S.V. (2013), *Moda po planu. Istoriiia mody i modelirovaniia odezhdy v SSSR 1917–1991* [Fashion by plan: history of fashion and clothing design in the USSR 1917–1991], IRH RAS, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дарья С. Вельмушкина, студентка бакалавриата, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; dashavelm@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Daria S. Velmushkina, bachelor student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047 dashavelm@gmail.com

Репрезентация советской идентичности
в учебной литературе для детей и подростков в 1918–1929 гг.

Дарья К. Сидорова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, darya.sidorova.2024@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена выявлению репрезентации советской идентичности в учебной литературе для детей и подростков в 1918–1929 гг. Учебные пособия рассматриваются как ключевой инструмент политической социализации подрастающего поколения, направленный на формирование «нового человека». На основе анализа источников выделяется несколько ключевых тематических блоков: репрезентация притяжательного местоимения «наш» как показателя бинарной оппозиции «свой – чужие», формирование исторического нарратива, основанного на дискредитации царского прошлого и легитимации новой власти, а также культивирование государственных символов. Отдельные сюжеты посвящены идеализации образа В. И. Ленина и антирелигиозной пропаганде. Определено внедрение в сознание ребенка гигиенических норм. Прослеживается формирование нового поколения через образ пионера как нравственного идеала. Конструирование «нового человека» в книгах осуществляется с помощью установок, направленных на актуализацию трудового воспитания. Фиксируется исчезновение сказки как жанра и описание новых революционных праздников на страницах учебной литературы. Исследование показывает, что учебная литература 1920-х гг. стала мощным агитационно-пропагандистским каналом, где повторяемость сюжетов, эмоциональная окраска формировали у ребенка классовую идентичность, чувство коллективизма и принятие советской идеологии.

Ключевые слова: советская идентичность, ребенок, дети, учебная литература, азбуки, буквари, «новый человек»

Для цитирования: Сидорова Д.К. Репрезентация советской идентичности в учебной литературе для детей и подростков в 1918–1929 гг. // Молодой историк. 2026. № 2(6). С. 109-140.

Representation of Soviet Identity in educational Literature
for Children and Teenagers in 1918–1929

Daria K. Sidorova

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, darya.sidorova.2024@mail.ru

Abstract. The author examines Soviet identity in educational literature for children and teenagers in 1918-1929 considering textbooks to be a key tool aimed at politically socializing the younger generation and forging a new individual. The analysis of sources makes it possible to identify several key thematic blocks: representing the possessive pronoun «ours» as an indicator of «ours – strangers» binary opposition; forming a historical narrative based on discrediting the tsarist past and legitimizing the new government and cultivating state symbols. Separate plots are devoted to idealizing of the image of V.I. Lenin and anti-religious propaganda. The author considers the way hygiene standards are being introduced into the child's consciousness and traces back the formation of a new generation through the image of the pioneer as a moral ideal through the attitudes aimed at actualizing labor education. It has already been noted that the disappearance of fairy tales is accompanied by the description of new revolutionary holidays on the pages of educational literature. The study shows that educational literature of the 1920s became a powerful propaganda channel, where the repetition of plots and emotional coloring formed a child's class identity, a sense of collectivism and the acceptance of Soviet ideology.

Keywords: Soviet identity, child, children, educational literature, ABC books, textbooks, new individual

For citation: Sidorova, D.K. (2026), “Representation of Soviet Identity in educational Literature for Children and Teenagers in 1918–1929”, *Young Historian*, no. 2(6), pp. 109-140.

*«Только детские книги читать,
Только детские думы лелеять»
О.Э. Мандельштам*

Введение

Революция 1917 г. привела к кардинальным изменениям во всех сферах общественной жизни. Перед советской властью стояла задача радикальных реформ в том числе в духовной сфере. Процесс преобразования жизни людей в этой области получил название «культурная революция». Одной из ее центральных задач было создание «нового человека». Особое место здесь уделялось ребенку, который рассматривался как будущий строитель коммунизма и помощник партии. В числе каналов трансформации молодежи стала учебная литература. В рамках настоящей работы предпринимается попытка охарактеризовать степень влияния идеологии, выявив ключевые репрезентации новых советских установок на страницах учебных пособий.

Репрезентация слова «наш»

В историографии уже было замечено, что в азбуках и букварях показательными являются слова «сам/сама/сами», которые стали одними из первых, прочитываемых и усваиваемых ребенком [Безрогов, Ромашина 2019, с. 95–96]. В этой связи не менее интересным представляется репрезентация слова «наш». Для этого возьмем букварь И. Сверчкова «Пионер». При помощи метода контент-анализа было выявлено, что на 86 страницах текста данное слово и его производные (наши, наше, нашей и т.д.) встречаются 112 раз в различных контекстах: наша революция¹, герои нашей

¹ Сверчков И. Пионер. Детский букварь: со 130 рис. Л., 1924. С. 12.

революции², наша выставка³, наши плакаты⁴, наше школьное знамя⁵ и др.

Это свидетельствует, во-первых, о формировании образа своих и чужих / друзей и врагов, что было особенно актуально в 1920-е гг. в различных сферах общественной жизни в СССР; во-вторых, это помогало ребенку спроецировать на себя все, что было представлено в учебных пособиях. Кроме того, если в дореволюционной России акцент делался на большей индивидуальности, то новые азбуки и буквари были нацелены на воспитание «нового человека», где важным аспектом являлось формирование коллективиста, что и достигалось использованием подобных притяжательных местоимений. Плотность же слова более одного раза на страницу, говорит о том, что текст имел агитационно-воспитательный характер.

Исторический нарратив

В учебных пособиях происходит попытка выстроить исторический нарратив, строящийся на бинарной оппозиции, которая, по Ю. Лотману, является обязательным законом построения реальной семиотической системы [Лотман 2017, с. 14].

Целью было опорочивание старой власти и легитимации нового режима. Например, встречаем подобное: «Мы беседовали о Красной армии и о прежней царской. Прежняя царская армия помогала царю и богачам против рабочих и крестьян. Командирами были генералы и офицеры из помещиков, дворян. Солдат держали в темноте, не учили их. Служба в армии была тяжелая – солдат били за пустяк, наказывали розгами. А в Красной армии совсем не то. Командиры – свои же рабочие и крестьяне. Красноармейцев уважают, их обучают, устраивают им клубы...»⁶. Или стихотворение «Вольный пахарь», где говорится, что «в стране, где всюду барин правил, преграды нам повсюду ставил, где

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 75.

⁴ Там же. С. 77.

⁵ Там же. С. 78.

⁶ Фридлянд Ф., Шалыт Е. За работой: Первая книга для чтения после букваря. М., 1924. С. 77.

рабством, скованный народ не видел радости и света, где жизнь кошмарная была, – там власть крестьянского совета решает ныне все дела»⁷.

Упор делался на рабство: «У нас была революция. До революции мы были рабы. Мы работали на богатых. А они не работали, пили ели сытно, пировали. Наши заводы были их заводами. Наши дома были их домами. Мы были рабы. Мы жили как рабы. Вот 8 лет как мы не рабы. Заводы наши. Мы сыты, обуты, одеты. Нам хорошо»⁸.

Сюжеты нередко повторялись в новых переизданиях. Например, текст про Кровавое воскресенье, который заканчивался словами, что «после этого уже никто не верил в царя. Поняли рабочие, что для того, чтобы изменить свою жизнь, надо бороться со своими угнетателями», можно встретить в книге для чтения «Новая деревня» 1925 г. и 1927 г. издания.

В букваре Вахтерова за 1921 г. наблюдается дихотомия имперского прошлого и советского настоящего: «Ца-ри-ца. Ца-ре-вич. Дво-рец. Ца-ре-дво-рец. Со-хо-ю ша-шут, се-рпом жнут, а цепом мо-ло-тят»⁹. В данной строке столкнулись два мира: старый – с его царицами и царевичами и новый – с серпами, сохами и трудовой деятельностью.

Не менее примечательны следующие вопросы для детей, представленные в книге 1925 г.: «1) Сколько лет продолжалась империалистическая война? 2) Как губила эта война трудящихся? Кому она была выгодна? 3) Как обращались с солдатом в царской армии? 4) Как росла дороговизна в тылу? 5) Почему так легко уничтожили царскую власть в феврале?»¹⁰. Вопросы, очевидно, составлены так, что исключают множественность трактовок и уже подталкивают ребенка к «правильному» ответу.

В учебных пособиях есть канва вопросов, построенных иначе. В данном случае их составители нацелены подчеркнуть позитивную роль советского строя: «Что сделало С.С.С.Р. для детей

⁷ Там же. С. 87–88.

⁸ Сверчков И. Указ соч. С. 21.

⁹ Вахтеров В.П. Русский букварь. Дебальцево, 1921. С. 10.

¹⁰ Блонский П.П. Красная зорька. Книга для чтения в сельской школе. М., Л., 1925. С. 77.

подростков, чтобы они могли учиться полезному и интересному делу?»¹¹; «Что делается в Советской России по охране труда малолетних?»¹²; «Что в вашем городе вы считаете хорошим? Что изменилось в нем после революции к лучшему?»¹³; «Что теперь делается Советской властью для того, чтобы все дети трудящихся могли учиться в школе?»¹⁴.

Тем самым в сознании ребенка формировался образ государства, которое заботится о своих гражданах, а также побуждало подрастающее поколение искать позитивные изменения в революционных преобразованиях, что, в свою очередь, неизбежно вело к критике дореволюционного прошлого.

Однако новшеством советской педагогической мысли вопросы не являлись. В дореволюционной России в учебниках встречались аналогичные задания, например, в пособии А. Баранова¹⁵.

Но если в царских учебниках идеологическая нагрузка была смягчена, то в советских пособиях многие элементы становились оружием классовой борьбы. Особенно ярко это прослеживается при рассмотрении судеб выдающихся личностей. Например, в жизни Т.Г. Шевченко основной акцент делался на социальном происхождении литератора. Подчеркивалось, что он являлся сыном крепостного крестьянина, работал на барщине, в своем творчестве «шел о тяжелой народной доле над помещичьим ярмом», при этом царское правительство относилось к нему плохо и «забрело в солдаты... на 10 лет сослало далеко от родины»¹⁶.

Иллюстрации и подписи к ним также были направлены на выстраивание данного исторического нарратива. Изображения имели яркий агитационный характер, наглядно демонстрируя результаты перераспределения земли и имущества, улучшения

¹¹ Зеленый шум: хрестоматия для трудовой школы: Первый год / Сост. Е.Е. Соловьева и др. М., Пг., 1923. С. 119.

¹² Там же. С. 120.

¹³ Там же. С. 116.

¹⁴ Фридлянд Ф., Шалыт Е. Указ соч. С. 12.

¹⁵ Баранов А.Г. Наше родное: Книга для классного чтения. М., 1909. С. 45.

¹⁶ Новая деревня: Книга для чтения в 1 группе сельской школы / Сост. В.И. Вольнская, Е.Е. Соловьева, А.М. Смирнова и др. М., Л., 1925. С. 106.

условий жизни простого человека после Октябрьской революции (см. рис. 1; см. рис. 2; см. рис. 3).

Рис. 1. Блонский П.П. Красная зорька. Книга для чтения в сельской школе. М., Л., 1925. Ч. 2. С. 87.

Рис. 2. Новая деревня. Книга для чтения в 1 группе сельской школы / сост. В.И. Волинская, Е.Е. Соловьева, А.М. Смирнова и др. М., Л., 1927. С. 38–39.

Рис. 3. Новая деревня. Книга для чтения в 1 группе сельской школы / сост. В.И. Волынская, Е.Е. Соловьева, А.М. Смирнова и др. М., Л., 1927. С. 42.

Таким образом, мы наблюдаем переосмысление исторических событий через призму социалистических идеалов. Особый акцент делался на идеях освобождения от дворянского угнетения. Все подчинялось принципу бинарной оппозиции, где царская Россия характеризовалась исключительно в негативных тонах, а советская власть являлась олицетворением идеального нового мира.

Государственные символы

Одной из целей учебных пособий 1920-х гг. было формирование духа государственности. Ребенку надо было в первую очередь привить чувство принадлежности к новому советскому обществу. В азбуках и букварях нередко встречаются слова «серп и молот», над ними располагается изображение герба СССР¹⁷. «К празднику годовщины Октябрьской революции мы сами сделали красный флаг. Девочки вышили нитками герб и буквы: СССР...»¹⁸; «Красный флаг. А вот флаг пионеров. С этим

¹⁷ Борзова П.А. Светлый путь: Букварь для детей. М., 1924. С. 22.

¹⁸ Борзова П.А. Указ. соч. С. 55.

флагом мы ходили по улицам много раз...»¹⁹. У П.П. Блонского в 1925 г. встречаются следующие вопросы: «Как называется наша страна? Почему она так называется? Каков ее герб и почему он такой? Что такое интернационал?»²⁰

В отличие от материалов для детей младшего возраста, в книгах для обучения грамоте подростков аббревиатуры и символы подвергались развернутому политическому толкованию, т. е. подобное чтение подразумевало и идеологическое воспитание. В тексте про Р.С.Ф.С.Р. подчеркивалось, что «наша Советская Россия тоже имеет свой герб и такого герба нет ни в одном государстве <...> Серп и молот означает тесный трудовой союз рабочего и крестьянина»²¹. Присутствует и подробное объяснение каждой буквы аббревиатуры. Например, указывается, что «последнее слово “Республика” означает, что у нас нет царя, нет и никогда не будет»²².

Кроме этого, если в городских букварях советская символика была интегрирована в школьную жизнь, то в сельских она была изображена отдельно и прорисована более детально [Рожков 2017, с. 65].

Показывая детям, что представляет собой СССР, авторы подчеркивали, что «власть не угнетает никаких народов и дает каждому народу жить так, как он хочет», а союз между ними был заключен «чтобы снова не попасть под власть капиталистов»²³. Все эти визуальные, лексические, стилистические элементы способствовали формированию чувства патриотизма, а также пониманию важности классовой борьбы.

В.И. Ленин

Особое место занимают сюжеты из жизни и деятельности В.И. Ленина. После 1924 г. на страницах учебной литературы для детей все чаще рассказывается о смерти Владимира Ильича и

¹⁹ Соловьева Е. Развитие речи: письменные и устные упражнения в изложении мысли. М., Пг., 1923. С. 56.

²⁰ Блонский П.П. Указ. соч. С. 120.

²¹ Пупышев В.А. Пора на работу: Букварь и первая книга для обучения грамоте подростков. Новосибирск, 1926. С. 32.

²² Там же. С. 32.

²³ Там же. С. 33.

скорби советского народа, а с 1926–1927 гг. их постепенно заменили статьи о его детстве, жизни и революционной деятельности [Сенькина 2012, с. 40].

В книге для чтения «Новая деревня» встречается следующий текст: «Милый дедушка Ленин, мы уже умеем немного читать и писать, умеем делать всякие вещи, и мы каждый день теперь моем лицо и руки. Ленина это письмо обрадовало. Он сказал: “Смотрите, даже деревенские ребяташки строят новую жизнь”»²⁴. Здесь объединены одни из основных ценностных установок советской идеологии: и культ вождя, и важность труда с подчеркнутой необходимостью соблюдения гигиены. Тем самым фигура Владимира Ильича выступает в качестве образцовой модели поведения, формируется образ друга детей, что также являлось пропагандистским ходом [Ларин 2020, с. 73].

В отдельный блок можно выделить т.н. «Уголки Ленина», которые были введены в стране осенью 1923 г. и являлись центрами почитания памяти вождя [Тумаркин 1999, с. 154]. У Ф. Фридлянда представлен подобный текст: «Самое красивое на школьной выставке – Ленинский уголок. Перед выставкой комиссия по Ленинскому уголку повесила по всем классам объявления: “Собирайте и несите в школу все о Ленине” <...> Старшие составили несколько плакатов. Вот какие были плакаты: “Ленин – лучший друг детей”. “Мы все помним заветы Ильича”. “Мы, юные ленинцы, пойдем по твоему пути”. “Ленин – вождь рабочих всего мира”». Задание после гласило: «Опишите уголок Ленина в вашей школе»²⁵.

Кончина Владимира Ильича, несомненно, признавалась в качестве свершившегося факта реальности. В то же время данное событие конституировало нужный советской идеологии травматический опыт в сознании ребенка. Так, появляются следующие тексты: «Как родные пережили смерть Ильича»²⁶; «Как

²⁴ Новая деревня... С. 27.

²⁵ Фридлянд Ф., Шалыт Е. Указ. соч. С. 5.

²⁶ Афанасьев П.О. Читай, пиши, считай. Букварь с материалом для чтения, письма и счета. М., Л., 1924. С. 97–98.

мы делали венок»²⁷; «Фабричный плач»²⁸; «Когда умер Ленин (рассказ девочки)»²⁹. В рассказе «Как справлялись поминки в избе крестьянина» детям и вовсе показывалось, что Ленин часто приходил в избы к крестьянам, плел с ними корзинки и давал дельные советы³⁰.

Таким образом, мы видим попытку создать идеализированную фигуру В.И. Ленина, сделать его образ привычным, знакомым, родным. Сюжет о его смерти также был направлен на то, чтобы сплотить людей в общей трагедии.

Антирелигиозная пропаганда

Антирелигиозная пропаганда была одним из важных элементов советской политики. Необходимо было дать правильное ее идеологическое обоснование, понятное даже школьникам. Осуществлялось это не всегда напрямую. Визуальный ряд являлся весьма важным элементом в достижении данной цели, ведь многие дети еще не были способны к восприятию текстов [Безрогов, Ромашина 2019, с. 90].

Иллюстрации служили инструментом идеологической работы, направленной против религии. Изображения с советской символикой часто действовали по принципу «25-го кадра», становясь предметом восприятия неосознанно [Рожков 2014, с. 285].

Если рассматривать процесс в динамике, то в букварях 1918 г. на стенах еще можно разглядеть оклады икон (см. рис. 4). Уже к 1923 г. вместо них на стенах появляются портреты идеологов революции: В.И. Ленина, К. Маркса и пр. (см. рис. 5; см. рис. 6).

²⁷ Там же. С. 94–95.

²⁸ Фридлянд Ф., Шалыт Е. Указ. соч. С. 68.

²⁹ Там же. С. 70.

³⁰ Там же. С. 95.

Рис. 4. Букварь «Живое слово» для классного и домашнего обучения чтению и письму / Под ред. А.А. Сольдина. М., Пг., 1918. С. 3.

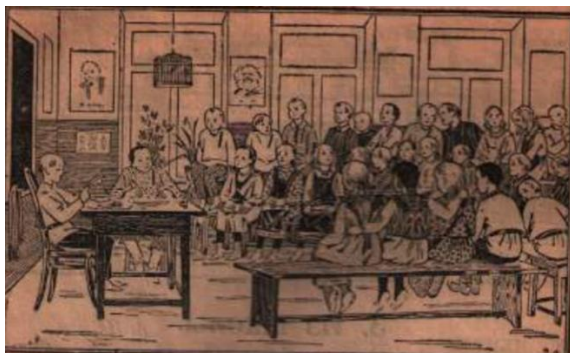

Рис. 5. Зеленый шум: хрестоматия для трудовой школы: Первый год / Сост. Е.Е. Соловьева. М., Пг., 1923. С. 8.

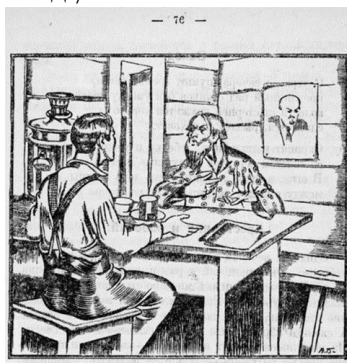

Рис. 6. Блонский П.П. Красная зорька. Книга для чтения в сельской школе / П.П. Блонский. М., Л., 1925. Ч. 2. С. 76.

Первое время и в текстах учебных пособий наблюдаемы религиозные сюжеты: стих «Христос воскрес»³¹; стих «С Богом»³². У В.Г. Полякова встречаются произведения, содержащие яркий религиозный подтекст: «Люби, дитя, люби детей, люби и близких и чужих, люби врагов, люби друзей, – люби, дитя, молись за них!»³³; «Боже, правый, милосердный! Ты внимли мольбе детей / И святою благодатью Наши Ты сердца согрей»³⁴; «Бог в помощь вам, детки! / Не зная кручины, / Любите родные поля и долины...»³⁵; рассказ про вербную субботу, где «Мальчики да девочки свечки да вербочки понесли домой. Огонечки теплятся, прохожие крестятся и пахнет весной»³⁶.

При этом книги изменялись и дорабатывались, уровень религиозности в учебных пособиях постепенно снижался. Так, если в 1918 г. у Полякова фигурировал рассказ про вербную субботу, то в букваре Ф. Фридлянда за 1924 г. встречаем уже подобный текст: «Вербя первая из наших деревьев просыпается от зимнего сна <...> Поставьте дома вербу в бутылку с водой, и она у вас оживет... не забывайте только время от времени подливать воду»³⁷.

Обусловлено это тем, что большевики в первые годы власти, понимая высокий уровень религиозности населения, не предпринимали активных действий. Ленин говорил, что пролетарская диктатура должна осуществлять освобождение масс от религиозных предрассудков путем пропаганды и повышения сознания людей, при этом избегая оскорбления чувств верующих³⁸. Нужно понимать, что процесс изменения содержания не являлся

³¹ Ананьин В.И., Чукаев Н. Букварь для классного и домашнего обучения чтению и письму. М., 1918. С. 43.

³² Поляков В.Г. Светлый путь: Букварь для обучения детей письму и чтению по новой орфографии. Со многими картинками для наглядных образовательных бесед и развития устной речи. М., Пг., 1918. С. 44.

³³ Там же. С. 55.

³⁴ Там же. С. 59.

³⁵ Там же. С. 60.

³⁶ Там же. С. 61.

³⁷ Фридлянд Ф., Шалыт Е. Указ. соч. С. 81.

³⁸ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1974. Т. 38. Март – июнь 1919. С. 118.

быстрым. Объяснение этому можно найти в «Азбуке» В.П. Вахтерова за 1921 г., где сам педагог пишет, что ряд технических трудностей и острая нужда в азбуке требовали скорее ее издать, что помешало несколько переработать и сам материал. При этом автор отмечал, что при повторном издании надеется изменить некоторые элементы³⁹.

С начала 1920-х гг. ситуация изменилась. Новая идеология и новая образовательная парадигма стали все чаще находить свое отражение на страницах букварей, что отчетливо видно на примере антирелигиозной темы, хотя до этого периода издаваемые буквари и азбуки мало чем отличались от своих предшественников.

Гигиена

Особенно часто на страницах букварей и азбук встречаются сюжеты, посвященные проблемам гигиены и чистоты. Обусловлено это было катастрофической санитарной обстановкой в стране. На I Всероссийском совещании по санитарному просвещению в 1921 г. констатировали, что «несознательное отношение к требованиям личной гигиены» привело к «эпидемическому распространению разных инфекций...»⁴⁰. Учебные пособия стали каналом трансляции новых ценностей, связанных с темой здравоохранения.

В букваре П.А. Борзовой за 1924 г. встречается свод правил «Как сохранить здоровье». Среди них: «Пейте кипяченую воду, в сырой воде зараза <...> Соблюдайте чистоту тела, чаще мойтесь. Проветривайте чаще вашу комнату, – в спертом воздухе не может быть здоровой жизни <...> При заболевании обращайтесь к врачу, как можно раньше»⁴¹. Лозунги в книгах гласили: «Мой посуду горячей водой с мылом, чисти золой...»⁴²; «Вши и клопы-наши

³⁹ См.: Вахтеров В.П. Указ. соч. С. 2.

⁴⁰ Первое Всероссийское совещание по санитарному просвещению. 15-20 марта 1921 года: Тезисы, доклады и резолюции / Под ред. д-ра Л.М. Исаева РСФСР. Нар. ком. здравоохранения. Отд. сан. просвещения. Смоленск, 1922. С. 37.

⁴¹ Борзова П.А. Указ соч. С. 62–63.

⁴² Новая деревня... С. 215.

враги: от них болезни»⁴³; «Мой руки мылом. Мой руки перед едой. Мой руки перед сном. Мы руки мыли мылом, а ты?»⁴⁴

В заданиях к тексту встречался следующий ряд вопросов: «Какие бывают заразные болезни? Как уберечься от них? Какими болезнями вы болели? – составьте список учеников и пометьте, кто и когда чем болел – выберите санитарную комиссию и напишите ей наказ»⁴⁵. Дети составляли наказания не только для развития навыков письма и грамотности, но и для ознакомления с политической жизнью страны, осознания себя в роли гражданина. Сюжет болезни мог обыгрываться через противопоставления, где, например, одобрялась ситуация визита к врачу и запрещалось посещение знахарки [Рожков 2017, с. 66].

Ребятам с раннего возраста прививалась мысль, что забота о здоровье – обязанность, ведь заболевший – выбывшая из коллектива единица, которая нарушает ход работы на благо страны и строительства коммунизма.

Детские учреждения

Характерными заведениями для 1920–1930-х гг. были детские очаги⁴⁶ и детские дома. Как подчеркивала Н.К. Крупская, детский дом должен был стать учреждением, которое бы предоставляло детям возможность для гармоничного физического развития, давало им прочные знания, учило применять их в жизни, прививало трудолюбие, пристрастие к совместной работе и жизни в коллективе, помогало понять жизнь и найти в ней свое место как ценного члена общества⁴⁷.

В учебных пособиях встречались тексты и вопросы, направленные на актуализацию темы: «Посетите детские очаги. Кто там дает детям ласку?»⁴⁸; «Посетите сами детский дом, созданный

⁴³ Венгров Н., Осмоловский Н. Мы в школе: Букварь для школ Сибири. Новосибирск, 1927. С. 41.

⁴⁴ Соловьева Е.Е. Указ. соч. С. 34.

⁴⁵ Блонский П.П. Указ. соч. С. 17.

⁴⁶ Детские сады с продлённым днём пребывания.

⁴⁷ См.: Крупская Н.К. К вопросу о детдомах // Крупская Н.К. Педагогические сочинения: В 11 т. Т. 3. М., 1959. С. 122.

⁴⁸ Зеленый шум... С. 42.

после революции. Почему дети этих домов такие умелые, веселые, без капризов и организованные?»⁴⁹; «Бывали ли вы в очаге?»⁵⁰.

Тема очага/детдома часто звучала на страницах книг в силу того, что соответствовала своему времени, ведь функция этих учреждений была не только социальной, но и идеологической. Советская власть видела в этих учреждениях ключевой инструмент для воспитания «нового человека» – будущего строителя коммунизма.

Однако это не всегда соответствовало реальности. В 1920-х гг. ресурсов у страны не хватало, из-за чего поддерживать условия проживания на высоком уровне было не всегда возможно – например, зимой 1921 г. у ребят из детских домов были зафиксированы обморожения⁵¹, ведь в заведениях просто не было отопления.

Пионерия

Важным элементом азбук и букварей, оказывающим воспитательное воздействие на обучающихся, стала пионерия. Вначале в тексте фигурировали дети, еще не объединенные в какие-либо сообщества, что можно видеть в иллюстративном ряду (см. рис. 7).

Рис. 7. Мироносицкий П.П. Словечко: книжка для обучения грамоте с методическими указаниями для учителя. Иркутск, 1922. С. 2.

⁴⁹ Там же. С. 57.

⁵⁰ Сверчков И. Указ. соч. С. 59.

⁵¹ См.: Всероссийское обследование детских учреждений. Доклад НК РКИ в Комиссию по улучшению жизни детей при ВЦИК. М., 1921. С. 38.

Пионерия появилась в 1922 г., уже в 1924 г. вышел букварь И. Сверчкова, где на обложке располагался прилежный пионер (см. рис. 8).

Рис. 8. Сверчков И. Пионер. Детский букварь: со 130 рис. Л., 1924. Обложка.

Учебники пестрили разнообразными лозунгами: «Мы, юные пионеры, – дети революции»⁵²; «У пионеров дела по горло. Пионеры читают и пишут...»⁵³; текст «Как Витя стал пионером»⁵⁴; «Открытие пионерского лагеря»⁵⁵; стих «Мать пионера»⁵⁶. Стоит отметить, что формат букваря прекрасно подходил для лозунгов. Они выполняли функцию модератора между отдельными идеями и сообщениями, входящими в общий замысел букварного текста [Рожков 2014, с. 302–303].

Кроме прямых призывов детям предлагалось порассуждать на следующие темы: «Кто такие юные пионеры-ленинцы?»⁵⁷; «Что

⁵² Сверчков И. Указ. соч. С. 23.

⁵³ Там же. С. 38.

⁵⁴ Фридянд Ф., Шалыт Е. Указ соч. С. 119.

⁵⁵ Там же. С. 123.

⁵⁶ Там же. С. 122.

⁵⁷ Там же. С. 123.

вам больше всего нравится у пионеров?»). Кроме того, к детям предъявлялись определенные требования: в тексте «Как пионеры наладили свою жизнь» надпись под изображением гласила: «Все сильные и здоровые ребята»⁵⁸.

Идеальным примером «нового человека» нередко назывался пионер, а пионердвижение представлялось «куском живого социализма»⁵⁹. По этой причине на страницах книг можно было встретить подобные лозунги: «Пионеры ребятам пример»⁶⁰; «Пионеры - смена комсомолу»⁶¹; «Пионер и комсомол в старый мир вбивают кол»⁶².

Достижение положения эталонного члена данной организации предполагало включение пионером в повседневное поведение предписаний, которые были ориентированы на интеграцию ребенка в преобразующую социальную деятельность [Новиков 2021, с. 155].

Из года в год в учебных пособиях представлялись торжественные обещания и оглашались правила для юных пионеров⁶³. В памятках для них указывалось: «Пионер не курит. Пионер не лжет. Пионер не ворует. Пионер не тратит времени попусту. Пионер верен рабочему классу»⁶⁴.

Однако, например, у П.П. Блонского в «Законах юных пионеров» про запрет курения ничего указано не было⁶⁵. Это дает понимание, что право о включении тех или иных положений во многом оставалось за автором учебного пособия.

Пионерия в советском обществе 1920-х гг. начинала играть роль инструмента трансляции норм и ценностей проектируемого «нового мира» [Новиков 2021, с. 155]. Тем самым пионер в пособиях всегда был примером для подражания, социальным и нравственным идеалом.

⁵⁸ Соловьева Е.Е. Указ. соч. С. 65.

⁵⁹ См.: Крупская Н.К. На путях к социализму // Крупская Н.К. Педагогические сочинения: В 11 т. Т. 5. М., 1959. С. 140.

⁶⁰ Путьшев В.А. Указ. соч. С. 11.

⁶¹ Там же. С. 12.

⁶² Там же. С. 47.

⁶³ Сверчков И. Указ. соч. С. 85–86.

⁶⁴ Соловьева Е.Е. Указ. соч. С. 64.

⁶⁵ Блонский П.П. Указ соч. С. 13.

Труд

Большое внимание в учебной литературе уделялось теме труда. Еще в букваре «Светлый путь» за 1918 г. изображено большое количество пахарей, работниц. Цель государства – сформировать человека, который будет готов самоотверженно трудиться, поэтому книга изобиловала изображениями и подписями к ним: «женщина стирает»⁶⁶; «женщина метет»⁶⁷; «женщина гладит»⁶⁸; «женщина моет»⁶⁹. При этом здесь явно прослеживаются гендерные роли, за женщинами четко закрепляется род допустимой деятельности.

Особое внимание обращает на себя следующий вопрос: «Расскажите, как работают ваша мать и отец?»⁷⁰. Он не предполагает отрицательного ответа, а скорее располагает к ассоциативному ряду прилагательных: тяжело, напряженно, коллективно, умственно и т.д.

Людям с детства внушалось, что их личное счастье зависит исключительно от трудовой деятельности. В одной из азбук был представлен весьма показательный текст: «Честный труд – святое дело, с ним широк житейский путь, ходишь бодро, смотришь смело, вольной волей дышит грудь...»⁷¹. Стихотворение, в хрестоматии «Зеленый шум», под названием «Работай» заканчивалось словами: «...все счастье земли – за трудом!»⁷². Встречались и пословицы, например, «Счастье не в богатстве, счастье в труде. – Нет успеха без труда»⁷³.

Детям прививалось понимание того, что труд не ограничивается национальными границами, а активно осуществляется и за рубежом (см. рис. 9).

⁶⁶ Борзова П.А. Указ. соч. С. 7.

⁶⁷ Там же. С. 11.

⁶⁸ Там же. С. 21.

⁶⁹ Там же. С. 27.

⁷⁰ Зеленый шум... С. 43.

⁷¹ Азбука. Дмитриев, 1921. С. 7.

⁷² Зеленый шум... С. 66.

⁷³ Поляков В.Г. Солнышко. Букварь для обучения детей чтению и письму: С картинками для живых бесед и составления рассказов М., Пг., 1923. С. 51.

Рис. 9. Горбунов-Посадов И.И., Горбунова-Посадова Е.Е. Ясная звездочка: Вторая кн. для чтения дома и в шк. М., Пг., 1923. С. 147.

За работой можно видеть даже животных. При этом обратим внимание, что звери зачастую изображаются не по одиночке, а в процессе коллективного труда: либо вместе с сородичами, либо вместе с человеком (см. рис. 10; см. рис. 11).

Рис. 10. Горбунов-Посадов И.И., Горбунова-Посадова Е.Е. Ясная звездочка: Вторая кн. для чтения дома и в шк. М., Пг., 1923. С. 153.

Рис. 11. Горбунов-Посадов И.И., Горбунова-Посадова Е.Е. Ясная звездочка: Вторая кн. для чтения дома и в шк. М., Пг., 1923. С. 189.

В букваре И. Сверчкова читаем: «Петя и Сима – шпионеры. У Пети и Симы работа. Петя и Сима работали. Петя и Сима – дети рабочих. Папа и мама Пети и Симы – рабочие. Их папа рабочий»⁷⁴; «Года деда не молодые. Но он работает и на заводе и дома. Дед старый рабочий. Он герой труда <...> *Идите силы рабочих*»⁷⁵. Так, очевидно, что составители сознательно многократно повторялись слова «рабочий», «работали». Читая это, у ребенка формировалось чувство классовой принадлежности.

Отдельно выделяется тема машинного производства. Если в 1923 г. в книгах больше преобладает ручной труд (см. рис. 12; см. рис. 13), то в учебниках 1924 г. все чаще начинают появляться изображения заводов. После 1925 г. это наблюдается еще ярче.

⁷⁴ Там же. С. 34.

⁷⁵ Там же. С. 74.

Рис. 12. Горбунов-Посадов И.И., Горбунова-Посадова Е.Е. Ясная звездочка: Вторая кн. для чтения дома и в шк. М., Пг., 1923. С. 176.

Рис. 13. Поляков В.Г. Солнышко. Букварь для обучения детей чтению и письму: с картинками для живых бесед и составления рассказов. М., Пг., 1923. С. 64.

Еще 2 года назад в букваре в заданиях к тексту фигурировал вопрос: «А в каких делах лошадь помогает крестьянину?»⁷⁶. Сейчас же пишут: «Деревни и города – сила одна. Фабрики и заводы в городе <...> Крестьянину нужны бороны, плуги, жатки и другие машины <...> Деревня сильна хлебом – город машинами. Один

⁷⁶ Поляков В. Указ. соч. С. 118.

без другого прожить не могут»⁷⁷. Иллюстративный ряд в пособиях был соответствующий (см. рис. 14).

Рис. 14. Новая деревня: Книга для чтения в 1 группе сельской школы / Сост. В.И. Вольтинская, Е.Е. Соловьева, А.М. Смирнова и др. М., Л., 1925. С. 142.

Ребятам предлагался текст для переписывания под названием «Машины – наша сила»⁷⁸. Деятельность самих работников была завязана на производстве. Демонстрировалась практическая польза, которую обретет человек при внедрении технических средств: «Бабушка вяжет чулок на спицах. Варя вяжет чулок на машине. Бабушка вяжет пару чулок пять дней. Варя вяжет в день – 8 пар. ЧТО ВЫГОДНЕЕ? Мама сшила Ване рубашку руками, – она шила ее два дня. Тетя сшила Коле рубашку на машине в два часа»⁷⁹.

Возникновение и активная популяризация темы механизации объясняется тем, что согласно марксистской теории, развитие производительных сил, в том числе техники, являлось основой для построения коммунизма. Для того, чтобы уничтожить частную собственность, нужно увеличить имеющиеся

⁷⁷ Пупышев В.А. Указ. соч. С. 19.

⁷⁸ Сверчков И. Указ. соч. С. 92.

⁷⁹ Соловьев Е.Е. Указ соч. С. 62.

производительные силы в таких пределах, которые необходимы для создания общественного хозяйства⁸⁰. Воспитывая детей с мыслью, что машиностроительная техника является фундаментом развития производства, большевики закладывали фундамент для позитивного восприятия молодым поколением индустриализации в будущем.

Сказка

В 1920-е гг. шла активная борьба со сказкой как литературным жанром. Начало данному процессу было положено еще в 1918 г., когда лидеры Пролеткульта выступили против включения фольклорных сказок в список чтения для детей [Вырупаева 2023, с. 47]. Лишь в 1933 г. Постановлением ЦК ВКП(б) от 9 сентября «Об издательстве детской литературы» сказка была причислена к жанрам, необходимым советской литературе⁸¹.

Подобная политика властей нашла отражение и в учебных пособиях 1920-х гг. В букварях вплоть до 1923 г. встречалось немало сказок: «Маргаритка и жаворонок»⁸²; «Большая Медведица»⁸³; «Баба-яга»⁸⁴; «Чик-Чирик»⁸⁵; «Сказка о рыбаке и рыбке»⁸⁶; «Сказка про белого бычка»⁸⁷ и т.д. На иллюстрациях дети видели сказочных героев (см. рис. 15).

⁸⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М., 1950. С. 55.

⁸¹ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953. М., 1999. С. 203.

⁸² Горбунов-Посадов И.И., Горбунова-Посадова Е.Е. Указ. соч. С. 219.

⁸³ Там же. С. 233.

⁸⁴ Зеленый шум... С. 58.

⁸⁵ Там же. С. 87.

⁸⁶ Там же. С. 207.

⁸⁷ Там же. С. 176.

Рис. 15. Зеленый шум: хрестоматия для трудовой школы: Первый год / Сост. Е.Е. Соловьева и др. М., Пг., 1923. С. 59.

Далее количество волшебных произведений уменьшается, внимание ребенка переориентируется на загадки, пословицы, рассказы, песни, детские работы, стихотворения: «Электричество (рассказ мальчика)»⁸⁸; хоровая песня «Ну, товарищи, скорее!»⁸⁹; «Интернационал»⁹⁰; «Загадка про лапти»⁹¹; «Пословица о труде»⁹². Уже позднее, начиная с 1925 г., сказки и вовсе пропадают со страниц пособий. Данные процессы помогают проследить стремление государства заменить мифологическое мировоззрение ребенка материалистическим.

Праздники

Исходя из приоритетов государства, создавались праздники: «День Интернационала»; «День Великой Октябрьской социалистической революции»; «День низвержения самодержавия» и т.д. С их помощью руководство страны внедряло в сознание советских граждан новые ценностные установки и идеалы [Барышева 2020, с. 23]. Праздничные мероприятия нашли свое отражение и на страницах азбук и букварей.

⁸⁸ Фридлянд Ф., Шалыт Е. Указ. соч. С. 43.

⁸⁹ Блонский П.П. Указ. соч. С. 8-9.

⁹⁰ Пупышев В.А. Указ. соч. С. 61.

⁹¹ Новая деревня... С. 95.

⁹² Борзова П.А. Указ. соч. С. 82.

В центре внимания учебных пособий, как правило, оказывался День интернационала, его упоминаний посредством метода контент-анализа в книгах было выявлено больше всего. В хрестоматии за 1926 г., составителем которой выступила Е.Е. Соловьева, через упоминание данного праздника осуществлялась попытка сформировать ощущение коллективного духа и единства граждан. Например, встречается следующее описание праздника: «Все шли рядами по шести человек и пели <...> Шли ровно, в ногу. На площади было много народу, что не счесть»⁹³.

В задании к тексту просили описать, как ребенок провел данный праздник⁹⁴. После самого текста следовали вопросы: «Какие плакаты вы видели на празднике? Расскажите, как вы провели праздник “1-ое мая”? Что вы видели и слышали на улицах? Как называется этот праздник и почему?»⁹⁵. Таким образом, дети становились частью праздничного процесса, даже если напрямую и не были задействованы в торжестве.

Тексты про праздник «Первое мая» сопровождались соответствующим иллюстративным рядом. На изображениях можно было видеть большое количество людей, что формировало у ребенка чувство причастности к торжеству (см. рис. 16).

Рис. 16. Фридлянд Ф., Шалыт Е. За работой: Первая книга для чтения после букваря. М., 1924. С. 105.

⁹³ Зеленый шум... С. 146.

⁹⁴ Там же. С. 146.

⁹⁵ Соловьева Е. Указ. соч. С. 82.

Разумеется, большое внимание уделялось Дню Великой Октябрьской социалистической революции. Детям транслировались каноны правильного поведения. Подчеркивалось, что во время праздника будут петься революционные песни, вспоминаться Ленин⁹⁶. Школа будет украшаться флагами, а дети будут слушать речи крестьян и рабочих про «их борьбу и победу и как нужно дальше работать»⁹⁷.

В букваре В.А. Пупышева для подростков и вовсе была представлена таблица с важнейшими революционными праздниками и годовщинами. Подобная систематизация окончательно закрепила за ними статус важнейших элементов новой жизни, которые ребенок должен был усвоить (см. рис. 17).

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРАЗДНИКИ И ГОДОВЩИНЫ.	
22 января.	В этот день в 1905 году, по приказу царя, были расстреляны петербургские рабочие, которые мирно шли ко дворцу для передачи прошения царю.
23 февраля.	Годовщина Красной армии, в 1918 году организованной из Красной гвардии.
8 марта.	Международный день работниц.
12 марта.	День свержения царя.
18 марта.	День Парижской Коммуны 1871 года.
17 апреля.	Расстрел рабочих на Лене в 1912 году.
1 мая	Международный праздник трудящихся.
Первое воскресенье июля.	День годовщины создания С. С. С. Р. (1923 г.).
Первое воскресенье сентября.	Международный праздник молодежи. Этот день — спорт молодым революционным силам во всем мире.
7 ноября.	Годовщина Октябрьской революции, свергнувшей капиталистов и установившей власть Советов.

Рис. 17. Пупышев В.А. Пора на работу: Букварь и первая книга для обучения грамоте подростков. Новосибирск, 1926. С. 42.

Отдельный интерес представляет то, как презентовался Международный женский день. Было найдено только одно

⁹⁶ См.: Соловьева Е.Е. Указ. соч. С. 57.

⁹⁷ Фортунатова Е.Я., Шлегер А.К. Школа и деревня: Букварь. М., Л., 1929. С. 62.

упоминание об этом празднике, в букваре В.А. Пупышева⁹⁸. Связано это было с тем, что 8 марта не являлось праздником в современном понимании и даже было обычным рабочим днем вплоть до 1960-х.

Праздники представлялись не как личное сакральное переживание ребенка, а как мероприятие, которое было направлено на формирование коллективного духа, ассоциирование себя с толпой и осознание себя частью большого социального класса – пролетариата. Кроме того, они, удачно соотносясь с присущим здоровой детской психике позитивным настроением и характерным для детей стремлением к определенности, четкому разграничению «хорошего» и «плохого», способствовали успешному и прочному закреплению в детском сознании образов «хороших» революционеров, героев и вождей [Сальникова, Галиуллина 2013, с. 120].

Заключение

Таким образом, учебная литература для детей и подростков в 1918–1929 гг., кроме обучения, направленного на развитие навыков чтения и письма, также становилась средством конструирования советской идентичности.

Формирование «нового человека» начиналось с первых же прочитанных ребенком слов. Притяжательное местоимение «наш» закладывало в детское сознание бинарную оппозицию «свой – чужие» и воспитывало коллективистское мышление взамен дореволюционного индивидуализма. В учебных текстах фиксируется деятельность по переосмыслению исторического нарратива. Царское прошлое подвергалось дискредитации через акцентирование на темах рабства и угнетения, в то время как советская власть представлялась в образе государства-освободителя и защитника трудящихся. Параллельно с этим формировалась новая гражданская идентичность, строящаяся на усвоении государственных символов. Наблюдается формирование идеализированного образа В.И. Ленина, который после своей смерти приобрел вымышленные черты. Прослеживается, что

⁹⁸ Пупышев В.А. Указ соч. С. 44.

антирелигиозная пропаганда была внедрена в учебную литературу не сразу.

Показательной становится эволюция содержания учебников в вопросах трудового воспитания и технического прогресса, где сначала преобладало изображение ручного крестьянского труда с четким гендерным разделением обязанностей, а затем на страницах все чаще стали появляться тексты о преимуществах механизации. Кроме того, ребенку внушалось, что личное счастье неразрывно связано с трудом.

Одновременно с этим из учебной литературы практически полностью исчезала сказка, уступив место таким жанрам, как загадка, пословица, стихотворение. Тем самым государство стремилось заменить мифологическое мировоззрение ребёнка материалистическим.

Гигиенические нормы, внедрявшиеся через своды правил и лозунгов на страницах букварей, также обретали идеологический смысл: забота о здоровье становилась обязанностью перед коллективом. Пионерия, появляющаяся в учебниках, окончательно закрепляла нравственный идеал советского ребенка: дисциплинированного, трудолюбивого, здорового и преданного делу рабочего класса. Детские дома и очаги, несмотря на тяжелую реальную ситуацию, презентовались в учебной литературе как образцовые учреждения, осуществляющие заботу советской власти о подрастающем поколении. Наконец, революционные праздники активно внедрялись в сознание ребенка через тексты, иллюстрации и таблицы для заучивания.

Следовательно, учебная литература стала выполнять функцию политической социализации, превращая ребенка из простого ученика в юного гражданина и строителя коммунизма. Повторяемость сюжетов, обилие нарративов и их эмоциональная окраска способствовали формированию у подрастающего поколения классового самосознания и лояльности к новому режиму.

ЛИТЕРАТУРА

- Барышева 2020 – Барышева Е.В. «В веселом грохоте, в огнях и звонах»: советский праздник в социальном конструировании нового общества. М.: РГГУ, 2020. 192 с.
- Безрогов, Ромашина 2019 – Безрогов В.Г., Ромашина Е.Ю. Сам и сами: ребенок в российских азбуках и букварях первой трети XX века // Историко-педагогический журнал. 2019. № 2. С. 87–107.
- Вырупаева 2023 – Вырупаева А.П. Советская идеология против «волшебства»: борьба со сказкой во второй половине 1920-х годов // Вестник БГУ. 2023. № 1. С. 47–54.
- Ларин 2020 – Ларин И.Н. Азбуки и буквари 1918–1930 гг. как инструмент распространения советской идеологии // Время науки – The Times of Science. 2020. № 2. С. 69–81.
- Лотман 2017 – Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Развитие личности. 2017. № 1. С. 13–59.
- Новиков 2021 – Новиков С.Г. Пионерия в системе воспитания «нового человека» (1920-е годы) // Проблемы современного образования. 2021. № 3. С. 150–162.
- Рожков 2014 – Рожков А.Ю. Иммунизация «советскости»: северокавказский букварь как транслятор идеологии (1927–1932 гг.) // Начало учения детям: роль книги для начального обучения в истории образования и культуры / Под ред. Н.Б. Баранниковой. М.: Канон-плюс, 2014. С. 277–307.
- Рожков 2017 – Рожков А.Ю. Визуальные образы «советскости» в школьном букваре 1920–1930-х гг.: контент, структура, динамика // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2017. Вып. 45. С. 57–72.
- Сальникова, Галиуллина 2013 – Сальникова А.А., Галиуллина Д.М. Татарские буквари на кириллице: от букваря Н.И. Ильминского до советских учебников конца 1930–1950-х гг. // Отечественная и зарубежная педагогика. 2013. № 4. С. 102–120.
- Сенькина 2012 – Сенькина А.А. Последний авангардный проект советской школы: журналы-учебники 1930–1932 гг. //

Отечественная и зарубежная педагогика. 2012. № 4. С. 60–91.

Тумаркин 1999 – Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России / Пер. с англ. С.Л. Сухарева. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. 285 с.

REFERENCES

- Barysheva, E.V. (2020), “*V veselom grokhote, v ognakh i zvonakh*”: sovetskij prazdnik v sotsialnom konstruirovanii novogo» [“In the merry rumble, in the lights and chimes”: The Soviet holiday in the social construction of the new society], RGGU, Moscow, Russia.
- Bezrogov, V.G. and Romashina, E.Yu. (2019), “Self and selves: child personality in Russian primers? (1906–1936)”, *Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal*, no. 2, pp. 87–107.
- Larin, I.N. (2020), “ABCS and PRIMERS in 1918–1930 as a Tool for the Dissemination of the Soviet Ideology”, *Vremya nauki – The Times of Science*, no. 2, pp. 69–81.
- Lotman, Yu.M. (2017), “Inside the Thinking Worlds”, *Development of Personality*, no. 1, pp. 13–59.
- Novikov, S.G. (2021), “Pioneering in the System of Education of the ‘New Man’ (1920s)”, *Problems of Modern Education*, no. 3, pp. 150–162.
- Rozhkov, A.Yu. (2014), “Immunization of ‘Sovietness’: The North Caucasian Primer as a Translator of Ideology (1927–1932)”, in Barannikova, N.B. (ed.), *Nachalo ucheniya detyam: rol knigi dlya nachalnogo obucheniya v istorii obrazovaniya i kultury* [The Beginning of Teaching Children: the Role of the Primary Textbooking the History of Education and Culture], Kanon-plus, Moscow, Russia, pp. 277–307.
- Rozhkov, A.Yu. (2017), “Visual Images of ‘Sovietness’ in ABC Book of 1920s and 1930s: Content, Structure, Dynamics”, *St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology*, no. 45, pp. 57–72.
- Salnikova, A.A. and Galiullina, D.M. (2013), “Tatar alphabets in Cyrillic: from N.I. Ilminsky’s primer to Soviet textbooks of the late 1930s – 1950s”, *Domestic and Foreign Pedagogy*, no. 4, pp. 102–120.

- Senkina, A.A. (2012), “The Last Avant-Garde Project of the Soviet School: Magazines-Textbooks of 1930–1932”, *Domestic and Foreign Pedagogy*, no. 4, pp. 60–91.
- Tumarkin, N. (1999), *Lenin zhiv! Kult Lenina v Sovetskoy Rossii*, [Lenin Lives! The Cult of Lenin in Soviet Russia], Gumanitarnoe agentstvo “Akademycheskiy proekt”, St. Petersburg, Russia.
- Vyrupaeva, A.P. (2023), “Soviet ideology against «magic»: the struggle with the fairy tale in the second half of the 1920s”, *Vestnik BGU*, no. 1, pp. 47–54.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дарья К. Сидорова, студентка бакалавриата, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; darya.sidorova.2024@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Daria K. Sidorova, bachelor student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 125993, Russia, Moscow, Miusskaya pl., 6; darya.sidorova.2024@mail.ru

УДК 930(2)

К вопросу об эволюции советской критики
буржуазной историографии в годы перестройки

Юлиана Н. Ершова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, yulanna.yershova@mail.ru*

Аннотация. В статье выявляются временные рамки, в которые советские ученые перешли от целенаправленной критики западных исторических трудов к попыткам их беспристрастной оценки. В условиях Холодной войны критика работ, отличающихся от установок марксизма-ленинизма, выступала обычной научной практикой. Однако с наступлением перестройки и демократизацией общества были запущены процессы обновления исторической науки. Преобразования в государстве позволили начать реорганизацию самых разных сфер общественной жизни, в числе которых оказалась и историческая наука. Так, критика капиталистической историографии претерпела значительные изменения, для прослеживания которых автор привлекает историографические обзоры на западные исследования, издававшиеся в ведущей научной периодике АН СССР во второй половине 1980-х гг. Трансформации в риторике советских ученых сопоставляются с партийными постановлениями, затрагивавшими развитие исторической науки. Это позволяет проследить, как изменения во внутренней и внешней политике Советского Союза повлияли на деидеологизацию советской историографии и формирование современных основ изучения научной литературы немарксистского толка.

© Ершова Е.Н., 2026

Автором было выявлено, что ускорение социально-экономического развития и прочие внутривластные преобразования первых этапов перестройки преследовали целью, прежде всего, совершенствование социалистического строя, что лишь усиливало критику достижений стран капиталистического уклада. Изменения же в историографических работах наступили лишь в 1988 г., когда реформы стали заметно радикализироваться, а во внешнеполитическом курсе страны утвердилось «новое политическое мышление».

Ключевые слова: АН СССР, история науки, перестройка, советская историография, советская наука

Для цитирования: Ершова Ю.Н. К вопросу об эволюции советской критики буржуазной историографии в годы перестройки // Молодой историк. 2026. № 2(6). С. 141-157.

How Soviet criticism of bourgeois historiography transformed during the Perestroika period

Juliana N. Yershova

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, yulanna.yershova@mail.ru

Abstract. The article identifies the time frame within which Soviet scholars transitioned from targeted criticism of Western historiography to their attempts to objectively evaluate them. During the Cold War period, criticism of works different from the Marxist-Leninist principles was a common scientific practice. However, with the onset of perestroika and the democratization of society, the processes of updating historical science were triggered. The transformations in the state allowed for the reorganization in various areas of public life, including historical science. As a result, the criticism of capitalist historiography underwent significant changes, to trace which the author draws on historiographical reviews of Western research published in the leading scientific journals of the USSR Academy of Sciences in the second half of the 1980s. The author compares the transformations in the rhetoric of Soviet scholars with the party resolutions that affected the

development of historical science thus making it possible to trace how changes in the domestic and foreign policies of the Soviet Union influenced de-ideologization of Soviet historiography and formation of modern foundations for studying non-Marxist scientific literature. The author also reveals that the acceleration of socio-economic development and other domestic political transformations during the early stages of perestroika were primarily aimed at improving the socialist system, which only intensified criticism of the achievements of capitalist countries. However, changes in historiographical works only occurred in did not happen until 1988, the year when reforms became more radicalized and the country's foreign policy adopted a "new political thinking."

Keywords: USSR Academy of Sciences, history of science, perestroika, Soviet historiography, Soviet science

For citation: Yershova, J.N. (2026), "How Soviet criticism of bourgeois historiography transformed during the Perestroika period", *Young Historian*, no. 2(6), pp. 141-157.

Партийно-государственные структуры значительно влияли на общественную жизнь в Советском Союзе, поскольку для удержания власти после революционных событий 1917 г. потребовалось установление государственного контроля над целым рядом сфер. К их числу была отнесена и историческая наука, так как «верная» интерпретация прошлого позволяла легитимизировать советскую власть. Историческое знание оказывалось сковано строгими идеологическими предписаниями, выход за рамки которых тщательно пресекался¹ [Смирницкий 2026, с. 88]. От исследователей требовалось сохранение и воспроизводство набора устоявшихся идеологических штампов, что затрудняло обновление исторической мысли в трудах советских ученых. Рассматриваемые историками события и процессы часто становились дополнительным подкреплением тех закономерностей, что были прежде открыты и утверждены.

¹ Например, в начале 1970-х гг. школа историков «нового направления», выросшая из семинаров М.Я. Гефтера, была «разгромлена», так как исследования авторов ставили под сомнение наличие в стране объективных предпосылок для социалистической революции.

Положения марксистско-ленинского учения было не принято подвергать сомнению, из-за чего спор если и возникал, то касался лишь частных деталей. А.П. Логунов, наблюдая за стремительным развитием исторического знания после распада Советского Союза, отмечал, что к началу перестройки «история могла гордиться, что стала наукой без проблем» [Логунов 1996, с. 450].

Такая связь исторического знания с политической конъюнктурой привела к тому, что расширение проблемного поля и обновление исторической науки стало возможно лишь во второй половине 1980-х гг., когда с началом перестройки значительно ослабла государственная цензура. Спустя всего несколько лет реформ изменения в стране приняли необратимый характер, а историческое знание стало выходить из-под государственного контроля. Появилась возможность применять альтернативную методологию, поднимать ранее нежелательные темы, вести активный диалог с мировым историческим сообществом и обмениваться научным опытом. Изменения затронули и историографические исследования. Ранее в отношении немарксистских исторических работ доминировала критика и утверждения о превосходстве марксизма в качестве научного метода [Мохначева 1996, с. 80], что не способствовало налаживанию внешних академических связей. В ситуации Холодной войны такая антикапиталистическая риторика становилась способом заявить о своей принадлежности к социалистическому блоку. Советские историки были вынуждены использовать марксистский язык исследований и критически оценивать научные достижения государств иного строя. Выборка немарксистской историографии часто представляла собой податливый для критики материал, из-за чего возникала иллюзия тотального превосходства советского исторического знания. С наступлением же перестройки язык исследований и понятийный аппарат советских историков стал постепенно меняться. Новая политическая культура потребовала пересмотра прежних позиций и ухода от марксистской риторики.

В текущей статье мы постараемся проследить время изменений в советских историографических исследованиях, произошедших под влиянием перестройки и новых политических ориентиров. Для этого будут использоваться партийные

постановления, значимые для исторического сообщества, а также советские историографические исследования, посвященные репрезентации образа советского строя в работах ученых из стран Западного блока. В качестве основного источника были выбраны публикации из крупнейших советских исторических журналов, аффилированных с деятельностью АН СССР: «История СССР» и «Вопросы истории». В частности, привлекались статьи, публиковавшиеся в разделе об изучении истории СССР за рубежом. Причиной именно такого выбора стало то, что ведущая историческая периодика не только отражала академические настроения в историческом сообществе, но и подавала «исследовательский пример» иным работам этого периода.

Как известно, вторая половина XX в. началась для Советского государства кратким периодом либерализации. Н.С. Хрущев инициировал ослабление государственного контроля и процессы частичной демократизации. Однако после его отставки новому руководителю государства, в особенности с подавлением Пражской весны, стало ясно, что дальнейшее расширение свобод способно вызвать реальную угрозу советской стабильности. Охранительные тенденции вновь стали нарастать, а партия возвращать свое влияние: в Конституцию 1977 г. была введена 6-я статья, закрепляющая за КПСС главенствующую роль в стране². Сам же период – когда во главе государства находился Л.И. Брежнев – получил в историографии наименование «застой». Общие тенденции развития страны замедлились, а идеологизация государства с каждым годом набирала все большие обороты. На этом фоне 1980-е гг. стали для Советского Союза временем перемен. Целый комплекс реформ был начат с приходом к власти нового Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева.

В условиях Холодной войны отношения с государствами иного, капиталистического уклада могли строиться лишь на принципах конфронтации. Глобальное противостояние общественно-политических систем требовало строгого

² Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. 1977. С. 4.

государственного контроля за формированием представлений о прошлом Советского Союза [Смирницкий 2026, с. 85]. В соответствии со статьями Уголовного кодекса, за распространение «измышлений, порочащих Советское государство и общественный строй», возлагалась ответственность [Шестаков 2010, с. 33], что требовало от исследователей безоговорочной поддержки марксизма-ленинизма. Выходящие в Советском Союзе научные труды проходили через строгую государственную цензуру. Противоречащие партийным установкам работы не могли быть пропущены в печать, особенно если касались важнейших общественно-политических процессов и событий, поэтому исследователи были вынуждены подвергать свои работы строгой самоцензуре. Со временем марксистская риторика стала привычным обрамлением научного языка советских историков. Так, необходимость отстаивания собственного общественно-политического строя приводила к тому, что в отношении иной, капиталистической системы, допускалась лишь критика. Поэтому необходимым элементом любого обзора немарксистской историографии выступало принижение ее достижений и ответное восхваление советских успехов.

1980-е гг. в развернувшейся Холодной войне были объявлены периодом ухудшения международной ситуации, о чем говорилось в отчетах июньского пленума ЦК КПСС 1983 г. В материалах отмечалось, что к этому времени сложилось «небывалое за весь послевоенный период обострение борьбы двух общественных систем», в связи с чем требовалось бескомпромиссное противостояние «буржуазной идеологии»³. Научное сообщество с вниманием отнеслось к итогам Пленума. На одном из заседаний АН СССР историки поставили на обсуждение новые задачи исторической науки. Среди прочих положений ими неоднократно повторялась важность идеологизации исторического знания, поскольку именно «верная» трактовка исторического опыта способна «давать аргументированный отпор клеветническим

³ Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии // Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14–15 июня 1983 г. М., 1993. С. 68.

измышлениям идейных противников»⁴. Так, акцент на «защите» марксизма-ленинизма и усилении антизападной риторики внутри страны стали основой для целого ряда критических работ. Тексты таких обзоров сопровождалась набором ярких оценочных суждений в адрес западных ученых: «клеветнические измышления» [Рыбалкина 1985, с. 213], «буржуазные фальсификаторы» [Ржешевский 1985, с. 156], «претенциозные заявления» [Боганцев, Тропин 1985, с. 194], «идеологи империализма» [Чертина 1985, с. 198], «антиисторичность концепций» [Коробочкин 1985, с. 165] и др. Характер критики в большинстве историографических трудов сводился к общей формуле: надуманность тезисов, несерьезность аргументов и бесосновательность выводов.

Цель исследования чаще всего сопровождало длинное предисловие о важности «разоблачения» западных ученых, стремящихся сфальсифицировать историю Советского Союза. Исходя из этого, основной задачей советского историка становилось критическое рассмотрение существующих в зарубежной историографии версий по какому-либо вопросу [Быстров, Кульков 1985, с. 169–170]. Это приводило к ситуации, когда в зарубежных научных трудах оценивали не научную значимость, а степень «искажения» советских трактовок исторического процесса, чтобы показать антикоммунистическую направленность советологии [Гречихо 1985, с. 180]. Некоторые авторы и вовсе не заботились о нейтральности формулировок, а сразу предупреждали читателя, что собираются «подвергнуть критическому анализу новейшие версии буржуазной историографии» [Виттенберг 1986, с. 194].

С приходом же к власти М.С. Горбачева были запущены реформы, приведшие науку к ее обновлению. Однако изменение устоявшегося положения дел наступило далеко не сразу. В реалиях Советского государства запускать преобразования должна была инициатива сверху [Елисеева 2010, с. 56]. Властная монополия, утвержденная за партией, позволяла ей проводить в жизнь любые решения. Имея широкие полномочия, руководители партии стали реализовывать новый реформаторский курс, который изначально

⁴ Обсуждение задач исторической науки в свете решений июньского (1983) Пленума ЦК КПСС // Вопросы истории. 1983. № 9. С. 18.

не предполагал радикальных преобразований. В 1985–1986 гг. окружение М.С. Горбачева и сам Генеральный секретарь ставили вопрос лишь о совершенствовании социализма. Инициированные ими реформы были призваны преодолеть факторы замедления, а не кардинально изменить существующий строй [Елисеева 2010, с. 70–71]. Это подтверждается и характером задач, поставленных перед советскими историками по итогам XXVII съезда КПСС. Поскольку сам съезд запустил курс на «ускорение» социально-экономического развития, академическому сообществу было объявлено, что требуется реорганизация исторической науки и исследовательских практик с целью повышения их эффективности. Основы же советского исторического знания должны были оставаться неизменными, целью ставилось лишь достижение большей научной эффективности. Исходя из этого, в оценке немарксистской историографии предполагалось сохранить критическую направленность: от историков требовался «дух наступательности в отношении фальсификаций исторического процесса буржуазными идеологами» [Тихвинский 1986, с. 6]. Так, в этот период верность социалистического выбора не подвергалась сомнению, а критика капиталистического строя не теряла своей актуальности.

Эту тенденцию подтвердил и январский Пленум ЦК КПСС 1987 г., где повторились призывы объединить усилия в «деле активизации критики буржуазных концепций исторической науки» [Тихвинский 1987, с. 12]. В соответствии с ним в течение 1987 г. историки сохраняли критические позиции в отношении западного научного сообщества. В особенности те, кто занимался проблемами истории Советского Союза. Труды советологов активно «разоблачались». Говорилось о том, что западные историки стремятся подорвать международный авторитет СССР [Гречихо 1987, с. 201]; упоминался «империализм», который всячески пытается «дискредитировать реальные достижения социализма» [Гришаев 1987, с. 195]. Тем самым актуальность подобных исследований не подвергалась сомнению, а идеологическим обоснованием острой критики зарубежных работ выступал теперь уже XXVII съезд КПСС. Например, в своей историографической статье Е.Я. Виттенберг говорил о том, что

именно в свете решений этого съезда стало ясно, как важно совершенствовать социализм и защищать его от капиталистических «обвинений». Для этого автором и была поставлена цель «показать несостоятельность новейших советологических концепций» [Виттенберг 1987, с. 195].

Изменения же последовали лишь с началом 1988 г., когда все отчетливее стал меняться внешнеполитический курс страны. Критикуя достижения ученых из стран Западного блока, советские историки во многом следовали тем внешнеполитическим установкам, какие в условиях биполярного мира требовали враждебного отношения к странам иного устройства. Однако с утверждением «нового политического мышления» приоритет стал отдаваться общечеловеческим, а не классовым ценностям. Это потребовало преодоления раскола биполярного мира, а значит, и снятия напряженности между двумя общественно-политическими системами. Так, в 1987 г. стали появляться историографические обзоры, избегающие резкой критики западных коллег. Новая идейная основа позволила советским ученым задаться прежде невозможными вопросами. Например, А.Н. Мерцалов, завершая обзор немарксистской историографии о Второй мировой войне, открыто поднял вопрос о действенности «разоблачений», которые до зарубежного читателя практически не доходят, а на отечественного мало влияют [Мерцалов 1987, с. 50].

Эта мысль была не нова и даже удостоилась целого обсуждения за круглым столом, который был организован редакцией журнала «История СССР» 1 июля 1987 г.⁵ В обсуждении приняли участие представители крупнейших научных структур Советского Союза, от исторических отделений АН СССР и до ведущих советских университетов. Проблема отношения к немарксистской историографии была выведена на новый уровень осмысления. Участники встречи подняли целый комплекс вопросов, связанных с целесообразностью критики немарксистской историографии в условиях «нового политического мышления». По итогу встречи ученые признали необходимость конструктивного диалога с западным академическим сообществом

⁵ Современная немарксистская историография и советская историческая наука. Беседа за «круглым столом» // История СССР. 1988. № 1. С. 172–202.

и важность отказа от позиции признания «нашей истины» единственно верной. Беседа стала знаковым событием и во многом определила те тенденции в изучении немарксистских исследований, какие будут заметны в 1990-е гг.

Здесь же стоит говорить, что между написанием статьи и ее публикацией существует определенный временной разрыв. К моменту, когда мы замечаем ту или иную идею в печати, она успевает пройти долгий путь созревания в уме исследователя, воплощения на бумаге, прохождения редактуры, и лишь затем уже публикации в одном из научных журналов. Так, сдвиги в критике немарксистской историографии становятся заметны лишь к середине 1988 г. В первую очередь меняется исследовательский язык. В целом ряде научных публикаций исчезают «буржуазные фальсификации», утверждения об «антисоветизме» и слова о намеренном «искажении истин» советологами. Более того, иной становится и направленность историографических работ. Если ранее в обзорах прямо говорилось о необходимости «разоблачить» немарксистскую научную литературу, то уже в середине 1988 г. историк В.Д. Соловей в качестве цели своего исследования говорит об «анализе совокупности работ <...> и определении основных тенденций развития буржуазной историографии» по поставленной им проблеме [Соловей 1988, с. 200]. Сверх того, подводя итоги написанному, исследователь признает, что в ряде вопросов «западные ученые опережают своих советских коллег» [Соловей 1988, с. 215]. А историк А.Н. Медушевский вместо призывов продолжить критику немарксистской историографии, наоборот, подчеркивает важность использования советскими историками «новых методик» из зарубежной науки, в числе которых, например, количественные методы и изучение психологической мотивации исторических деятелей [Медушевский 1988, с. 205–206].

Между тем, волна перемен лишь нарастала, и к концу 1988 г. стали появляться работы, в которых критически оценивались уже достижения советской исторической науки. В рецензии на книгу, посвященную «критике буржуазных концепций», исследователь А.Л. Айзенштадт подчеркнул справедливость критической оценки советской научной литературы о «буржуазной историографии». По его словам, в ней вся «советология трактуется как

антикоммунистическая, а для опровержения буржуазных концепций используются вырванные из контекста цитаты, намеренно оглуляющие наших оппонентов» [Айзенштадт 1989, с. 206]. Более того, в словах автора звучали призывы историческому сообществу избавиться от «примитивно-разоблачительского» подхода и заменить его на научную критику и обмен опытом исторических исследований [Айзенштадт 1989, с. 208].

Как видно, уже к середине 1988 г. реформаторский курс в стране заметно радикализировался. Более того, М.С. Горбачев инициировал рассекречивание дел о репрессиях 1930-х гг., обсуждение вопросов о перегибах периода коллективизации и индустриализации, что способствовало изданию большого количества ранее запрещенных в СССР трудов [Елисеева 2010, с. 75–76]. Запущенные процессы десакрализации социализма еще более усилились решениями XIX партконференции КПСС, где Генеральный секретарь произнес речь об углублении преобразований и необходимости создания «качественно нового отечественного научного потенциала» [Ханин 2021, с. 178]. Так, пересмотр советского исторического опыта в сочетании с возможностью поднимать прежде табуированные темы привел к расколу советского общества на сторонников и противников социализма. Эти процессы затронули и историческое сообщество. Научные труды начали все сильнее отходить от рамок марксизма-ленинизма, что запустило новый этап теоретико-методологических поисков отечественной исторической науки.

Так, наибольшие изменения в критике немарксистской историографии стали заметны с середины 1988 г. Вплоть до этого времени историографические исследования немарксистских научных трудов были крайне идеологизированы, что выражалось не только в марксистской риторике, но и в целях, какие ставили в своих работах советские историографы. Подбор источников и аргументации часто служил для «разоблачения» антисоветски направленных трудов, а не выявления научной значимости зарубежных исследований, что было вызвано противостоянием социалистической и капиталистической общественных систем. С началом же перестройки ситуация начала меняться, однако далеко не сразу. XXVII съезд КПСС, запустивший в 1986 г. курс на

преобразования внутри страны, не только не предполагал коренных изменений в социалистическом устройстве государства, но и, наоборот, провозглашал совершенствование социализма. В соответствии с этим установки на критику капиталистического строя сохранялись. Изменения же наступили с утверждением «нового политического мышления» и углублением внутривластных реформ, когда был объявлен курс на сближение с европейскими странами и Америкой. Он позволил начать постепенный переход от антизападной риторики к межгосударственному научному диалогу и признанию плюрализма мнений.

ЛИТЕРАТУРА

- Айзенштадт 1989 – *Айзенштадт А.А.*: Н.Я. Гуцин, В.А. Жданов. Критика буржуазных концепций истории сибирской деревни // История СССР. 1989. № 1. С. 206–208.
- Боганцев, Тропин 1985 – *Боганцев А.А., Тропин В.И.* Современная буржуазная историография о борьбе большевиков за руководство крестьянским движением в годы первой российской буржуазно-демократической революции // История СССР. 1985. № 1. С. 193–208.
- Быстров, Кульков 1985 – *Быстров В.Е., Кульков Е.Н.* Партизанское движение в период Великой Отечественной войны в современной буржуазной историографии // История СССР. 1985. № 3. С. 168–177.
- Виттенберг 1986 – *Виттенберг Е.Я.* Современная буржуазная историография об участии трудящихся СССР в управлении производством // История СССР. 1986. № 2. С. 194–209.
- Виттенберг 1987 – *Виттенберг Е.Я.* Социальная структура советского рабочего класса в освещении новейшей буржуазной историографии // История СССР. 1987. № 3. С. 194–210.
- Гречиго 1985 – *Гречиго С.Е.* Борьба Советского государства за мирное сосуществование в первые послереволюционные годы и современная буржуазная историография // История СССР. 1985. № 6. С. 179–188.

- Гречихо 1987 – *Гречихо С.Е.* Курс СССР на укрепление международной безопасности и разоружение и новейшая буржуазная историография // История СССР. 1987. № 1. С. 201–215.
- Гришаев 1987 – *Гришаев С.В.* Буржуазные историки о демографическом развитии СССР на современном этапе // История СССР. 1987. № 2. С. 195–201.
- Елисеева 2010 – *Елисеева Н.В.* Ускорение и перестройка в 1986–1988 гг. // Перестройка и крах СССР. 1985–1993 / Под. ред. Т.М. Бойко. СПб.: Норма, 2010.
- Коробочкин 1985 – *Коробочкин М.А.* Проблемы истории Второй мировой войны в журнале «The Journal of Modern History» // Вопросы истории. № 1. 1985. С. 160–166.
- Логунов 1996 – *Логунов А.П.* Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80 – начала 90-х гг. // Советская историография / Под. ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996.
- Медушевский 1988 – *Медушевский А.Н.* Российское государство XVII-XVIII вв. в освещении современной немарксистской историографии (обзор литературы) // История СССР. 1988. № 3. С. 195–206.
- Мерцалов 1987 – *Мерцалов А.Н.* О критике буржуазной историографии Второй мировой войны // Вопросы истории. 1987. № 12. С. 35–50.
- Мохначева 1996 – *Мохначева М.П.* Советская историческая наука на международных научных форумах: истоки несостоявшегося диалога // Советская историография / Под. ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996.
- Ржешевский 1985 – *Ржешевский О.А.* Новейшая буржуазная историография о коренном переломе в ходе Второй мировой войны // История СССР. 1985. № 3. С. 155–168.
- Рыбалкина 1985 – *Рыбалкина И.Г.* Советский Союз и страны Африки. Критика новейших буржуазных концепций // История СССР. 1985. № 1. С. 209–216.

- Смирницкий 2026 – *Смирницкий А.Е.* Актуальные проблемы развития советской исторической науки (1917–1991). М.: ИНФРА-М, 2026. 157 с.
- Соловей 1988 – *Соловей В.А.* Процесс становления советской исторической науки (1917 – середина 30-х гг.) в освещении американской и английской историографии // История СССР. 1988. № 4. С. 200–215.
- Тихвинский 1986 – *Тихвинский С.А.* Состояние и задачи координации исторических исследований // Вопросы истории. 1986. № 9. С. 3–15.
- Тихвинский 1987 – *Тихвинский С.А.* Январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС и историческая наука // Вопросы истории. 1987. № 6. С. 3–13.
- Ханин 2021 – *Ханин Г.И.* Почему провалилась попытка ускорить научно-технический прогресс в перестроечном СССР // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2021. № 6. С. 176–192.
- Чертина 1985 – *Чертина З.С.* Новейшая буржуазная историография о развитии наций и народностей СССР на современном этапе (по материалам Советской Средней Азии) // История СССР. 1985. № 4. С. 193–205.
- Шестаков 2010 – *Шестаков В.А.* Советский Союз к 1984 году // Перестройка и крах СССР. 1985–1993 / Под. ред. Т.М. Бойко. СПб.: Норма, 2010.

REFERENCES

- Bogantsev, A.A., Tropin B.I. (1985), “Modern bourgeois historiography about the Bolshevik Struggle for leadership of the peasant movement during the First Russian Bourgeois-Democratic Revolution”, *History of the USSR*, no. 1, pp. 193–208.
- Bystrov, V.E., Kulkov, E.N. (1985), “The partisan movement during the Great Patriotic War in modern bourgeois historiography”, *History of the USSR*, no. 3, pp. 168–177.
- Chertina, Z.S. (1985), “The latest bourgeois historiography about the development of the nations and nationalities of the USSR (Based

- on the materials of Soviet Central Asia)", *History of the USSR*, no. 4, pp. 193–205.
- Eisenstadt, A.L. (1989), "N.J. Gushchin, V.A. Zhdanov. Criticism of bourgeois concepts of the history of the Siberian village", *History of the USSR*, no. 1, pp. 206–208.
- Eliseeva, N.V. (2010), *Yskorenie i perestroika v 1986-1988 gg.*, in Boyko, T.M. (ed.), *Perestroika I krakh SSSR* [Perestroika and the collapse of the USSR], Norma, Saint Petersburg, Russia, pp. 56–99.
- Grechiho, S.E. (1985), "The struggle of the Soviet state for a peaceful future in the first post-revolutionary years and modern bourgeois historiography", *History of the USSR*, no. 6, pp. 179–188.
- Grechiho, S.E. (1987), "The USSR's course towards strengthening international security and disarmament and the latest bourgeois historiography", *History of the USSR*, no. 1, pp. 201–215.
- Grishaev, S.V. (1987), "Bourgeois-historians about the demographic development of the USSR on modern stage", *History of the USSR*, no. 2, pp. 195–201.
- Khanin, G.U. (2021), "Why did the attempt to accelerate scientific and technological progress in the USSR during the Perestroika fail?", *Vserossijskij ekonomicheskij zhurnal ECO*, no. 6, pp. 176–192.
- Korobochkin, M.L. (1985), "Problems of the history of the Second World War in 'The Journal of Modern History'", *Questions of history*, no. 1, pp. 160–166.
- Logunov, A.P. (1996), *Krizis istoricheskoi nauki ili nauka v usloviyah obshchestvennogo krizisa: otechestvennaya istoriografiya vtoroi poloviny 80 – nachala 90-x gg.*, in Afanasiev, Yu.N. (ed.), *Sovetskaya istoriografiya* [Soviet historiography], RGGU, Moscow, Russia, pp. 447–487.
- Medushevsky, A.N. (1988), "The Russian State of the 17th and 18th Centuries in the modern non-marxist historiography", *History of the USSR*, no. 3, pp. 195–206.
- Mertsalov, A.N. (1987), "About the criticism of bourgeois historiography of the second World War", *Questions of history*, no. 12, pp. 35–50.
- Mokhnacheva, M.P. (1996), *Sovetskaya istoricheskaya nauka na mejdunarodnyih nauchnyih forumach: istoki nesostoyavshegosya dialoga*, in

- Afanasiev, Yu.N. (ed.), *Sovetskaya istoriographia* [Soviet historiography], RGGU, Moscow, Russia, pp. 78–123.
- Rybalkina, I.G. (1985), “The Soviet Union and African countries. Criticism of the latest bourgeois concepts”, *History of the USSR*, no. 1, pp. 209–216.
- Rzheshhevsky, O.A. (1985), “The latest bourgeois historiography about turning of the tide during the Second World War”, *History of the USSR*, no. 3, pp. 155–168.
- Shestakov, V.A. (2010), *Sovetskiy Soyuz k 1984 gody*, in Boyko, T.M. (ed.), *Perestroika I kerah SSSR* [Perestroika and the collapse of the USSR], Norma, Saint Petersburg, Russia, pp. 5–55.
- Smirnitsky, A.E. (2026), *Aktualnye problemy razvitiya sovetskoy istoricheskoy nayki (1917–1991)* [Actual problems of the development of Soviet historical science (1917–1991)], Infra, Moscow, Russia.
- Solovey, V.D. (1988), “The process of formation of Soviet historical science (1917 – mid-30s.) in American and English historiography”, *History of the USSR*, no. 4, pp. 200–215.
- Tikhvinsky, S.L. (1986), “The status and tasks of coordinating historical research”, *Questions of history*, no. 9, pp. 3–15.
- Tikhvinsky, S.L. (1987), “January (1987) Plenum of the Central Committee of the CPSU and historical science”, *Questions of history*, no. 6, pp. 3–13.
- Wittenberg, E.Y. (1986), “Modern bourgeois historiography on the participation of the workers of the USSR in the management of production”, *History of the USSR*, no. 2, pp. 194–209.
- Wittenberg, E.Y. (1987), “The social structure of the Soviet working class in the latest bourgeois historiography”, *History of the USSR*, no. 3, pp. 194–210.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юлиана Н. Ершова, студентка бакалавриата, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; yulanna.yershova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Juliana N. Yershova, bachelor student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; yulanna.yershova@mail.ru

Главный редактор

Барышева Елена Владимировна

Выпускающий редактор английского текста

Антонова Ирина Борисовна

Научный редактор и корректор

Бакланов Даниил Антонович

Дизайн и вёрстка

Тагильцева Софья Александровна

МОСКВА 2026

molodoi.istorik@rggu.ru

За ведение сайта благодарим
Бысова
Никиту Евгеньевича!

<https://molodoyistorik-rsuh.ru/>